

С. 2045 363

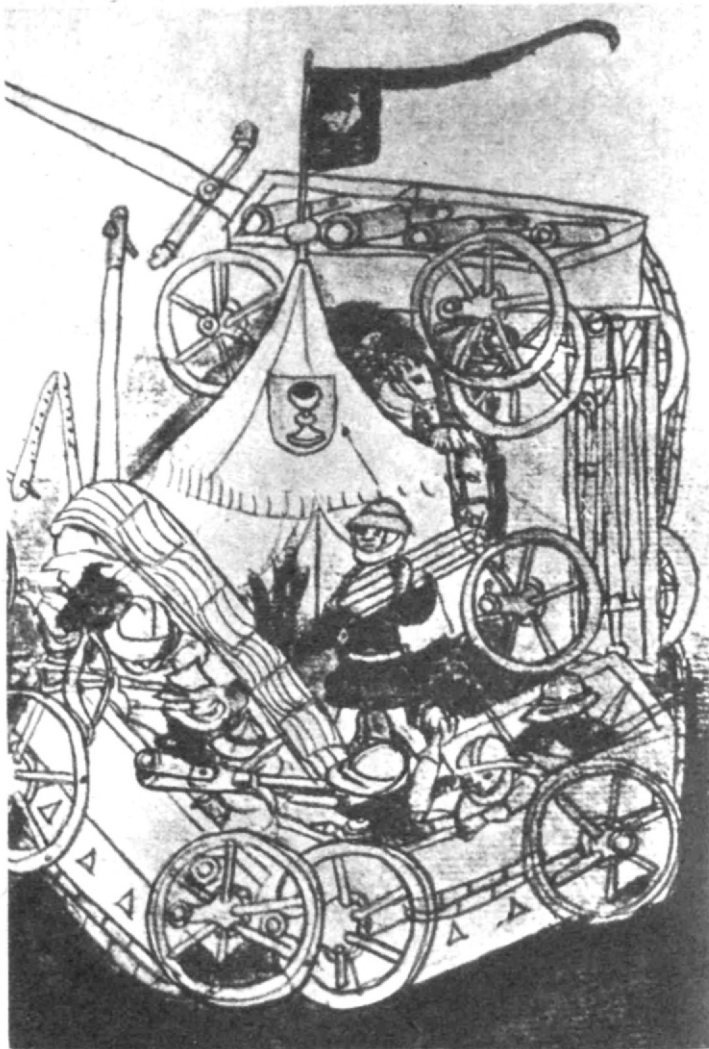
Студенческая
Библиотека

И ЖИВЫ ПАМЯТЬЮ СТОЛЕТИЙ

55 к.

ЛАГЕРЬ ТАБОРИТОВ. Гравюра XV в.

И ЖИВЫ ПАМЯТЬЮ СТОЛЕТИЙ

ОЧЕРКИ О ВОЖДЯХ
НАРОДНЫХ ДВИЖЕНИЙ
В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЕ

МИНСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «УНИВЕРСИТЕТСКОЕ»
1987

«И ЖИВЫ ПАМЯТЬЮ СТОЛЕТИЙ...»

очерки о вождях народных движений в средневековой Европе

Минск: издательство «Университетское». 1987. 190 с.

Рецензенты:

Евгений Павлович Наумов, доктор исторических наук
Георгий Львович Курбатов (16.05.1929 — 6.02.2003), профессор исторического факультета ЛГУ (ныне СПбГУ)

Научные редакторы:

Юрий Евгеньевич Ивонин, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Смоленского государственного университета
Нина Антоновна Гусакова, кандидат исторических наук

Веб-публикация: [Vive Liberta](http://vive.liberta.ru), 2013

Раздел нашей библиотеки, посвященный истории Средних веков:

<http://istmat.info/node/29199>

Грацианский Н.П. Рабочие и крестьянские движения в средние века

Лей Г. Очерк истории средневекового материализма

Мацек Й. Табор в гуситском революционном движении

Рутенбург В.И. Народные движения в городах Италии. XIV — нач. XV вв.

Самаркин В.В. Восстание Дольчино

Сказкин С.Д. Исторические условия восстания Дольчино

и др. книги и статьи

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие

Олег Робертович Бородин. «За всех, на чью долю выпал рабский удел»
(Фома Славянин)

Виктор Анатольевич Федосик. В борьбе с папой (Арнольд Брешианский)

Людмила Петровна Сушкевич. Восстание под руководством Дольчино

Наталья Ивановна Басовская. Капитан Жаков (Гийом Каль)

Владимир Ильич Райцес. Жанна д'Арк

Юрий Евгеньевич Ивонин. «Когда Адам пахал, а Ева пряла, кто был в Англии дворянином?» (Уот Тайлер и Джон Болл)

Нина Антоновна Гусакова. «Я выбираю не между жизнью и смертью, а между правдой и ложью» (Ян Гус)

Нина Антоновна Гусакова. «И павший в бою - победитель» (Ян Желивский)

Татьяна Павловна Гусарова. «Я хотел обновить мир» (Дьердь Дожа)

Юрий Евгеньевич Ивонин. «Вся власть должна быть отдана простому народу» (Томас Мюнцер)

Рекомендуемая литература

Квось столетия угнетения и мрака пронесло человечество память о смелых и мужественных борцах, не мирившихся с эксплуатацией человека и засильем церкви. Среди них мы видим вождей народных движений в средневековой Европе. Из средневекового крестьянства и городского плебса выдвигались свои самобытные народные идеологии — пророки, страстно обличавшие феодальное неравенство и призывавшие народ к его уничтожению. Они играли важную роль в формировании у крестьян и плебеев социальных идей и теорий. Обычно эти проповедники происходили, как указывал Ф. Энгельс, из плебейской части духовенства и многие из них, выступив в качестве представителей плебеев и крестьян, окончили свою жизнь на эшафоте¹. Яркая пламенная жизнь вождей народных движений служила и служит примером самоотверженности и преданности делу народа. Их много, обо всех трудно рассказать, о самых выдающихся повествуется в этой книге. Здесь и пламенный трибун, борец против папского Рима Арнольд Брешианский, и национальная героиня Франции Жанна д'Арк, и чешский патри-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 7. С. 352.

от Ян Гус, руководители английских крестьян Уот Тайлер и итальянских — монах Дольчино, и предвосхитивший идеалы коммунистического общества немецкий проповедник и революционер Томас Мюнцер. Всех их объединяло стремление к народному счастью. Они не знали истинных путей освобождения, которые были позднее указаны основоположниками научного коммунизма. Но они, по выражению В. И. Ленина, «боролись, как умели и как могли»².

Борьба крестьян против феодальной эксплуатации происходит через всю историю феодализма. Обострение социальных противоречий в деревне было главной причиной мощных крестьянских восстаний, которые прокатились по Западной Европе в XIV—XV вв. В тех странах Западной Европы, где происходил процесс превращения крестьян из натуральных производителей в товаропроизводителей, отчетливо наблюдались и большие изменения в их социально-политическом бытии и мышлении. Появляется идея имущественного и правового равенства. Эта идея как противовес феодальной собственности и социальному неравенству — характерная черта крестьянско-плебейских восстаний XIV—XVI вв.

В средние века плебейско-крестьянские ереси и еретические движения были формой классовой борьбы народных масс. Это объясняется тем, что тогда религия была господствующей формой идеологии. По определению Ф. Энгельса, в средние века «чувства масс вскормлены были исключительно религиозной пищей; поэтому, чтобы вызвать бурное движение, необходимо было собственные интересы этих масс представлять им в религиозной одежде»³, а чтобы бороться с господствующими общественными отношениями, «нужно было сорвать с них ореол святости»⁴. В. И. Ленин считал, что «выступление политического протеста под религиозной оболочкой есть явление, свойственное всем народам, на известной стадии их развития»⁵. Стронники крестьянско-плебейской ереси из христианского мифа о равенстве сынов божьих выводили «гражданское равенство и уже тогда отчасти даже равенство имуществ»⁶. Требования сословного и имущественного равенства отражали

настроения и взгляды крестьян, вызванные их враждебным отношением к господствующему классу, церкви, государству. Такая радикальная программа переустройства общества находила свое выражение в мечтах о «тысячелетнем царстве». Этим мечтам Дольчино, Джон Болл, левые табориты, Томас Мюнцер придавали революционный характер. Они не полагались на «божью волю», а призывали к активным действиям.

Для народных движений раннего средневековья характерны крайняя неорганизованность и отсутствие руководителей из собственной среды. Все это относится прежде всего к восстанию Фомы Славянина в Византии. В народных движениях классического средневековья заметны уже другие черты. В основном эти восстания были крестьянскими. Требования восставших чаще всего сводились к следующему: предоставление личной свободы и уничтожение наиболее тяжелых феодальных повинностей, отмена церковной десятины, свобода пользования общинными угодьями и возврат ранее захваченных феодалами. Новым моментом было требование сокращения государственных поборов и амнистии участникам восстания.

В этих движениях обычно было требование ликвидации старой церковной системы (восстания Дольчино и Уота Тайлера, движение таборитов). Кроме этого, крестьянским движениям того времени часто было свойственно стихийное и недостаточно социально осмысленное стремление к уничтожению всего существовавшего общественного строя. Но в некоторых восстаниях появились уже более четкие идеологические представления, а именно в Смитфилдской программе во время восстания Уота Тайлера, в проповедях Джона Болла, Дольчино, в идеях таборитов.

Наиболее законченное идеологическое осмысление крестьянских программ выражалось в крестьянско-плебейских ересах, когда они сливались с крестьянскими восстаниями⁷. Кульминацией классовой борьбы для европейского крестьянства в средние века были мощные восстания XIV и отчасти XV вв.⁸

Как правило, они имели локальный характер, редко распространялись на всю страну. «Общенациональным» характером отличалось прежде всего гуситское движение.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 194.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 314.

⁴ Там же. Т. 7. С. 361.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 228.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 7. С. 362.

⁷ Гутнова Е. В. Классовая борьба и общественное сознание крестьянства в средневековой Западной Европе (XI—XV вв.). М., 1984. С. 238.

⁸ Там же. С. 215.

Его интернациональные связи и величественные походы, союз, хотя временный и непрочный, бюргерства с крестьянско-плебейским лагерем и существование крестьянско-плебейского лагеря как самостоятельного течения были шагом вперед по сравнению с Жакерией и восстанием Уота Тайлера⁹.

Последним в цепи этих восстаний следует считать Крестьянскую войну в Венгрии под руководством Дьердя Дожи в 1514 г. Этим восстанием открывается серия крестьянских войн в странах Центральной и Восточной Европы. Они имели существенное значение в развитии товарного хозяйства, которое приобрело необратимый характер. Крестьяне получили личную свободу, постепенно были созданы предпосылки для развития капиталистических отношений.

Реформация и Крестьянская война в Германии, составлявшие основу первой раннебуржуазной революции, имели качественно новый характер по сравнению с восстаниями XIV—XV вв. Это движение имело общенациональный размах, протекало более длительно и организовано, в него были вовлечены разнородные социальные элементы, прежде всего нарождающаяся буржуазия. Раннебуржуазная революция в Германии выражала уже кризис и распад феодального общества.

Важно отметить, что в современной буржуазной историографии, как правило, не считают антифеодальную борьбу крестьянства в средние века классовой борьбой. Зачастую главным ее источником называются не социальные отношения в феодальном обществе, а политика централизующихся государств. Борьбе крестьян приписывается не революционный, а, скорее, консервативный или даже реакционный характер, поскольку, мол, она не осознавалась крестьянами, обычно не выдвигавшими политических требований.

Откровенно антимарксистски настроен французский историк Г. Фуркен, утверждающий, что, поскольку в средние века были только сословия, а не классы, не могло быть и классовой борьбы. Занимающие более осторожную позицию французские ученые М. Молла и Ф. Вольф считают главными причинами крестьянских и городских движений XIV—XV вв. аграрный кризис начала XIV в.

и процесс централизации феодальных государств. В свою очередь Р. Фоссье отрицает существование классовой борьбы крестьянства до XIV в. Другой французский историк Ж. Дюби пытается доказать, что крестьянские восстания XIV—XV вв. носили в основном политический характер.

И лишь редкие историки на Западе трактуют антифеодальные движения в средние века с менее предвзятых позиций. Крупный французский медиевист М. Блок (1886—1944), например, утверждал, что борьба крестьян против феодальной эксплуатации так же закономерна, как и забастовка при капитализме, а английский историк наших дней Р. Хилтон признает существование антифеодальной борьбы крестьян на всем протяжении средних веков, хотя и избегает термина «классовая борьба».

Крестьянские восстания были обречены на поражение. Однако борьба крестьян за освобождение от феодального гнета была борьбой за превращение крестьян в свободных производителей, за развитие товарного производства, что в перспективе открывало дорогу буржуазному развитию. «Крестьянин,— писал В. И. Ленин,— был в Европе повсюду революционер, когда он боролся с феодалами, крепостниками и помещиками»¹⁰. Борьба крестьянских масс способствовала постепенному переходу к новым, смягченным способам феодальной эксплуатации, ставила серьезные преграды феодальной реакции, ускоряя процесс прогрессивной экономической и социальной эволюции общества.

Классовое сознание крестьян не отличалось в тот период высоким уровнем, но они (или их идеологи) понимали свои социальные и политические интересы, сознавали необходимость бороться за освобождение от феодальной эксплуатации, за землю и свободу.

Н. А. Гусакова
Ю. Е. Ивонин

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 340.

⁹ Чистозонов А. Н. Европейский крестьянин в борьбе за землю и волю (XIV—XV вв.) // Средние века. М., 1975. Вып. 39. С. 21.

СЫН ИМПЕРАТОРА МИХАИЛА ФЕОФИЛ РУКОВОДИТ КАЗНЬЮ УЧАСТНИКОВ
ОППОЗИЦИИ, IX в.

О. Р. БОРОДИН

„ЗА ВСЕХ, НА ЧЬЮ ДОЛЮ ВЫПАЛ РАБСКИЙ УДЕЛ“

Н

аучная биография Фомы Славянина — руководителя крупнейшего в истории Византийской империи восстания против центральной власти — до сих пор не написана. Эпизоды его полной опасностей и приключений жизни приходится с трудом воссоставлять, сопоставляя смутные и часто противоречивые указания источников, как современных восстанию, так и более поздних. В ряде случаев историк вынужден дополнять немногие известные факты более или менее правдоподобными гипотезами. К сожалению, иного пути нет.

Когда родился Фома Славянин? Точно неизвестно, но мы знаем, что ко времени начала восстания (821 г.) он был уже пожилым человеком. Фома был другом детства (а по словам хрониста Генесия, и ровесником) императора Льва V Армянина, который вступил на престол в 813 г. вполне зрелым человеком, видным военачальником. Во время восстания Фома выдавал себя за чудом спасшегося императора Константина VI, отстраненного от власти и ослепленного своей матерью Ириной в 797 г. Константин родился в 770 г., и Фома, должно быть, был его ровесником. Поэтому можно считать, что Фома родился в конце 60-х или в начале 70-х гг. VIII в. и к моменту выступления против государственной власти ему было около 50 лет.

До сих пор не установлено, был ли в действительности Фома славянином по происхождению. Византийский автор, скрывающийся под именем Продолжателя Феофана, считал, что «...он был из тех славян, которые неоднократно укоренились на Востоке». Хронист IX в. Генесий сообщает, что Фома происходил «из армянского племени», но вскоре, сам себя опровергая, называет его скифом. Наконец, в одном из житий IX в. Фома назван ромеем. Наиболее убедительным представляется мнение Продолжателя Феофана. Он — единственный, кто приводит мало-мальски убедительное определение этнического происхождения Фомы, упоминая о славянах, переселявшихся на Восток. К тому же скифами в византийских памятниках этого времени обычно называют именно славян. Свидетельство об армянском происхождении Фомы ошибочно и, может быть, проистекает из названия фемы* Армениак, где он родился. Ромеем Фому называют, вероятно, в широком смысле слова как гражданина империи, византийца, но не грека.

Из какого социального слоя вышел Фома? В источниках указывается, что он был «низкого происхождения». И весь его жизненный путь свидетельствует о том, что к знати Фома не принадлежал. В то же время в круг его знакомых входили будущие императоры Лев V и Михаил II Травл, происходившие из фемных военных кругов. То, что Фома служил в фемном войске и в дни восстания продемонстрировал воинскую квалификацию (а социальный статус и профессия в Византии IX в., как правило, были наследственными), позволяет думать, что Фома вышел из военной среды, из семьи стратиота** или младшего командира.

О первых десятилетиях жизни Фомы Славянина ничего неизвестно. Впервые мы встречаемся с ним в годы правления императрицы Ирины (797—802). В это время молодой Фома покидает Малую Азию и приезжает в Константинополь. В столице империи он поступает на службу к одному из сенаторов (членов императорского синклита).

* Фемы — крупные административные и военные единицы (военные округа), на которые делилась Византийская империя в VII—XII вв. Во главе фемы стоял стратиг. Фема делилась на тагмы (отдельные районы), во главе которых стояли турмархи.

** Стратиоты — солдаты византийской армии. Они наделялись земельными участками, доходы с которых составляли их жалованье, по экономическому положению и образу жизни являлись зажиточной прослойкой крестьянства.

В двух источниках сенатор назван по имени: в одном — Вандан, в другом — Турок, но, скорее всего, и то и другое неверно. Варданий Турок — так звали инициатора возмущения против центральной власти, в котором участвовал Фома в 803 г. Спустя некоторое время начался роман между молодым малоазийцем и женой сенатора. Когда их отношения стали известны сенатору, Фома бежал из столицы. Приведенный рассказ излагается в письме византийского василевса Михаила II Травла франкскому императору Людовику Благочестивому. На этом основании его часто подвергают сомнению, полагая, что он придуман с тем, чтобы скомпрометировать вождя народного движения. Однако отметим, что об этом эпизоде из жизни Фомы пишут и многие другие авторы: Псевдо-Симеон, Генесий, Продолжатель Феофана, Скилица. Сам же Михаил Травл лично знал Фому Славянина, поэтому едва ли рассказ полностью лишен фактической основы.

К концу правления Ирины Фома находился в Малой Азии, в феме Анатолик, где служил под командой стратига Вардания Турка. Следовательно, из Константинополя он уехал на родину, где поступил в армию. (Весьма вероятно, что он служил в войске и до отъезда в столицу.) Здесь он снова встретился с другом детства Львом Армянином и познакомился с Михаилом Травлом, ставшим его соперником на военном поприще и личным врагом до конца жизни. Красивая легенда рассказывает, что однажды Варданий Турок, Фома, Лев и Михаил посетили в монастыре Филомелион старика-монаха, предсказывающего будущее. Когда стратиг спросил его о судьбе троих своих спутников, прорицатель предрек Льву и Михаилу императорскую порфиру, а Фоме сказал, что он провозгласит себя императором, но вскоре погибнет.

31 октября 802 г. в результате дворцового переворота в Константинополе была свергнута с престола и отправлена в монастырь на о. Лесбос императрица Ирина. Переворот был организован верхушкой столичного чиновничества, недовольного расстройством государственных финансов и налоговой политикой царицы. На престол вступил один из высших сановников империи Никифор Геник (802—811). В этой сложной внутренней обстановке провинциальная военная знать попыталась прорваться к власти. Ее вождем стал Варданий Турок.

19 июля 803 г. Варданий был провозглашен императором. Он выступил с войсками против г. Хрисополя, однако

взять его не смог и отступил. Неудача, по-видимому, охладила пыл мятежников. Многие военные командиры заявили, что намерены хранить верность императору Никифору. Среди них были Лев Армянин и Михаил Травл. Варданий Турок вступил в переговоры с Никифором и при условии амнистии для себя и участников мятежа согласился прекратить сопротивление. Император, однако, не сдержал слова и после капитуляции мятежников ослепил Варданию Турка, бежавшего в монастырь на о. Проти.

Фома Славянин от начала до конца мятежа принимал в нем активное участие. Он не поверил посулам императора, не сложил оружия, а по окончании мятежа бежал в Багдадский халифат. Так, в 803 г. началось его изгнание, продолжавшееся до 813 г.

Об арабском периоде жизни Фомы почти ничего неизвестно. По его действиям впоследствии мы можем судить, что, находясь у арабов, он хорошо изучил организацию их армии, освоил тонкости арабской дипломатии, завоевал полезные знакомства в высших правительственных сферах халифата. Принять все это можно, если отнестись с некоторым доверием к сообщению одного позднего восточного автора — Михаила Сирийца (вторая половина XII в.), который утверждает, что Фома выдал себя за сына императора Константина VI. В дальнейшем, подняв восстание против империи, Фома выдавал себя за Константина VI. Конечно, он мог представиться арабам как Константин VI, но не как его сын. Последнее было невозможно вследствие возраста Фомы. Тут Михаил Сириец ошибается. Постоянно враждебные Византийской империи арабские правители не отказали себе в удовольствии иметь на всякий случай в своей свите претендента на византийский престол.

В это десятилетие блестящую карьеру сделал бывший товарищ Фомы Лев. После подавления восстания Вардании Турка за свою верность императору Никифору он был назначен турмархом тагмы Федератов в составе фемы Анатолик. Вскоре он стал стратигом этой фемы. К 813 г. Лев — наиболее авторитетный полководец империи. 11 июля 813 г., после отречения императора Михаила I Рангаве, «войско, сенат и народ» Константинополя провозгласили Льва Армянина василевсом империи ромеев.

Вскоре после вступления на престол Лев V пригласил вернуться из изгнания Фому Славянина и назначил

его турмархом тагмы Федератов. Мы совершенно не осведомлены о его военных или административных успехах. Однако годы службы в тагме Федератов не прошли для него впустую. Последующие события показали, что за это время он снискал себе колоссальный авторитет, приобрел массу сторонников как в своей феме, так и далеко за ее пределами.

Источники расходятся при определении даты начала восстания Фомы. Официальная традиция утверждает, что Фома начал выступление в конце правления Льва V. Но целый ряд авторов (Георгий Монах, Псевдо-Симеон, Генесий) относят его к первым дням царствования Михаила II (820—829 гг.). Официальная версия вызывает возражения. Она принадлежит самому императору Михаилу. В уже упоминавшемся письме Людовику Благочестивому он описывает дело так, будто император Лев был не в силах справиться с Фомой. Недовольные этим некие «бесчестные люди» из числа царедворцев составили заговор и убили государя. После этого патриарху, вельможам и сенату ничего не оставалось делать как пригласить на престол Михаила — спасителя империи. Однако, как известно, организатором заговора против Льва был сам Михаил Травл. Заговор был раскрыт, Михаил осужден на казнь. Но пока он находился в тюрьме, оставшиеся на свободе его сторонники совершили переворот и прямо в цепях возвели на престол освобожденного ими Михаила. В письме франкскому императору Михаил Травл ищет оправдание своему поступку и находит его в якобы имевшей место «национальной опасности», с которой мог справиться только он, Михаил. Но авторы других источников не согласны с Травлом.

Сторонники второй версии утверждают, что Фома выступил против империи, лишь узнав о гибели своего друга Льва и о вступлении на трон ненавистного ему Михаила. Такое развитие событий выглядит более правдоподобным. Несомненно (и мы в этом убедимся), что Фомой Славянином руководили не только личные интересы, однако и их нельзя сбрасывать со счетов. Вряд ли Фома стал бы восставать против своего товарища и благодетеля императора Льва. Его убийство Михаилом возмутило Фому. Кроме того, он понимал, что при Михаиле ему не удастся сохранить пост турмарха Федератов, а, возможно, придется опасаться за свою жизнь. В этих условиях он и поднял знамя восстания. Лев V был убит 24 декабря

820 г. Поэтому можно считать, что восстание Фомы Славянина началось в первые недели 821 г.

Каково было внутриполитическое положение Византийской империи к началу восстания Фомы?

К 20-м гг. IX столетия Византийская империя переживала большие трудности. Это была эпоха иконоборчества. Иконоборчество, внешне выразившееся в борьбе против почитания икон, по существу, состояло из многочисленных течений, имевших разнообразное идейное, политическое и общественно-экономическое содержание. Наиболее радикальным и наиболее демократическим из них было павликианство. Сторонники этого движения под видом борьбы с церковными порядками боролись за облегчение положения народных масс. Павликиане верили, что существуют два бога, один из которых, «отец небесный», не имеет власти в этом мире, но получит ее в будущем, в результате своей победы над «Создателем мира» — злым богом, принесшим на землю несправедливость и разлад. Они считали своим долгом способствовать победе доброго бога над злым, выступали за всеобщее равенство, уничтожение существующих социальных градаций. Кости времени восстания Фомы Славянина павликианство, прошедшее полуторавековой путь развития, было весьма популярно в Малой Азии и в Арабском халифате. Оно привлекало в свои ряды массы угнетенных — солдат-стратотов, ремесленников и в первую очередь крестьян, страдавших от государственной эксплуатации и притеснений фемной знати. На границе халифата с Византией павликиане имели свои поселения и крепости. Они поддерживали контакты с другими радикальными демократическими сектами, и прежде всего с тондракитами — представителями близкого по идеологии павликианству еретического течения, распространенного в Закавказье. К концу второго десятилетия IX в. павликиане были озлоблены репрессиями, организованными против них в правлении Михаила I Рангаве и Льва V Армянина.

Если крайние, радикальные круги иконоборцев использовали эту идеологию для борьбы против эксплуататорского государства, то и сама государственная власть с 20-х гг. VIII в. воспользовалась этим движением как удобным прикрытием для достижения собственных целей. Под знаменем борьбы против икон императоры «еретики» Лев III, Константин V, Лев IV, Лев V подчинили византийскую церковь государству, разгромили церковную и сена-

горскую оппозицию, провели конфискации в свою пользу имущества и сокровищ ряда крупнейших церквей и монастырей. Неудивительно, что людей, выступивших против иконоборцев, было немало в среде духовенства, особенно в высших кругах монашества. Иконопочитатели имели поддержку среди части крестьянства и горожан, для которых поклонение иконам было освящено традициями многих поколений. Их социальный протест против гнета императорской власти неизбежно принимал форму борьбы против «еретиков», за «святые» образа и «священные» реликвии.

Идейные конфликты в Византийской империи обострялись и без того тяжелое социально-экономическое положение страны. Имперский налоговый пресс все сильнее давил на плечи рядовых византийских тружеников. В обычных условиях в это время бюджет империи составлял 6—8 млн золотых солидов в год. Из них 2—3 млн уходило на содержание армии, около 1 млн — на бюрократический аппарат. Победоносные войны первых императоров-иконоборцев потребовали увеличения численности и улучшения оснащенности войска, а значит, колоссальных финансовых затрат. Государственная казна истощалась вследствие бессмысленных раздач, подарков фаворитам и прямого воровства особенно в правление Ирины. Ее преемник Никифор I навел некоторый порядок в государственных финансах, но вновь — за счет увеличения налогов. Многолетняя война с Болгарией вызвала их новый рост. Следует иметь в виду, что в соответствии с византийским законодательством, если земельный участок оставался без хозяина, налоги за него обязаны были вносить соседи. Таким образом, если земледелец умирал без наследников или бежал, государство ничего не теряло, но положение крестьян-соседей становилось значительно тяжелее.

С государственной эксплуатацией сочеталась частная. Немало земельных владений сохранили монастыри. Приобретали имения представители военной и гражданской знати. Из среды крестьянских общин выделялись свои крупные собственники-динаты. Сохранялись (правда, как исключение) огромные латифундии старой восточноримской аристократии. Во всех этих имениях работали люди, лично зависимые от господ, — батраки (м и с т и и), челядь, рабы. Их уровень жизни был крайне низок. Тяжелый труд, бесправие и лишения превращали рабов — низшую

категорию эксплуатируемых — в «горючий материал», всегда готовый вспыхнуть огнем возмущения.

Социальное положение Византии осложнилось еще тем, что на ее территории проживали многочисленные этнические меньшинства. Среди них особое место занимали славянские племена, расселившиеся в европейской части страны — Македонии, Греции, Фракии, Пелопоннесе и проникшие в Малую Азию. Центральное правительство стремилось распространять на них общегосударственную систему эксплуатации, лишить их племенного самоуправления, заставить платить государственные налоги. В конце VIII — начале IX в. славяне Греции и Македонии неоднократно поднимали восстания. Сказанное о славянах может быть частично применено и многочисленным народам, жившим в азиатских областях империи.

В начале IX в. Византийская империя потерпела ряд жестоких поражений в войнах с болгарами. В 814 г. при хане Омуртаге был заключен тяжелый для Византии Тридцатилетний мир, по которому граница между империей и Болгарией заметно отодвинулась на юг. Военные неудачи в сочетании с кризисом внутри государств будили в сердцах византийцев воспоминания о победоносных императорах-воинах Льве V, Константине V. Вспомнили о Константине VI — талантливом полководце, лишенном престола в 797 г. Создавали условия для появления самозванцев.

На восточных рубежах Византии с переменным успехом продолжалась пограничная война с Арабским халифатом. После чувствительных поражений, нанесенных арабам византийцами в середине VIII в., багдадские халифы ждали удобного момента для ответного удара и готовы были поддержать любое оппозиционное правительству движение в Византии.

Таким образом, к 20-м годам IX в. в Византийской империи существовали социально-экономические, политические и идеологические причины для начала борьбы против государственной власти. Самые разные общественные силы и течения готовы были принять в ней активное участие. Нужен был лишь толчок, способный привести их в движение. Им стало выступление Фомы Славянина.

В январе 821 г. Фома Славянин вновь, как прежде в Багдаде, объявил себя Константином VI, чудесным образом спасшимся от рук палачей, и призвал всех своих сто-

ронников к борьбе против узурпатора Михаила. По-видимому, он опирался на войско своей тагмы Федератов и быстро привлек на свою сторону других турмархов фемы Анатолик. Император Михаил II совершил ошибку, полагая, что для усмирения бунтовщиков будет достаточно небольшой карательной экспедиции. Посланный правительством отряд был наголову разбит. Эта первая победа Фомы произвела сильнейшее впечатление на стратегов малоазийских фем и местных племенных вождей, которые один за другим стали переходить на сторону повстанцев. Во всех фемах, признавших власть Фомы, были захвачены средства, предназначенные для уплаты в государственную казну. Фома привлек на свою сторону императорских налоговых сборщиков и обратил налоги в свою пользу, обеспечив себе материальную базу для дальнейших действий. Раздавая деньги преданным военным командирам, он привлекал в ряды своих сторонников все новых людей.

Генесий и Продолжатель Феофана приводят длинный перечень народов и племен, поддержавших Фому. Этот перечень не лишен преувеличений, но несомненно, что среди сторонников Фомы были и персы, и арабы, и армяне, и иберы, и абасги. В восстании приняли участие и павликиане, что неминуемо придавало движению остросоциальную окраску, превращало его в восстание против эксплуатации со стороны феодализировавшегося византийского государства. В результате к нему примкнули «рабы, ненавидевшие своих господ», солдаты, поднявшиеся против командиров, «все те, враждебные к господам, на долю которых выпал рабский удел». Становясь выражением классового протеста, восстание Фомы охватывало все новые и новые области Малой Азии.

В борьбе с византийским правительством Фома Славянин искал поддержки арабов. Некоторые полусвободные, вассальные лишь формально по отношению к халифату племена, вероятно, примкнули к выступлению Фомы, и поэтому источники называют арабов в числе его сторонников. Но известно и то, что в первые недели гражданской войны в империи арабы осуществили целый ряд удачных грабительских походов в пограничные области Византии. Правительство халифата было убеждено, что теперь такие вылазки останутся безнаказанными, тем более, что помнило Фому как претендента на византийский престол, и, видимо, рассчитывало на его полную покорность. Однако Фома показал, что роль арабского под-

ручного придумана не для него. С огромной и хорошо организованной армией он провел военные маневры в пределах границ халифата, избегая при этом конфликтов с населением и войсками халифа. Вид большого дисциплинированного войска произвел сильнейшее впечатление на арабов. Сразу после этого Фома направил в Белград послов с предложением заключить договор о союзе против Михаила II. Халиф Мамун (813—833 гг.) охотно подписал договор. В дальнейших боевых действиях арабы участвовали как вспомогательные контингенты в армии Фомы. Набеги арабов на византийские фемы Малой Азии прекратились. Решая проблему взаимоотношений с арабами, Фома Славянин обнаружил незаурядное дарование политика и дипломата: в короткий срок он возвысился в глазах сарацин из гонимого мятежника в равноправного государя и заключил выгоднейший союз с великой арабской державой.

Одновременно Фома провел ряд мероприятий по легализации своей власти. Он усыновил одного из своих сподвижников, по словам источников, «полуварвара» Констанция и поставил его во главе отдельной армии. Акт усыновления императором кого-либо из родственников или соратников имел символическое значение. Обычно вскоре усыновленного объявляли соправителем. В Византии, где не существовало правила передачи престола по наследству, императоры гарантировали благодаря усыновлению и соправительству преемственность своей власти. Усыновив Констанция, Фома подчеркнул, что следует традициям императоров, и одновременно обеспечил руководство восстанием на случай собственной смерти (впоследствии с этой целью после гибели названного сына он усыновляет другого своего боевого товарища — Анастасия, родом индийца). Вскоре Фома Славянин сам торжественно коронуется императором в Антиохии. Это событие нуждается в объяснении.

Фома выдавал себя за Константина VI — полноправного коронованного монарха. Зачем же ему было короноваться вторично? В Византийской империи коронации издавна придавалось большое значение. Однако не она официально утверждала претензии на престол того или иного государственного деятеля. Он считался полноправным государем с момента своего провозглашения императором со стороны войска, сената и народа. Поэтому, в частности, традиционные для угнетенных масс средневековья царистские иллю-

зии выступали в Византии в оригинальной форме: не как вера в «доброе, законного царя», а как стремление утвердить на престоле своего, близкого к народу императора. Коронация же, которую осуществлял патриарх, была символом единения василевса с церковью, свидетельствовала о богоосвященности его власти. Для того чтобы продемонстрировать это единение, Фома и организовал свою якобы повторную коронацию. Кроме того, это был дружественный жест по отношению к арабскому халифу, во владениях которого находилась Антиохия. В акте увенчания диадемой Фомы Славянина есть еще один момент. Приняв корону из рук антиохийского патриарха-иконопочтателя Иова, Фома стремился и несколько расширить социальную базу своего движения за счет сторонников почитания икон.

Политические успехи Фомы еще сильнее укрепили его влияние в стране. Во всей Малой Азии остались лишь две фемы, верные правительству, — Армениак и Опсикий во главе со стратегами Ольвианом и Катакилой. Император Михаил спешно вознаградил население верных фем сокращением вдвое подушного налога. Эту щедрость можно объяснить предположением, что подобное уже было сделано Фомой, и Травл опасался, что социальная политика самозванца привлечет к нему население Армениака и Опсикия. Опсикий и Армениак были окружены подвластными Фоме территориями и с трудом держали оборону. Более того, в самом Армениаке повстанцы приобрели в конце концов ряд опорных пунктов.

Фома Славянин овладел флотом прибрежных фем — Эгейской и Кивериотской. Но этого флота ему показалось недостаточно, и по его указанию повстанцы приступили к строительству новых боевых кораблей и транспортных судов. Итак, в первые месяцы восстания Фома Славянин провел всестороннюю подготовку к главному событию войны — походу на столицу империи. К осени 821 г. все было готово для выступления.

В конце октября или начале ноября 821 г. Фома сосредоточил свой флот на о. Лесбос. Сам же, разделив войско на две армии, собирался переправиться через пролив Босфор. Во главе первой 80-тысячной армии он занял Абидос и прилегающее побережье. Его приемный сын Констанций с другой армией двигался параллельно, но внезапно был атакован с тыла войсками стратига фемы Опсикий, потерпел поражение и погиб в бою. Его голову стратиг

Катакила отправил императору Михаилу, а тот переслал ее Фоме.

Но это поражение практически не повлияло на развитие событий. Фома, дождавшись подхода остатков войска Констанция, погрузив войска на корабли, пересек Босфор и одновременно в нескольких пунктах фракийского побережья высадил их. Не готовый к такому повороту дел император Михаил с небольшим отрядом срочно прошел по селам Фракии, требуя от населения не оказывать поддержку мятежникам, но это не имело успеха. Тогда император приказал стратигам Катакиле и Ольвиану спешно переправить в Константинополь часть войска и кораблей своих гавани военные суда и запер огромной железной цепью константинопольскую бухту Золотой Рог. Тем временем на сторону Фомы перешел видный военачальник племянник покойного императора Льва V Георгий Птерот, сосланный Михаилом Травлом на о. Скирос. Возглавив 10-тысячную армию, он подошел к Константинополю с северо-запада. Часть флота повстанцев прорвалась через оборонительную цепь и сосредоточилась во Влахернской бухте напротив императорского дворца. Подготовив осадные машины, Фома направил против Константинополя огромную армию во главе со своим приемным сыном Анастасием, рассчитывая, что, увидев это колоссальное войско, осажденные добровольно сдадут город. Однако Михаил Травл отклонил требования о сдаче. Фома без труда занял весь Фракийский полуостров и стал готовиться к штурму. Готовились и осажденные. Развернулось антиповстанческая агитация. Сын Михаила Травла Феофил во главе процессии духовенства обходил стены со священными реликвиями в руках, воодушевляя обороняющихся.

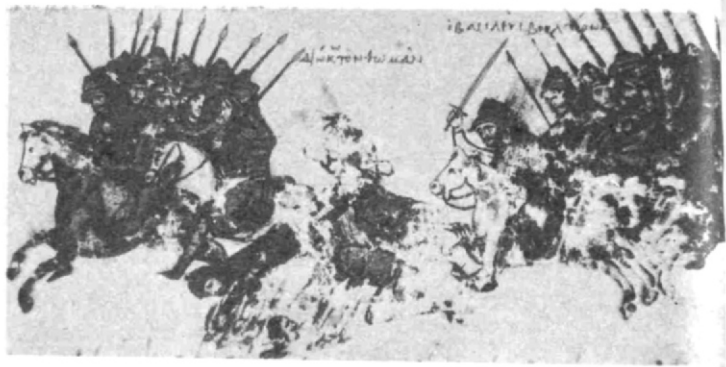
Штурм в соответствии с планом Фомы Славянина начался одновременно в трех местах. Войска Анастасия атаквали со стороны длинной городской стены, сам Фома штурмовал стену Влахернского дворца, наконец, флот, оснащенный специальными камнеметательными орудиями — гелеполями, выступил со стороны моря. Натиск штурмующих был отбит, а поднявшийся сильный ветер, обычный в декабре на Босфоре, не позволил кораблям сосредоточиться для нападения на город. Потерпев неудачу, Фома снял осаду.

Весной 822 г. Фома возобновил осаду Константинополя. Приступ снова был отбит. Трудности длительной осады

расшатали дисциплину в армии Фомы Славянина. С высоты городских стен император Михаил обратился к повстанцам с речью, обещая амнистию всем, кто сложит оружие. Вскоре часть моряков, подстрекаемая Георгием Птеротом, заявила, что отказывается воевать на море и намерена участвовать в осаде города с суши. Оставив корабли, моряки высадились на берег. Птерот, жена и дети которого находились в заключении в Константинополе, которого вступил при посредничестве некоего монаха Студийского монастыря в переговоры с императором Михаилом, и однажды ночью ушел со своим отрядом во Фракию, где объявил себя сторонником правительств. В результате он стал угрожать войску восставших с тыла. Однако Фома, не снимая осады с города, выступил с частью воинов вслед Птероту, догнал его отряд и одержал над ним победу. Птерот был убит в бою. Вернувшись под стены Константинополя, Фома разослал по всей стране грамоты о своей победе, призывая перейти на свою сторону тех, кто еще не принял решения, кого поддержать. Он нашел поддержку в Греции, в среде восставших славян. Фома получил от туда мощное подкрепление — 350 судов с воинами. Но при подходе к городу их атаковал неприятельский флот, и значительная часть судов повстанцев была сожжена греческим огнем*. Воины, прибывшие из Греции и не утонувшие во время морского боя, присоединились к сухопутной армии Фомы.

Осада города продолжалась все лето и начало осени. Численное превосходство армии Фомы Славянина над осажденными делало невозможным снятие осады без вмешательства внешних сил. Георгий Монах сообщает, что император решил просить о помощи давнего врага ромеев болгарского хана Омуртага. А Генесий и Продолжатель Феофана пишут, что хан сам предложил Михаилу помощь с тем, чтобы отметить таким образом исход первого десятилетия Тридцатилетнего мирного договора между Византией и Болгарией. Царь будто бы отверг предложение, не желая, чтобы неверные «проливали кровь христиан», но болгары все же выступили против Фомы. Несомненно, эта версия является официальной фальсификацией, придуманной для того, чтобы снять с императора

* Греческий огонь — зажигательная смесь, по составу близкая к пороху, вероятно с добавлением нефти и смолистых веществ. Византийцы использовали особые метательные орудия, направлявшие снаряды с греческим огнем на войска и корабли противника.

ЭПИЗОД СРАЖЕНИЯ МЕЖДУ АРМИЕЙ ФОМЫ СЛАВЯНИНА И ВОЙСКОМ ХАНА ОМУРТАГА. Миниатюра IX в.

ответственность за вражеское нашествие. Болгарский хан конечно, в меньшей степени, чем константинопольское правительство, был заинтересован в борьбе с Фомой Славянином. Кроме того, и десятилетие договора, заключенного в 814 г., ожидалось лишь через два года. Появление болгар у стен Константинополя — бесспорный результат дипломатической инициативы, а может быть, и подкуп со стороны императора.

В ноябре 822 г. болгарское войско спустилось с гор и пройдя Аркадиополь, расположилось между Гераклеей и Силимврией на поле Кидуктос. Фома Славянин, не желая разделять на части свое поредевшее войско, был вынужден снять осаду и, оставив у стен столицы только флот, выступил против болгар. В решительном сражении на поле Кидуктос обе стороны понесли большие потери. Победу одержали болгары. Захватив большую добычу, хан отвел свои войска в Болгарию.

Однако войско повстанцев не было уничтожено. Фома собрал свои силы на равнине Диабасис к западу от Константинополя. Армия Фомы относительно спокойно перезимовала здесь, время от времени совершая смелые рейды к стенам «Царского города».

Вторая зимовка во Фракии, по-видимому, отрицательно сказалась на боевом духе войска Фомы Славянина, уставшего от двухлетней и, как считали многие, бесперспективной войны. Об этом говорят сами византийские хронисты, подчеркивая, что повстанцы уже третий год подряд были

оторваны от своих семей и привычных занятий. В апреле 823 г. император Михаил II Травл направил против Фомы небольшую, но хорошо подготовленную армию во главе с проверенными стратигами Ольвианом и Катакилой. Фома Славянин вынужден был принять генеральное сражение. Но разработанный им оригинальный план битвы не учитывал тяжелого морального состояния его войска. Фома решил инсценировать бегство своей армии перед лицом противника, чтобы расстроить его ряды, а затем, неожиданно повернувшись, снова вступить в битву. Но в ходе поспешного отступления мнимое бегство стало настоящим. Началась паника. Часть войск Фомы перешла на сторону императора. Армия повстанцев была разбита. Фома Славянин с небольшим количеством верных воинов отступил по дороге на Аркадиополь и заперся в городе. Его приемный сын Анастасий закрылся с частью войск в крепости Виза. Восставшие удержали еще несколько крепостей (Панион, Гераклею). Все крепости были осаждены царскими войсками.

Потянулись долгие месяцы жизни в осаде. Фома организовал эффективную оборону Аркадиополя. Официальная императорская пропаганда изощрялась, чтобы доказать, будто император не берет Аркадиополь штурмом, не желая кровопролития и с тем, чтобы не показать врагам империи, каким образом можно захватить византийскую цитадель. На самом деле Михаил Травл был просто не в силах сделать это.

Аркадиополь был окружен плотным кольцом осады, положение осажденных было тяжелым. Часть повстанцев, выйдя из города будто бы для сдачи в плен, ушла затем в Визу к Анастасию. К октябрю 823 г. продовольствие в крепости оказалось на исходе. Перед осажденными реально встала перспектива голодной смерти. В этих условиях в гарнизоне возник заговор. Заговорщики выдали властям Фому Славянина на условии помилования. Узнав об этом, сдались и защитники Визы. Вскоре пали Гераклея и Панион.

В Малой Азии сподвижники Фомы Хирей и Газарин из Колоней удерживали крепости Каваллу и Саниану, откуда время от времени продолжали совершать вылазки на территорию врага. Михаил Травл объявил осажденным о падении Аркадиополя, обещая прощение всем и высокие посты предводителям. Но Хирей и Газарин не поддались на посулы врагов. Однако агентам императора удалось

отыскать малодушных среди защитников крепостей. Про должатель Феофана рассказывает, что ворота крепости Саниана открыл перед осаждавшими местный монастырский эконо́м, которому намекнули, что за свою измену он будет назначен неокесарийским митрополитом. Кавалла находилась в осаде до 825 г. и также была взята вследствие предательства. Хирей и Газарин пытались бежать в Сирию к арабам, но по дороге были схвачены и казнены. Так завершилось восстание Фомы Славянина.

В последние месяцы 822 г., когда еще держалось несколько повстанческих крепостей, правительство Михаила II приступило к расправе с участниками восстания. Ужасной была участь Фомы Славянина. По приказу императора ему отрубили руки и ноги, а затем, еще живого, посадили на кол. Той же казни предали его приемного сына Анастасия.

В то же время правительство, столкнувшись с доказательствами собственной крайней непопулярности в стране, проявившейся во время восстания, спешно принимало меры для укрепления своей власти. Так, преследования коснулись сравнительно узкого круга лиц. В конце восстания за добровольную сдачу на милость победителя повстанцам, как правило, давалась амнистия. Не желая осложнять отношений с Арабским халифатом, Михаил II предоставлял союзникам Фомы — арабам свободный выход на родину. Еще в разгар восстания он освободил в Константинополе арабских пленных и просил их участвовать в отражении натиска восставших, обещая за это возвращение домой. В то же время официальная пропаганда не уставала твердить о том, что Фома якобы отдал родную землю на поругание «неверным», явно стремясь стереть в памяти византийцев факт приглашения в страну болгар самим императором Михаилом. Напуганный участием в восстании представителей религиозной оппозиции Михаил Травл резко ослабил накал иконоборческой политики в империи. Были запрещены все споры об иконах. Прекратились преследования умеренных иконопочитателей. Впервые за столет византийский император-иконоборец стал оказывать покровительство монастырям. Михаил II поспешил воспользоваться восстанием для сведения политических счетов и выслал из столицы ряд знатных лиц будто бы за сочувствие Фоме. Конфискованные у соратников Фомы земли и ценности были распределены среди верных императору чиновников и военных. Однако стабилизация импе-

рии протекала медленно и трудно. Была истощена казна, подорваны вооруженные силы государства, почти уничтожен флот. Утрачены важнейшие для нее территории — Крит и Сицилия, перешедшие в руки арабов. Последствия восстания Фомы Славянина еще долго ощущались в экономической, политической и идейной жизни страны. Видимо, главным их выражением можно считать относительно более строгую поляризацию классовых сил в стране. В связи с этим можно утверждать, что объективно восстание Фомы Славянина способствовало ускорению темпов развития феодализма в Византии.

Как следует оценить в целом восстание Фомы Славянина? Неправильно было бы видеть в нем, как это иногда делается, движение в основном религиозное и антииконоборческое. Как уже говорилось, в восстании Фомы Славянина, действительно, приняли участие некоторые иконопочитатели. Сам Фома, приняв корону из рук антиохийского патриарха, подчеркнул свои симпатии к ним. Но в то же время высшие слои иконопочитателей, столичное монашество и его вожди резко негативно отнеслись к возмущению масс. Наиболее авторитетный из них, Феодор Студит, выступал в своих посланиях с гневными обвинениями против Фомы. Выше говорилось, что в восстании значительную роль сыграли павликиане — наиболее радикальные из иконоборцев. Среди союзников Фомы были арабы-мусульмане, армяне (в большинстве григориане), персы-зороастрийцы, языческие племена. Если мы вспомним биографию Фомы, то должны будем отметить, что он восставал против императора — иконопочитателя Никифора I и дружил с иконоборцем Львом V Армянином. Ясно видно, что Фома Славянин был человеком, безразличным к вере, и готов был использовать религию в интересах своего движения. В этом плане он, бесспорно, возвышался над большинством современников.

В чем же в таком случае состоит суть восстания Фомы Славянина? Несомненно, в нем преобладала социальная струя. Как мы помним, источники прямо свидетельствуют о возмущении «всех, на чью долю выпал рабский удел», о восстании рабов против господ. В восстании Фомы Славянина принимали участие приверженцы демократических дуалистических ересей. Эти люди, и в первую очередь павликиане, не стали бы участвовать в движении, не отвечающем их идеалам, и сами неизбежно придавали ему более отчетливую классовую направленность. Фома —

человек «низкого происхождения», должен был хорошо понимать страдания и нужды угнетенных. Его исключительная по жестокости казнь в Византии, где политическим противников, как правило, не убивали, а ослепляли, заставляет думать, что для императора Михаила он был не просто претендентом на престол, а врагом особым, исключительным. Есть все основания расценивать казнь Фомы как проявление классовой ненависти. Наконец, о социальном характере движения свидетельствует его исключительное быстрое, широкое распространение, и нежелание крестьянства (в частности, во Фракии) сохранять верность правительству, и мужество гарнизонов повстанческих крепостей, в безнадежных условиях, уже после гибели предводителя, отказывавшихся от сдачи и амнистии.

В восстании Фомы Славянина принимали участие и социальные силы, которым были глубоко чужды демократические цели движения: военные круги малоазиатских фем, заинтересованные в земельных и денежных приобретениях, новых должностях и наградах; часть знати, острейшей от власти после переворота Михаила II Травля преследуемые религиозные группировки. Фома Славянин стремился, несомненно, объединить под своими знаменами все оппозиционные элементы, всех недовольных правительством.

Объединение разнородных общественных движений в восстании Фомы было естественным для той исторической эпохи, которую переживала Византия в начале IX в. Это было время становления феодализма, когда характерная для данной формации поляризация антагонистических общественных сил только намечалась, когда существовали многочисленные промежуточные слои и прослойки, когда внутриклассовые конфликты в отдельные краткие периоды не уступали по остроте межклассовым. Поэтому и в выступлении Фомы Славянина наличествуют черты как народного восстания, так и феодального мятежа с целью овладения престолом.

В самой личности Фомы как бы слились воедино качества, присущие представителям большинства общественных слоев, принявших участие в восстании. Он знал жизнь провинции Византии и Арабского халифата, был воином-слугой и придворным, заговорщиком и изгнанником, христианином и поклонником ислама, одинаково уверенно чувствовал себя и в среде крестьян, и в среде воинов и в среде знати, одинаково хорошо понимал интересы эти:

различных социальных групп. Стараясь примирить и объединить их, он добился многого, и его восстание стало одним из самых массовых социальных движений раннего средневековья в Европе. Но в разнородности его движущих сил были заранее заключены причины его неизбежного поражения, так как для этих сил не могло быть единой общей победы. И Фома Славянин как руководитель восстания сам воплощал компромисс между ними, так и не став лидером ни одной из них. В эпоху раннего средневековья еще не сформировалось самосознание угнетенных общественных классов. Не отделяя себя строго от других социальных слоев, не имея четкой экономической и политической программы, они были не в силах выдвинуть собственного классового вождя.

Однако при оценке личности Фомы Славянина необходимо учитывать, что, будучи узурпатором императорского престола, он был единственным в истории Византии узурпатором, попытавшимся прийти к власти на гребне широкого народного движения. В его выступлении объективно возобладали демократическая тенденция, и волею событий Фома стал руководителем народного восстания. Эту роль он мужественно и честно исполнил до конца, заслужив право на уважение современников и потомков.

В БОРЬБЕ С ПАПОЙ

ОПЛАКИВАНИЕ ХРИСТА. Миниатюра XI в.

На залитой ярким солнцем площади было многолюдно. Бросив свои обычные занятия, туда спешили римские ремесленники, торговцы, поденщики. «Арнольд говорит, — слышалось на улицах, — Арнольд!» Над собравшимися на площади возвышалась фигура человека с простертыми руками. Он был худ, его одежда больше напоминала одеяние нищего. На его бледном изможденном лице выделялись горящие черные глаза. Сильный голос этого человека был слышен даже на прилегающих улицах.

Рим, восклицал он, был великим городом. Но богатство, жадность и роскошь погубили его. Ныне владыки его снова погрязли в корыстолюбию, в жажде золота. Их руки обогреты человеческой кровью. Именем бога они покрывают свои нечестивые дела. Кардиналы творят настоящий разбой. Они отбирают последние гроши у неимущих, обирают тех, кто добывает хлеб в поте лица своего. Их помыслы обращены не к спасению душ человеческих, а к наживе и к торгашеству. Папа, твердящий, что он наместник апостола Петра, отнюдь не чтит апостольскую бедность. Он купается в роскоши, его дворец — притон разврата. Кто доводит граждан Рима до нищеты своими поборами? Кто творит над ними произвол

и неправедный суд? Папа, этот Крез, для которого светская власть важнее духовных забот наместника Петра Разве он не такой же светский сеньор, как и другие, против которых борются жители городов многострадальной земли Италии? Разве свержение ига тирана не является праведным делом? Папа должен быть духовным пастырем, а не помышляющим о богатстве, корысти и других мирских делах. Слава же Риму может быть возвращена только свержением недостойных владык. Когда римские граждане будут сами решать свои дела, мир снова увидит величие вечного города.

Возгласы одобрения всплеснулись над толпой. Лишь за мрачными стенами замков царило молчание.

Тем временем бежавший из Рима папа собирал наемное войско, искал поддержку у сильных мира сего. Арнольд же объявил отлученным от церкви.

Кто же был этот человек, не побоявшийся открыто вступить в борьбу с главой католической церкви и одним из самых могущественных феодалов мира — папой римским в самой его «апостольской столице»?

История оказалась довольно скупой на сведения о нем. Она не сохранила нам его трудов и позволяет судить о нем главным образом по сочинениям его противников.

Арнольд родился в старом североитальянском городе Брешии. Этот город существовал еще при древних римлянах и назывался тогда Бриксия. О дате рождения Арнольда точных сведений нет. Возможно, он родился около 1100 года в семье небогатого горожанина. О детских годах выдающегося брешианца также ничего неизвестно.

В юности Арнольд совершил поездку во Францию, где слушал лекции Петра Абеляра — одного из видных представителей средневекового свободомыслия. Вероятно, это было после осуждения Абеляра на церковном соборе в Суассоне в 1121 г. и до его отъезда в Бретань в 1126 г. В эти годы Абеляр, взгляды которого были объявлены церковью еретическими, снова начал читать лекции в Шампани своим ученикам, устремившимся туда вслед за своим учителем.

Учение Абеляра оказало огромное влияние на формирование мировоззрения Арнольда Брешианского. И до конца своих дней Арнольд остается противником феодальной католической церкви, крупнейшего феодала Западной Европы.

Вернувшись в Брешию, Арнольд стал священником.

Уже давно горожане Брешии вели борьбу со своим сеньором-епископом. Это было время, когда жители североитальянских городов упорно боролись за самоуправление. Многие города Италии принадлежали духовным феодалам. В борьбу с брешианским епископом активно включился и Арнольд. Когда тамошний епископ после одной из своих поездок в Рим в 1137 г. собрался вернуться в Брешию, то встретил сильное сопротивление горожан. Судя по всему, Арнольд уже тогда выступал с осуждением злоупотреблений и роскоши духовенства. В 1139 г. на Латеранском соборе, созванном папой римским Иннокентием II, по жалобе брешианского епископа Арнольд был осужден за то, что восстанавливал горожан против сеньора-епископа. Арнольда лишили должности и изгнали из Италии, заставив дать клятву, что он не вернется на родину без разрешения папы римского.

И снова брешианец появляется во Франции. Здесь вместе со своим учителем Абеляром ведет ожесточенную борьбу с высшими церковниками, во главе которых был аббат монастыря Клерво Бернар.

Крупные духовные феодалы требовали главенства власти папы над светской властью, решительной расправы с народными движениями, с представителями свободомыслия. Уже в 1140 г. их лидер Бернар Клервоский писал папе Иннокентию II: «Выступает Голиаф, огромный телом, защищенный со всех сторон своими прославленными воинскими доспехами, и предшествует ему также его оруженосец Арнольд Брешианский. Чешуя с чешуею смыкается, и нет между ними доступа воздуху. И вот нажужжала пчела французская итальянской пчеле, и они соединились против господина и против Христа его. Натянули лук, приготовили в колчанах свои стрелы... Имея по жизни и образу вид благочестия, но добродетели его отрекшиеся, они тем обманывают многих, что преображаются в ангелов света, хотя суть ангелы сатаны». Голиафом здесь назван Петр Абеляр, а Арнольд — его оруженосцем. Что же так тревожило церковников в учении Абеляра?

Абеляр был представителем средневекового номинализма*. Он восхвалял античную философию, утверждал,

* Номинализм — одно из течений в средневековой философии, противоположное реализму. В противовес представителям реализма, утверждавшим, что общие понятия существуют реально, номиналисты полагали, что они существуют лишь в мышлении, а реально существовать могут лишь отдельные вещи.

что разум следует ставить выше слепой веры. В своем труде «Да и Нет» Абеляр собрал огромное количество цитат из сочинений различных церковных авторов, которые на один и тот же вопрос давали крайне противоречивые ответы. Это рождало сомнение в истинности христианской религии. Абеляр обвинял епископов в роскоши, в тратах на увеселения тех денег, которые поступают к ним от бедняков; монахов — в жадности, пресыщенности, в распутстве и кровопролитии, безжалостной эксплуатации крепостных

Трагичной была судьба этого человека. Едва вступив в брак со своей возлюбленной Элоизой, он вынужден был уйти в монастырь — его искалечили. Любившая его до конца своих дней Элоиза также предпочла монашескую жизнь браку с другим.

После того как Абеяра открыто обвинили в ереси, он судя по всему, под влиянием энергичного Арнольда Брешианского потребовал открытого диспута со своим главным противником — Бернаром Клервоским. Но диспут не получилось. На Сансском соборе в 1140 г., где присутствовал и французский король Людовик VII, явный перевес был у сторонников Бернара. Исход был заранее определен. Как сообщает один из учеников Абеяра: Беренгарий, «святые отцы» вели себя там весьма недостоинно. В то время когда читались отрывки из сочинения Абеяра, одни епископы вкушали изысканные вина, другие спали. «Один опирается на локти, — пишет Беренгарий, — другой на мягкую подушку, третий опустил голову на колени и спит. Когда чтец наткался на какое-либо резкое место у Абеяра, он кричал в уши епископов: «Осуждаете вы это?» Разбуженные последним слогом, некоторые отвечали сонным голосом и с повисшей головой: «*Damnatus* (осуждаем)». Другие, только пробудившись от этого с юва, произносили лишь: «*Natus* (мы плывем)». После этого соборного «слушания» Абеяр объявил, что он отправил апелляцию папе в Рим. Епископы, присутствовавшие на соборе, также отправили в Рим соответствующее послание. Конечно, папа осудил Абеяра как еретика, предписав ему молчать. В другом своем послании он распорядился заточить Петра Абеяра и Арнольда Брешианского в монастырь, а их книги — сжечь.

После этого престарелый, утомленный Петр отошел от борьбы и через два года умер, но его ученик Арнольд, несмотря на папский запрет, продолжал его дело. Современник Арнольда Иоанн Солсберийский сообщал, что «у

него не было других слушателей, кроме бедняков; они открыто просили милостыню, переходя из дома в дом, а все остальное время проводили со своим учителем... Он не щадил епископов, порицая их за жадность и позорное корыстолюбие, а также за то, что очень часто они вели порочную жизнь и пытались строить божью церковь, проливая кровь». Французский король, в то время как раз поссорившийся с римским папой, пока не собирался содействовать осуществлению папских предписаний в отношении Арнольда. Арнольд же продолжал нападать на Бернара Клервоского. В конце концов из-за жалоб последнего французский король выслал Арнольда из страны.

Опять скитания. И наконец, местом пребывания брешинца стал Цюрих. Жители Цюриха испытывали гнет двух феодальных сеньоров, причем в роли одного из них выступал женский монастырь. В Цюрихе Арнольд продолжал учительскую деятельность и проповедовал свои прежние взгляды. Его проповеди имели успех среди горожан. Бернар Клервоский потребовал изгнания беспокойного брешинца и отсюда. В 1143 г. Арнольд был изгнан.

Теперь путь его лежал на родину — в Италию. Правда, трудно установить, попал ли он туда уже в 1143 г. либо только в 1145 г. Во всяком случае, в 1145 г. Арнольд прибыл к папе Евгению III, дал клятву в верности церкви и получил прощение. Но это была тактическая уловка, рассчитанная прежде всего на то, чтобы папа не изгнал его из Рима, жители которого в 1143 г. восстали против своего сеньора-папы.

Рим, некогда столица огромной державы, в XII в. был обыкновенным средневековым городом. Его нельзя было назвать экономически преуспевающим городом, но и отсталым тоже. В городе жили ремесленники различных профессий: кузнецы, сапожники, портные, ювелиры, ткачи, каменщики, булочники, мыловары, оружейники и т. д. Торговля внутри самого Рима была рассчитана главным образом на удовлетворение потребностей папского двора, паломников. Паломников в Риме было немало. Они приходили в «апостольскую столицу» из разных католических стран, чтобы посетить тамошние «святые места», побывать в римских церквях, засвидетельствовав таким образом свою преданность католической вере. Римские купцы вели и довольно широкую внешнюю торговлю — вывозили соль, мрамор, кожи, меха, вина, участвовали в шампанских ярмарках. Большое количество иностранцев в Риме вызва-

ло необходимость организации денежного обмена, и в городе было немало менял. Весьма богатыми были римские ростовщики, нередко сами папы римские брали у них долгие суммы.

Ремесленники, купцы, а также различных работников (землекопы, рыбаки, погонщики мулов, лодочники, перевозчики и т. д.) составляли основную массу населения Рима. Конечно, эта масса не была однородной, здесь были и свои низы (плебс) — подмастерья, ученики, поденщики и бюргерство — купцы, ремесленники.

Как и во всех других средневековых городах, в Рим жители занимались сельским хозяйством. Существовала земельная аренда, в городе жили свинопасы, пастухи, садовники и т. п.

Светская знать Рима состояла из консулов и капитанов. К консулам относились наиболее могущественные и богатые аристократические роды. Капитаны получали от пап владения в разных частях Италии и за это приносили ему вассальную присягу и обязывались помогать военной силой. Жили в Риме и дворяне — рыцари, бывшие вассалами крупных феодалов и церкви и несшие в пользу их военную службу за полученную землю. В Риме было 200 феодальных замков. Горожане страдали от засилья феодалов.

Особенностью Рима было то, что город являлся центром католицизма и был резиденцией главы католической церкви — папы римского. Но в этой «апостольской столице» папа был не просто «наместником Христа», а феодальным сеньором, светским монархом. Светское государство римских пап было создано в 756 г. в результате официального пожалования папе ряда земель в центре Италии отвоєванных у лангобардов франкским королем Пипином Коротким. Впрочем, и до этого римские «духовные пастыри» имели значительные земельные владения и привилегии. В 962 г. Папская область вошла в состав Священной Римской империи, но германские монархи признали за папой права на дарованную ему территорию.

На папском престоле пересидело немало морально разложившихся людей. Одной из наиболее одиозных фигур был папа Бенедикт IX. Папой он стал, имея от роду лишь 10—12 лет, причем эту должность ему купили за деньги. Уже через 6 лет римляне изгнали его, возмущенные его развратным и скандальным поведением. Когда его вернул назад император, то в 1044 г. римляне восстали и снова изгнали папу. Тогда он стал главарем шайки разбойников,

которая терроризировала население, и таким образом вернул себе папский престол. Затем уступил его за деньги, а через некоторое время с помощью своей шайки снова вернул себе папскую тиару. После этого Бенедикт разыграл сцену отречения, но не прошло и месяца, как он отравил своего преемника и снова стал папой. В перерывах его понтификата папами успели побывать еще 5 человек.

В XI в. римские папы все более открыто и решительно стали выражать свои претензии на господство в мире не только в качестве высших лиц в церкви, но и в качестве светских правителей. Такие амбиции римских пап нередко приводили их к столкновениям с императорами Священной Римской империи, стремившимися к созданию мировой державы.

Одно из наиболее известных таких столкновений произошло в 70—80-х годах XI в. между императором Генрихом IV и папой Григорием VII. Если сначала унижение испытал император, вынужденный босым и в рубище стоять на снегу перед стенами замка Каносса, а потом лобызать туфли папе и вымаливать со слезами у него прощение, то затем Генрих захватил Рим, и папа, лишенный им сана, умер в изгнании у сицилийских норманнов. В своих претензиях на политическую власть над всеми католическими странами, значительно выросших в условиях феодальной раздробленности, римские папы, как правило, рассчитывали на внешние силы. И с этой стороны их положение было прочнее, чем в самом Риме. Тот же Григорий VII перед своим торжеством в Каноссе был отпущен за волосы и избит в Риме прямо в церкви во время богослужения.

Столкновение Григория VII с Генрихом IV было лишь началом открытой и ожесточенной борьбы римских пап с императорами за инвеституру. Борьба шла вокруг вопроса, кто же будет назначать и утверждать епископов и аббатов в их должности — светская власть или духовная. Фактически же папы выступили против верховенства императоров в церковных делах.

После смерти Григория VII борьба за инвеституру особенно обострилась при папе Урбана II (это он провозгласил первый крестовый поход, изрядно обогативший папство). В начале XII в. дело дошло даже до того, что германскому королю Генриху V пришлось захватывать в плен в Риме папу Пасхалия II с тем, чтобы заставить его возложить на свою голову императорскую корону. Это сопровождалось кровавыми вооруженными стычками.

История борьбы Генриха IV и Григория VII почти повторилась при их преемниках Генрихе V и Григории VIII. В ходе борьбы уже Григорий VIII отлучил от церкви императора Генриха V. Правда, новый папа Калликст II жестоко расправился со своим свергнутым предшественником.

При Калликсте II, наконец, был урегулирован вопрос об инвеституре. В 1122 г. было заключено компромиссное соглашение между папой и императором, известное как Вормский конкордат (был заключен в западно-германском городе Вормсе). Сам конкордат состоял из двух частей: грамоты императора и грамоты папы. По сути дела вводилась двойная инвеститура. Конкордат устанавливал, что епископов должно выбирать местное духовенство без вмешательства императора. В Германии при этом присутствовал император, который мог вмешаться только в случае разногласий. После избрания совершалась церемония двойной инвеституры (светской и духовной). Конкордат принес значительную выгоду папству, влияние Рима в католическом мире заметно усилилось.

Папская область в своем экономическом развитии отставала от передовых районов Италии, так как папы стремились законсервировать старые формы феодальной эксплуатации. Папа имел огромные доходы от различных податей, пошлин, налогов. Например, от подати с каждого дома, моста, пошлины за въезд или выезд из города, налог на соль и т. д.

Папа имел в Риме свою администрацию. Ее главой был префект. Он получал от папы гражданскую власть в Риме и одновременно источник доходов. Но судебные права префект получал от императора Священной Римской империи. Как правило, ввиду такого своего двойственного положения префект был ставленником римской знати. Кроме префекта, папский аппарат управления Римом состоял из семи чиновников, которые занимались сбором налогов и пошлин, выплатой жалования войску, судопроизводством. Население Рима страдало не только от налогов и пошлин, но и от произвола папских чиновников.

Помимо папы, в Риме жило и много других представителей высшего католического духовенства — духовные феодалы.

Народные массы Рима были недовольны гнетом папского духовенства, городской знати. Но следует учитывать и то обстоятельство, что были и противоречия между различ-

ными прослойками как среди угнетателей, так и угнетенных.

Ко времени восстания в Риме уже немало итальянских городов в результате борьбы со своими сеньорами добились самоуправления, став городами-коммунами. В Риме же самоуправление было римским папой. Поэтому борьба горожан за сеньором приобрела характер антипапской борьбы. И раньше римляне восставали против пап, даже изгоняли их, но на их место приходили новые, а горожане тогда не ставили целью ликвидировать светскую власть пап над городом. Но теперь условия социально-экономического развития Рима, которое сдерживалось феодальным гнетом сеньора-папы, требовали установления городского самоуправления, борьбы за независимость от папы.

Поводом к восстанию послужила война Рима с его торговым конкурентом — городом Тиволи. Римляне поддерживали в этой войне папу Иннокентия II. Войска папы осадили Тиволи, и жители его сдались. Но заключенный папой мир был невыгоден римлянам — он не устранял их торгового конкурента и усиливал власть папы в Италии. И тогда осенью 1143 г. в Риме началось восстание.

Восставшие ворвались на Капитолий, избрали там сенат (очевидно, желая этим подчеркнуть свою решимость в установлении республики) и приняли решение возобновить войну с Тиволи. Таким образом, восставшие сразу же создали свой орган власти. Папе Иннокентию II не удалось никакими средствами добиться роспуска сената. Вскоре он умер, его преемник Луций II продолжил его усилия.

Движущими силами восстания были плебс и бюргерство. Но к восстанию, исходя из своих интересов, примкнула и часть рыцарства, и даже некоторые капитаны. Социальные противоречия в лагере восставших осложняли их борьбу с папством и знатью.

Сенаторы сложили свои полномочия. Используя противоречия среди повстанцев и воздействуя на взбунтовавшихся рыцарей и капитанов, папе Луцию II удалось уговорить сенаторов сделать это. Но возмущенный народ в 1144 г. избрал новый сенат и учредил высшую должность — патриция. Патрицием был избран примкнувший к восстанию аристократ Иордан Пьерлеони. Восставшие выдвинули требования: отнять у папы регалии и передать их в ведение патриция, папа должен довольствоваться десятиной и пожертвованиями. К регалиям тогда относились: верховная власть над городом, право чеканить монету, пра-

во иметь войско, замки, право производить чрезвычайные денежные поборы, право пользоваться барщиной, право судить, право господствовать над дорогами, реками, портами, таможнями и т. д.

По мнению советского историка Н. А. Бортника, выдвигнутая восставшими римлянами программа соответствовала интересам купцов, ремесленников и рабочего люда, поскольку лишала папу прав, при помощи которых он угнетал именно этих людей. Кроме того, она не отражала интересов примкнувшей к восстанию части рыцарства или некоторых представителей знати — в ней ничего не говорится ни о перераспределении земельных владений в их пользу ни о земельных владениях вообще.

В феврале 1145 г. папа Луций II во главе вооруженного отряда напал на Капитолий, где заседал сенат, но повстанцы отбили это нападение, а сам воинственный папа получив сильный удар камнем, вскоре скончался.

Новым папой стал Евгений III, кстати ученик Бернара Клервоского, правда, далеко не лучший, так как сам учитель в своем письме к кардиналам выразил крайнее удивление и возмущение их выбором. Горожане Рима настаивали на признании новым папой их требований, они даже не пустили его в храм св. Петра, где обычно происходило официальное посвящение в папы. Напуганный папа вместе с кардиналами и епископами бежал из Рима в замок Монтичелли.

Восстание ширилось. Была ликвидирована должность папского префекта. Восставшие силой заставляли знатных и рыцарей подчиняться патрицию. Замки несогласных были разгромлены, так же как и дома кардиналов и других духовных лиц. Церковь св. Петра была превращена в крепость.

Папа предал анафеме патриция Рима и ряд его сторонников. Воспользовавшись тем, что римляне не привлекли на свою сторону противников папства вне Рима, Евгений III, опираясь на помощь тиволийцев, блокировал восставший Рим. В конце 1145 г. был заключен мир. Восставшие пошли на ряд уступок. Так, по условиям мира должность патриция отменялась, вместо нее восстанавливалась должность папского префекта. Но папа вынужден был признать Римскую республику — сенат сохранялся, правда, состав его утверждался папой. Регалии папе римляне не возвратили.

Вскоре римляне потребовали от папы разрушить стены

Тиволи, их вечного торгового конкурента и к тому же оказавшего важную поддержку папе в его борьбе против Римской республики. Папа бежал из Рима, но его резиденцию осадили восставшие. Евгений III вынужден был разрушить стены Тиволи, а затем в отчаянии уехал во Францию готовить очередной крестовый поход, чем уже активно занимался Бернар Клервоский.

С 1145 г. Арнольд Брешианский уже находился в Риме. Вначале тайно он создал вокруг себя кружок единомышленников, а после второго бегства папы стал активно выступать с проповедями. Арнольд не занимал никаких официальных постов в Римской республике. Но именно он был ее фактическим руководителем и идеологом. Он опирался на средние и низшие слои римского населения.

Много смелых и гневных проповедей произнес Арнольд на Капитолии, где заседал сенат, в людных местах города. Политический трибун, свои идеи он облакал в религиозную оболочку, утверждая, что проповедует истинную христианскую религию. Это было типичным для средневековья. Ф. Энгельс в своей работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» писал: «Средние века присоединили к теологии и превратили в ее подразделения все прочие формы идеологии: философию, политику, юриспруденцию. Вследствие этого всякое общественное и политическое движение вынуждено было принимать теологическую форму. Чувства масс вскормлены были исключительно религиозной пищей; поэтому, чтобы вызвать бурное движение, необходимо было собственные интересы этих масс представлять им в религиозной одежде»¹.

В средние века католическая церковь была крупнейшим феодалом Западной Европы. Она владела третьей частью земель, огромным количеством зависимых людей. Естественно, что любой антифеодальный протест в первую очередь неминуемо обращался против католической церкви — идеологического оплота феодализма и крупнейшего феодала.

Бернар Клервоский писал, что речь Арнольда Брешианского мед, а ученье — яд. Почему же учение Арнольда было ядом для церковников и феодалов? Прежде всего Арнольд обрушился на католическую церковь как крупнейшего феодала и эксплуататора в Европе. Он заявлял, что духовенство не должно владеть собственностью, епи-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 314.

скопы — регалиями, монахи — именьями. Он обвинял кардиналов в том, что они превратились в торгашей и разбойников. Папа, утверждал Арнольд, должен ограничить только одной духовной властью, в дела Рима он не должен вмешиваться. Арнольд обвинял папу в том, что он своим мнимым авторитетом преемника апостола Петра освящает пожары и убийства, что он набивает золотом свои мешки, отнимая его у других. Арнольд противопоставлял роскошной и развратной жизни католического духовенства бедность первых христиан. Вероятно, и сам Арнольд стараясь подражать этому невозвратному идеалу прошлого — носил грубую одежду, голодал. Но если первые христиане в своем пассивном протесте против невыносимого не рассчитывали в первую очередь на помощь сверхъестественных сил, то Арнольд страстно призывал людей к борьбе против несправедливости.

Итак, он требовал лишить церковь светской власти и колоссальных богатств. Он считал, что их следует передать городским коммунам. В общем, это было типичным требованием средневекового бюргерства.

Один из противников Арнольда летописец Оттон Фрезингенский писал, что брешиянец указывал восставшим на пример древних римлян: «Капитолий должен быть опять построен, сенаторское достоинство возобновлено, сословие всадников приведено в больший порядок. Управление городом совершенно не касается римского народа, достаточно того, что ему подлежит церковный суд», т. е. Арнольд, не боясь обвинения в склонности к «языческому античности», призывал сохранить в Риме республиканский строй с сенатом, которому принадлежит вся власть, папа же должен возглавлять лишь церковный суд. В 1152 г. став во главе заговора ремесленников, мелких торговцев, пиденщиков, Арнольд Брешинский выдвинул несколько иную программу. Законодательную власть в Риме должна осуществлять совет ста, исполнительную — два консула. Должен быть избран и император. Но этот избираемый император реальной власти не имел бы. В целом, политические взгляды Арнольда были республиканскими (идеи устройства республики — античный республиканский Рим), но с некоторыми изменениями (выборный император). Впрочем, сама идея избрания императора в изрядной мере противоречила средневековым нормам.

Одним из требований Арнольда, предвосхищавших позднейшую Реформацию, было требование дешевой цер-

ви, причем без епископов, ставших крупными феодалами. Он обвинял священников в покупке своих санов за деньги, заявлял, что люди должны исповедоваться друг другу, а не таким священникам. Он подошел к отрицанию духовенства вообще.

В целом, Арнольд Брешинский выражал антифеодальную оппозицию горожан в тот период, когда города боролись за освобождение от власти сеньоров. В большей степени его идеи соответствовали интересам бюргерства.

Учение Арнольда было очень опасным для католической церкви, которая служила идеологическим оплотом феодального строя и сама была крупнейшим феодалом Европы. Тем более, что пламенные проповеди Арнольда звучали в самом сердце католицизма, в его «апостольской столице» — Риме.

В 1148 г. римский папа Евгений III вернулся из Франции в Италию и временно поселился в Брешии. Второй крестовый поход подходил к бесславному концу, что сильно подорвало авторитет папы, так как он и его учитель Бернар Клервоский были его главными организаторами. Любопытно, что в этом походе приняли участие французский король Людовик VII и германский король Конрад III со своим племянником Фридрихом Швабским (будущим императором Фридрихом I Барбароссой). Немецкие рыцари-крестоносцы были разгромлены сельджуками еще в самом начале их авантюры. Конрад III был ранен в боях с турками. Объединенные силы крестоносцев осадили Дамаск, но взять его не смогли. Поход с треском провалился, Конрад III со своим племянником Фридрихом, Людовик VII с жалкими остатками своего воинства бесславно возвратились в Европу. Характерно, что все эти три монарха в той или иной степени были причастны к судьбе Арнольда Брешинского, а Фридрих Барбаросса стал его палачом. Этот неудачливый крестоносец утонул во время следующего третьего крестового похода.

Еще не успели вернуться на родину разбитые грабители-крестоносцы, как среди церковных иерархов началась свара из-за выяснения виновников неудачи. Папа сваливал вину на Бернара Клервоского, тот, в ответ, объявил виновником рыцарей-крестоносцев.

Из Брешии Евгений III отправил письмо к римскому духовенству, в котором грозил анафемой и лишением доходов всем духовным лицам, осмелившимся разделять взгляды «схизматика Арнольда». По-видимому, проповеди

Арнольда увлекли за ним и часть низшего духовенства Рима, которое отнюдь не купалось в роскоши подобно высшим церковным иерархам. Оттуда же, из Брешии, папа отлучил Арнольда от церкви как еретика и потребовал его выдачи. Он прекрасно понимал, кем был этот человек для его взбунтовавшихся подданных. Заручившись поддержкой норманского сицилийского короля, крупных феодалов, щедро истратив привезенные из Франции деньги на наемников, папа собрал большое войско для подавления восстания в «апостольской столице». Римляне, учитывая вражду между сицилийским королем и императором Священной Римской империи Конрадом III, обратились к последнему за помощью. В письме к императору повстанцы писали своей якобы верности ему, о том, что папа и его компания именно из-за этого обрушились на них. Но восставшие получили поддержки Конрада. В 1149 г. они вынуждены были заключить новый, еще более невыгодный для себя мир с папой. Правда, главное они отстаивали — договор признавал сенат и Римскую республику. Но сенаторы должны были принести присягу на верность папе; ему возвращались регалии, церквям возвращались отнятые у них деньги. Восставшие отдавали все укрепления за пределами Рима, кроме двух; договор требовал обеспечения безопасности папы, кардиналов и других духовных лиц.

Папа перебрался в Рим в Латеранский дворец, а в Капитолии Арнольд продолжал произносить свои страшные проповеди. Борьба против папы продолжалась, и в 1150 г. он снова бежал из Рима. Римляне все еще просили поддержки у императора Конрада III. Но император ограничился отправкой своих послов. После смерти Конрада III его преемником в 1152 г. стал Фридрих I Барбаросса, настроенный враждебно к Римской республике. Один из сторонников Арнольда направил императору письмо, в котором осуждал его за симпатии к папству. В этом письме содержалось предложение отказаться от связей с папством и получить корону императора от римского сената. Характерно, что в этом письме содержится едкая критика так называемого «Константинова дара». Дело в том, что вскоре после создания папского государства в VIII в., чтобы «оправдать» светскую власть пап и их растущие амбиции, была сфабрикована фальшивка, которая официально называется «Эдикт Константина папе Сильвестру». Этот эдикт римский император Константин, правивший в начале IV в. и признавший равноправие христианства наряду с язы-

чеством, якобы адресовал тогдашнему папе римскому Сильвестру I. В нем император (кстати, принявший христианское крещение только перед самой смертью и то от еретика-арианина) якобы даровал римским папам власть, равную императорской, над Римом и всей западной частью империи. В послании сторонника Арнольда к германскому императору эта фальшивка названа «лживой и еретической басней».

Между тем в 1153 г. император Фридрих Барбаросса и папа Евгений III заключили союз. Фридрих обещал папе помочь покорить взбунтовавшихся римлян.

В самом Риме среди восставших усилились противоречия. Выделились два крыла — умеренное и радикальное. Во главе радикального крыла стоял Арнольд Брешианский. Это под его началом в 1152 г. был составлен заговор, в котором участвовало две тысячи человек. Целью заговора было отстранение от власти сената, где было засилье умеренных, замена его советом ста, полное устранение папского управления в городе (ведь по договору, заключенному сенатом, в Риме снова появился префект, а семь папских чиновников так и оставались в городе).

Верхушка бюргерства вместе с некоторыми примкнувшими представителями знати была склонна к компромиссам с папством. Мелкое бюргерство и римский плебс, вдохновляемые Арнольдом Брешианским, сделали попытку придать борьбе за коммуны решительный, последовательный характер. Вероятно, заговорщики надеялись победить на выборах в сенат. Но победили соглашатели, и через месяц папа снова вернулся в Рим. Однако по-прежнему в Риме действовал Арнольд.

С конца 1154 г. новым папой стал Адриан IV — единственный англичанин, получивший папскую тиару. Его настоящее имя Николас Брэйкспис. Еще будучи аббатом монастыря, он вызвал сильное недовольство своим деспотическим управлением.

Новый папа начал нагло и энергично добиваться изгнания Арнольда из Рима. Адриан укрылся в храме св. Петра. Он ждал помощи от Фридриха Барбароссы, а тем временем решился на неслыханную меру. Воспользовавшись тем, что римляне ранили одного из его кардиналов, папа наложил на Рим интердикт.

По традиции в полночь раздался заунывный звон колоколов, и духовенство с зажженными факелами мрачной процессией двинулось к соборам. Распятые были обтянуты

траурной черной материей, все реликвии были спрятаны в погреб, алтари остались пустыми, хлеб для причащения был сожжен, распятия и иконы были сняты со стен и положены лицевой стороной на пол. Были затем сняты козлы и закрыты церкви. Не совершались ни крещения, венчания, ни отпевания покойников.

Нетрудно представить, как это должно было подействовать на средневекового человека, вся жизнь которого мельчайших деталей была регламентирована церковью «Без церкви нет спасения», — веками вещало духовенство. И вот церкви оказались закрытыми. Это был неслыханный парадоксальный шаг. Папство, потратившее многие века на доказательство главенства Рима в христианской церкви, на доказательство, что, дескать, именно Рим — «престол апостола Петра», наложило интердикт на свою же «апостольскую столицу». Впрочем, в борьбе за власть, за богачество папы римские пускались и не на такое.

Момент наложения интердикта был выбран весьма расчетливо — предпасхальные дни, время поста. В Риме скопилось немало паломников, желавших встретить глашатаев масс римлян, стойким борцом за интересы католической церкви он был. Казнь Арнольда описал один из его современников анонимный поэт из Бергамо, правда, вряд ли он сам был очевидцем этого события. Палачам не удалось добиться от Арнольда осуждения своих воззрений. На эшафоте его в последний раз спросили, отрекается ли он от своего учения. С трудом разомкнув запекшиеся губы, истерзанный Арнольд ответил мучителям, что считает свое учение истинным и готов умереть за него. Повесив брешианца, палачи затем сожгли его тело, а пепел выбросили в Тибр, дабы останки не почитались его сторонниками.

Через четыре дня римский сенат сдался и дал согласие на продиктованное папой условие — изгнать Арнольда и его сторонников. Арнольд вынужден был бежать из Рима на север. А там уже находился вступивший со своим войском в Италию Фридрих Барбаросса. Он двигался к Рим, чтобы там папа официально возложил на него корону императора Священной Римской империи. В местечке Брикола Арнольд был схвачен кардиналом Одда (кстати тоже уроженцем Брешии), который хотел отправить его в Рим к папе на расправу. Но Арнольда тогда освободил виконт Кампаньяно, которые хотели использовать его в своей междоусобной борьбе с папством. Однако дни Арнольда были уже сочтены.

Вторжение в Папскую область сицилийского короля заставило папу поторопить Фридриха Барбароссу. Папские послы, отправленные к императору, потребовали, в частности, ареста и выдачи Арнольда. Фридрих сразу же испол-

нил желание папы. Арнольд Брешианский, республиканец, обличитель несправедливо нажитых богатств, грабительских войн, был для него не менее опасен, чем для главы католической церкви.

После этого Барбаросса подошел к Риму. Римляне послали к нему депутацию, которая потребовала, чтобы Фридрих принял императорскую корону от сената на Капитолии. Тем самым римляне хотели добиться официального признания своей коммуны императором и его поддержки в борьбе с папой. Но Фридрих отверг требования римлян, особенно возмущившись тем, что ему следовало заплатить деньги за коронацию. Он принял императорскую корону из рук папы Адриана IV. Несмотря на предпринятые меры, коронация сопровождалась вооруженным столкновением. Возмущенные римляне напали на немецкие войска, но закованным в доспехи рыцарям удалось взять верх.

18 июня 1155 г. Арнольд Брешианский был казнен. Палачи постарались расправиться с ним так, чтобы избежать скопления масс римлян, стойким борцом за интересы католической церкви он был. Казнь Арнольда описал один из его современников анонимный поэт из Бергамо, правда, вряд ли он сам был очевидцем этого события. Палачам не удалось добиться от Арнольда осуждения своих воззрений. На эшафоте его в последний раз спросили, отрекается ли он от своего учения. С трудом разомкнув запекшиеся губы, истерзанный Арнольд ответил мучителям, что считает свое учение истинным и готов умереть за него. Повесив брешианца, палачи затем сожгли его тело, а пепел выбросили в Тибр, дабы останки не почитались его сторонниками.

Так закончилась жизнь одного из пламенных борцов за свободу горожан от гнета феодальных сеньоров, человека, отважившегося вступить в единоборство с самим римским папой. Он погиб, но не был побежден. Римская коммуна, во многом детище Арнольда Брешианского, осталась жить. Долго еще существовала секта арнольдистов — последователей его учения. Идеи Арнольда оказали большое влияние на последующие антицерковные и антифеодальные движения.

ВОССТАНИЕ ПОД РУКОВОДСТВОМ ДОЛЬЧИНО

ДОЛЬЧИНО ВЫСТУПАЕТ ПЕРЕД ПОВСТАНЦАМИ (рис. И. Кускова в кн: С. Жидков. «Дольчино». М., 1965)

а фасаде одного из домов в итальянском городке Верчелли 1 июня 1907 г. была установлена мемориальная плита со следующим посвящением:

БРАТУ ДОЛЬЧИНО
ЗДЕСЬ В ВЕРЧЕЛЛИ
КЛЕРИКАЛЬНОЙ ТИРАНИЕЙ
РАЗОРВАННОМУ И СОЖЖЕННОМУ
1 ИЮНЯ 1307
ЗА ПРОПОВЕДЬ
МИРА И ЛЮБВИ СРЕДИ ЛЮДЕЙ
СЕГОДНЯ, КОГДА ДРЕВНЯЯ НАДЕЖДА,
ПЕРЕЖИВШАЯ ВЕКА,
СТАНОВИТСЯ РЕАЛЬНОСТЬЮ
1 ИЮНЯ 1907
НАРОД

Кто он, Дольчино, память о котором народ пронес через столетия? Кем был этот смелый человек, чья жизнь и судьба так прочно вплетены в историю Италии? Из глубины веков до нас дошли сведения о Дольчино из сочинений его идейных противников — инквизиторов, хронистов и некоторых современников, главным образом комментаторов великого итальянского поэта, автора «Божественной комедии» Данте Алигьери. Все они чернили деятельность Дольчино, тем не менее подробно пересказывали его взгляды, указывали те места из Библии, на которые он ссылался, с целью аргументации своих положений.

Дольчино был родом из селения Прато, расположенного у замка Романьяно близ реки Сезии в Новарской области. Был он незаконным сыном священника Джулио Тронциано. Еще ребенком его отправили в городок Вичелли, где он воспитывался у друга отца — священника Аугусто при церкви святой Агнессы. В доме священника кроме богословских трактатов были книги греческих римских авторов, к чтению которых мальчик рано приступился.

Священник Аугусто любил Дольчино как сына, уделял ему много внимания и занимался с ним философией всю жизнь мальчик запомнил поучения своего первого учителя: «Не ленись, друг мой, трудись, не бойся усталости. Лишь разум дает человеку силы подняться над превратностями судьбы и позволяет постичь, что жизнь измывается не временем, а делами».

Образование Дольчино получил в латинской школе магистра грамматики профессора Сиона, где зарекомендовал себя «юношей острого и пытливого ума». В короткий срок он сумел стать одним из лучших учеников. Но школу закончить ему не удалось, так как стало известно, что он сын священника, отлученного от церкви. Чтобы не причинять неприятностей своему покровителю, Дольчино покинул город.

Скудные сведения о раннем периоде жизни Дольчино не позволяют нам проследить его дальнейший жизненный путь, формирование мировоззрения. Однако вся жизнь Дольчино и его деятельность свидетельствуют о том, что он старательно следовал советам своего первого учителя Аугусто. Дольчино был достаточно образованным для своего времени человеком, хорошо знал Библию, методы приемы современного ему богословия. Именно умению толковать Священное писание и подтверждать каждое его предсказание целым рядом ссылок на него привлекала к Дольчино симпатии простого люда. Кроме того, он обладал приятной внешностью, был всегда доброжелательным к окружающим. Все это способствовало тому, что Дольчино стал руководителем секты апостольских братьев, а затем возглавил одно из крупнейших крестьянских восстаний Италии начала XIV в.

Восстание охватило небольшой участок предальпийской Италии. Но причины развернувшейся там борьбы лежат в общих условиях жизни итальянского крестьянства. В результате раннего развития товарно-денежных отноше-

ний и широкого распространения денежной ренты значительная часть крестьян уже в XIII в. пользовалась личной свободой. В Италии этому процессу во многом способствовали городские коммуны, которые за счет лично свободных крестьян могли удовлетворить спрос ремесленного производства в рабочих руках. Но при освобождении крестьяне теряли свое традиционное право пользования землей. А это создавало условия для их еще более тяжелой эксплуатации. К. Маркс писал: «Крепостной освобождается здесь прежде, чем он успел обеспечить за собой какое-либо право давности на землю. Поэтому освобождение немедленно превращает его в поставленного вне закона пролетария, который к тому же тотчас находит новых господ в городах...»¹

Обезземеливание крестьянина и захват земли городами и горожанами, постепенная ликвидация вольных деревенских коммун приводили к обострению борьбы крестьян против новых феодальных сеньоров, т. е. городов.

Города в тот период были средоточием идейных течений, направленных против католической церкви, которая, как указывал Ф. Энгельс, являлась наивысшим обобщением и санкцией существующего феодального строя². Вот почему все оппозиционные и революционные идеи средневековья часто принимали форму антицерковного учения, или ереси.

В этой крайне сложной обстановке в Италии зародилась секта апостольских братьев. Ее основателем был Герардо Сегарелли из Пармской округи, который, по словам одного из инквизиторов, создал со своими учениками и последователями «нечто вроде монашеского ордена и, тайно влив в них заразительный яд своего учения... стал выступать против общего статуса святой римской церкви и монашеских орденов, против светских лиц... он внушил своим слушателям, что хочет следовать жизни и путям апостолов и по примеру апостолов проповедовать им покаяния и учить новой жизни...».

Сегарелли назвал своих учеников и последователей апостолами, требуя, чтобы они никому не повиновались, кроме бога. Глубоко запали в душу простым людям смелые проповеди Сегарелли. «Все равны перед богом,— говорил ересиарх*.— Никто не имеет права пользоваться плодами

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 728.

² Там же. Т. 7. С. 371.

* Ересиарх — создатель вероучения, ложного с точки зрения официальной церкви.

чужих рук. Земля и ее богатства принадлежат всем. Недалеко то время, когда не будет ни сеньоров, ни епископов, и начнется царство любви и справедливости».

Церковь пыталась уничтожить эту «заразу», это «еретическое», «безумное» учение. Папа Гонорий IV в своем апостольском письме осудил «дурную секту» и деятельность ее членов. Стремясь уничтожить «пагубную секту» и «заботясь» о том, чтобы «доверчивые верующие случайно не соблазнились фальшивым видом... святости» еретиков, папа угрожал тюремным заключением и другими наказаниями.

Но никакие преследования не смогли остановить распространение ереси, которая пустила слишком глубокие корни. И это вынуждены были признать инквизиторы. В частности, один из наиболее ревностных и жестоких инквизиторов Бернардо Гви писал: «...ввиду того, что она распространялась в течение долгого времени и широко в различных частях мира, ее не могли полностью вырвать с корнем... как вследствие ее популярности среди простых людей, так и вследствие небрежности со стороны прелатов...»

18 июля 1300 г. Сегарелли был сожжен на костре как еретик. Многие его ученики и последователи подверглись преследованиям, различным наказаниям или бежали в другие страны. Но семена, посеянные им, не пропали. У него оказался очень способный ученик — Дольчино, который по ядовитому замечанию Бернардо Гви, после того как Сегарелли был лишен возможности вредить, «стал главой и знаменосцем этой секты и сообщества не апостольского, а дьявольского», который «к прежним заблуждениям прибавил новые и умножил их».

В августе 1300 г., спустя месяц после казни Сегарелли Дольчино обратился к апостольским братьям и всем сочувствующим с письмом. В первом же письме, хотя и написанном в крайней спешке, содержалось развернутое изложение апостольского учения, которое не подвергалось серьезным изменениям и в дальнейшем. Это говорит о том, что изложенное в послании учение являлось не плодом фантазии одинокой личности, а теоретической платформой всего направления, сформировавшегося задолго до 1300 г.

О чем же писал Дольчино? Что вызывало такую яростную злобу его противников — с одной стороны, а с другой — широкий приток низов города и деревни в ряды апостольских братьев?

В первом послании Дольчино выражает свое враждебное отношение не только к церкви и монашеству, но и к сильному миру сего, которые подвергали его и его последователей преследованиям. Но он предсказывает, что скоро наступят новые времена, когда папа и его приспешники — кардиналы, епископы, попы, монахи и прочие лица духовного звания, — эти «алчные и жадные служители сатаны», должны будут погибнуть. Останутся лишь немногие те, которые примкнут к апостольским братьям и подобно им согласятся вести бедную, истинно апостольскую жизнь, которая не допускала ни собственности, ни даже накопления подаваний. «Мы, — писал Дольчино, — не имеем домов, и нам не дозволено также уносить то, что осталось от подавания. Поэтому жизнь наша заслуживает предпочтения перед всеми, и она лучшее лекарство для всякого». И действительно, община апостольских братьев, которую возглавил Дольчино, не имела даже крыши над головой и в буквальном смысле слова следовала идеалу апостольской жизни. Их аскетизм был тем самым плебейским аскетизмом, который, как отмечал Ф. Энгельс, был своеобразной формой революционной дисциплины в средние века³. Поэтому название «община» можно принимать только условно. В основном это были бродячие проповедники.

Итак, с лета 1300 г. Дольчино начал проповедовать свои идеи и собирать вокруг себя новых последователей, главным образом в Северной Италии, Тоскане и в других прилегающих областях. И тогда его голос звучал гневно. Он говорил, что церковники — паразиты, живущие трудом других людей, что духовная власть, данная Иисусом Христом римской церкви, давно ею утрачена из-за греховности прелатов, что церковь, которая находится в руках папы, кардиналов, клириков и монахов, есть церковь не божья, а отверженная и бесплодная. «Римская церковь, — говорил Дольчино, — есть та блудница, которая отошла от веры христовой... Рим — это вертеп разврата, а папа — антихрист». Буквально за несколько месяцев вокруг Дольчино объединились сотни поденщиков и подмастерьев, которым, как сообщает инквизитор, «...он передавал... свое зловерное учение и на основе своего духа, не столько пророческого, сколько фанатичного и безумного, много предсказывал о будущем, уверяя и сочиняя, что он имеет откровение от бога, который даровал ему дух пророческого понимания».

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 7. С. 377—378.

И действительно, главным методом проповедования Дольчино были предсказания и пророчества, основанные на толковании Библии. Эти пророчества и их содержание особенно легкость в обращении с текстом Библии, вызывали возмущение со стороны многих современников Дольчино. В частности, Бернардо Гви неоднократно подчеркивал, что Дольчино «переиначивал в соответствии со своим испорченным понятием писания пророков Ветхого и Нового заветов... истолковывая и излагая все по-своему, в ложном духе... истолковывая их в соответствии со своим пониманием, отличным от истины и от обычных объяснений отцов и богословов».

В первые годы пребывания в роли главы секты Дольчино развертывает активную деятельность. Вместе со своими ближайшими сподвижниками, среди которых были Лонгино Катанео из Бергамо, Фредерико из Новары, Альберто Корентино, Бальдерико из Брешии, Маргарита, «самая почитаемая среди остальных», Дольчино обсуждает основные положения своего учения и собирает вокруг себя новых последователей. Результатом этой деятельности явилось второе послание Дольчино, написанное в декабре 1303 г. По форме оно представляло собой пророчество. Но по сути оно являлось глубоко продуманной программой действий. В отличие от первого письма оно полностью посвящено грядущим событиям. Руководитель апостоликов* предвещал гибель папы, кардиналов, священников и монахов и назначал конкретные сроки наступления «тысячелетнего царства божия на земле». Но предстоящую гибель папства он связывал с вмешательством короля Фридриха Сицилийского, который, как он надеялся, будет править Италией и поможет реорганизовать погрязшую в грехах церковь, «полностью истребит всю гнусную римскую курию». «И вот тогда, — утверждал Дольчино, — церковь вернется в состояние, в котором она была во времена Христа». Вот эти надежды на покровительство короля, стремление склонить его на свою сторону, желание видеть в нем защитника простого народа и врага знати были характерны для большинства народных восстаний. В том числе и для восстания Дольчино.

Итак, письма Дольчино свидетельствуют о том, что он глубоко верил в наступление последних времен старого мира и первых дней нового — мира справедливости. Прав-

да, в учении Дольчино нет непосредственного призыва к установлению нового социального порядка и ниспровержению старого. Но в нем содержится отрицание церкви, полное отрицание власти папы, прелатов, призыв «не давать десятины никому из священников или прелатов». Для XIII — начала XIV в. это означало ниспровержение существующего порядка.

В 1303 г. Дольчино с ближайшими помощниками отправляется в новые места, готовя почву для грядущих побед. Области Брешии, Бергамо, Комо, Милана — таков путь ересиарха. Скрываясь от преследований инквизиции, Дольчино продолжает свою проповедническую деятельность. В начале 1304 г. он появляется в предгорьях Пьемонта (Северо-Западная Италия), недалеко от родных мест, в долине реки Сезии (в 30—35 км от Верчелли). Надо полагать, что Дольчино знал, что именно здесь накопилась крестьянская злоба против феодалов, что именно здесь он найдет наибольшее число последователей.

К тому времени, когда Дольчино появился в Верчелли, у него уже было много приверженцев. Один из инквизиторов, принимавший участие в его допросе, утверждает, что у Дольчино было в то время (т. е. в начале XIV в.) до четырех тысяч приверженцев. Но называя эту цифру, он имел в виду только таких сторонников, которые сами были проповедниками. Сочувствующих, конечно, было больше, и не только в Италии, но и далеко за ее пределами. Сила Дольчино и его приверженцев заключалась не в их красноречии, а в классовой ненависти крестьян и городской бедноты к своим угнетателям. Поэтому, куда бы ни пришел Дольчино, он всюду находил сочувствующих. И здесь, в церковном округе Верчелли, пылкие проповеди Дольчино произвели огромное впечатление и нашли живой отклик. К нему стали стекаться толпы крестьян из окрестных сел. За короткое время численность последователей Дольчино значительно возросла. Среди них было много выходцев из других областей Италии и даже Швейцарии и Германии.

Овладев долиной верхнего течения реки Сезии, апостольские братья и их последователи хотели основать общину, в которой согласно их учению должно было быть все общим. Эту вольную крестьянскую общину они, видимо, стремились объявить исполнением «истинных заветов Христа», «святим градом», в котором нет греха и все люди равны. Вероятно, и землю общины они объявили бы общей собственностью и давали бы всем членам общины равные

* Апостолики — братья-апостолы, апостольские братья.

участки. Но жили они здесь недолго, всего несколько месяцев. Феодалы, горожане, католическая церковь были напуганы размахом движения и упорством восставших. Поэтому местные феодалы срочно создали для борьбы против апостоликов Лигу, в которую вошли маркизы Салуццо Монферрато, епископы Верчелли и Сиона, коммуны Биеллы и Верчелли и ряд местных феодальных фамилий.

Значительное по тем временам войско (около 2 тысяч человек), составленное из епископского, городского ополчений и швейцарских наемников, отправилось вдоль обоих берегов Сезии с целью взять в кольцо восставших.

Дольчино знал о готовящемся нападении. 28 марта в подступах к Гаттинара произошло кровопролитное сражение, в ходе которого объединенное войско феодалов было разбито апостоликами под руководством Лонгини Катанео из Бергамо и Амброджо Соломоне. С апреля по июль сектантское движение апостольских братьев, вылившееся в вооруженную борьбу народа, охватило почти весь округ. Восставшие доходили даже до городских стен Верчелли.

Успехи повстанцев и невозможность справиться с ними собственными силами заставили Райнерия, епископа Верчелли, искать помощи у других феодалов. Он призвал людей верчелльского епископства к «искоренению ереси и защите католической веры и христианства». Одновременно, летом 1305 г., папа Климент V обратился с буллой к местным феодалам, в которой он «публично пообещал отпущение грехов... тем, кто выступит против Дольчино и его сторонников». 24 августа 1305 г. в праздник святого Варфоломея в церкви селения Скопа собрались местные феодалы, которые поклялись (как говорилось в статуте Лиги, созданной против еретиков) «до последней капли крови держать обнаженным оружие против этих бесчестных разбойников и, начиная с сегодняшнего дня, открыть боевые действия».

Через своих лазутчиков, которых повсюду имела секта Дольчино вовремя получил известие о начале крестового похода. Он понимал, что его армия не настолько сильна чтобы долгое время противостоять войску крестоносцев. И он решил отступить. Незаметно, под покровом ночи Дольчино оставил свой лагерь и опасными горными тропами ушел с армией повстанцев дальше в горы. Когда армия крестоносцев подошла к лагерю восставших, она нашла лишь покинутое поселение.

А Дольчино между тем уводил повстанцев вверх по течению Сезии, уводил дальше в горы. В северо-западной части герцогства Миланского, на границе Верчелли, Новары, Савойи, Дольчино раскинул лагерь на неприступной горе Парете Кальва (Отвесная стена). Она представляла естественную цитадель, господствующую над долиной одного из притоков Сезии — Расса.

Сюда, в лагерь повстанцев, стекались крестьяне, шли сочувствующие из различных областей Италии. На горе были построены временные жилища, возведены укрепления. Отсюда, с неприступной горы, Дольчино рассчитывал начать наступление. Но следует заметить, что лагерь повстанцев имел серьезный недостаток — он находился в значительном отдалении от окрестных селений, что затрудняло его снабжение. А между тем без подвоза продовольствия нельзя было прокормить значительно увеличившуюся армию. Поэтому вполне естественно, что для пополнения провианта Дольчино прибегал к реквизициям продовольствия в отдаленных селах. Но и это осуществлять было трудно, потому что огромная армия епископа Райнерия подошла к горе Парете Кальва и стала готовить ее к длительной осаде. Неоднократно апостолики, словно горный обвал, скатывались на головы осаждавших их крестоносцев. В ходе этих нападений они захватывали не только продовольствие, но и брали в плен своих врагов. А затем они требовали за них выкуп продовольствием — хлебом, скотом или вином. Эти вылазки повстанцев на какое-то время спасали апостоликов от голода.

Однако постоянный рост численности осажденных усугублял их положение. Им приходилось все чаще прибегать к реквизициям, что неизбежно восстанавливало против них население. В результате постоянных стычек с феодалами восставшие несли большие потери. Однако в этих тяжелых условиях они проявили огромное мужество, дисциплину и стойкость. На основании косвенных данных можно предполагать, что в лагере Дольчино было введено организованное распределение продуктов и одежды, коллективное пользование некоторыми предметами — оружием, доспехами и т. д. Именно в этих трудных условиях проявился талант организатора Дольчино, умение убедить в правоте своего дела и поднять людей на смертельную схватку с врагами. Он создал из хаотичной случайной толпы хорошо организованную армию, воодушевленную справедливой идеей.

Настала суровая зима, и повстанцы оказались в крайне тяжелом положении. Искляки запасы продовольствия. Люди вынуждены были есть «грызунов, лошадей, собак и других поганых тварей...». Из-за голода, холода и болезней начали таять ряды повстанцев.

Дольчино понимал, что оставаться далее на горе невозможно. Чтобы спасти армию, ее было необходимо вести отсюда. Но вести ослабевших людей по глубокому снегу Дольчино не мог, поэтому он ждал наступления весны, когда дороги немного очистятся от снежных завалов.

В великий четверг 10 марта 1306 г. Дольчино объявил поход. С тем чтобы обмануть осаждавших, он повел свою армию дорогами, которые всеми считались недоступными. Это был трудный путь по обрывистым ледяным кручам. Обессиленные и измученные воины нередко срывались и падали в пропасти, и никто не мог им помочь. Ни завалы ни неприступные подъемы, ни скользкие обледенелые спуски и бушевавшие метели не могли остановить повстанцев. Можно только удивляться героизму восставших, которые сумели в невероятно трудных условиях ускользнуть от армии преследователей. Дольчино вел свое войско в новое место Верчелльской епархии, поближе к плодородным и богатым долинам.

Восставшие вышли к горе Цебелло, расположенной недалеко от местечка Триверо. Малодоступную вершину Цебелло Дольчино избрал местом нового лагеря. Он превратил гору в неприступную крепость, были спешно возведены укрепления. В то время как одна часть отряда обносила продовольствие, другая не покладая рук трудилась копая рвы, возводя из камней и деревьев прочные стены. Многочисленные редуты, вспомогательные башни с установленными бойницами и большими запасами камней для метания превращали гору в неприступную цитадель.

Осада, которую перенесли повстанцы на горе Пьер Кальва, многому их научила. Поэтому одновременно во ведением защитных сооружений они строили жилища, помещение для скота, склады для зерна. В центре лагеря были вырыты бассейны для хранения воды. Чтобы постоянно пополнять запасы воды, на расстоянии одной мили от крепостного вала они вырыли колодец. Сам колодец и путь подхода к нему тщательно обложили камнями, «чтобы христиане не могли их увидеть». Кроме того, на западном склоне, выходившем в долину, была расширена естественная подземная галерея, проложенная бурными водными

потоками во время таяния снегов. Получилась скрытая дорога длиной почти в милю, очень удобная для обходных маневров и отступления.

Таким образом, когда войско крестоносцев подошло к лагерю восставших, оно увидело воздвигнутую по всем правилам военного искусства того времени крепость.

Однако Дольчино понимал, что, как бы ни высоки были стены, как бы ни храбры были воины, без помощи и поддержки местного населения им долго не продержаться. Поэтому вождь апостоликов выступал с проповедями по деревням, укрепляя веру и мужество в сердцах многочисленных сторонников. Но епископ Райнерий стремился всеми средствами воспрепятствовать этому. Он старался любыми средствами запугать крестьян. По его приказу устраивались публичные казни, сжигались целые селения. На протяжении четырех месяцев в селении Моссо он держал большое войско, с тем чтобы никто не смог доставить продовольствие и оружие восставшим.

Епископ Райнерий считал, что ему необходимо «как доброму пастырю отогнать волков от своего стада». Поэтому он возглавил объединенное войско и решил начать осаду апостоликов. Его войско заняло укрепленные позиции вокруг горы, с тем чтобы голодом принудить восставших сдать. Он окружил их плотным кольцом бастионов, подвел осадные машины.

Но воины Дольчино наносили большой урон войску епископа. Кроме того, они захватывали в плен крестоносцев, которых затем отпускали за выкуп, главным образом продовольствием.

Дольчино считал, что одолеть войско епископа можно только решительными действиями. 1 мая 1306 г. он отпустил пленников, находившихся на горе. Им была внушена мысль, что отряды восставших уходят, так как не могут больше оставаться здесь из-за отсутствия продовольствия. Когда пленные уходили, Дольчино с большим войском вышел из крепости. Пленники, получив свободу, ушли в Моссо и там рассказали людям епископа о том, что «еретики» покинули свой лагерь. А тем временем Дольчино тайком вернулся в крепость с противоположной стороны и поставил свои отряды в засаду.

Епископское войско прибыло к лагерю повстанцев к вечеру, но не осмелилось ночью вступать в крепость и расположилось перед воротами. Испортилась погода, пошел сильный холодный дождь с градом. Дальнейшее наблюдение

ние стало невозможным, и крестоносцы, не решаясь войти в крепость, повернули назад, в Моссо. Но в это время «еретики», выйдя из засады, ринулись сверху на людей епископа, многих из которых убили, захватили в плен и заставили их выплачивать большой выкуп... они захватили много продовольствия и припасов».

Верчелльский епископ понял, что ему трудно будет собственными силами одолеть восставших, поэтому он вновь обратился за помощью к Клименту V. Папа на этот раз разразился целым рядом посланий. Он приказал действовать инквизиторам ордена доминиканцев, призывая «вырвать с корнем... еретическую поросль... дабы не разпространилась она дальше». Затем отправил послание миланскому епископу, предлагая ему оказать помощь верчелльскому епископу. Одновременно он обратился к графу Людовику Савойскому, чтобы тот поставил заставы на дорогах и не пропускал никого на помощь войскам Дольчино. Что касается самого епископа Верчелли, то он объявил набор большой армии, не жалея средств на привлечение наемников. В лагерь крестоносцев отовсюду прибывало подкрепление — из Франции, Швейцарии, Савойи. Против восставших поднялись все феодалы Северо-Западной Италии.

Крестоносцы приступили к сооружению мощных осадных укреплений. Против горы Цебелло была установлена метательная машина, которая посылала тяжелые камни в лагерь «еретиков». На одной из ближайших к горе Цебелло возвышенностей и еще в трех местах были возведены крепости, куда стекались крестоносцы. Таким образом епископ окружал гору Цебелло плотным кольцом укреплений. Кроме того, чтобы лишить «еретиков» продовольствия, епископ приказал тщательно охранять дороги, «чтобы ниоткуда не могла прийти помощь, поддержка и содействие», затем приказал жителям соседних деревень покинуть свои жилища, а многие села просто сжег. Вокруг восставших таким образом была создана мертвая зона. Лагерь Дольчино был обречен на голодную смерть.

Понимая, какую угрозу таит в себе осада, Дольчино все свои усилия направил на укрепление лагеря. Прежде всего он позаботился о пополнении провианта и о строгом контроле за его расходом. В лагере на практике осуществлялось уравнилельное распределение продуктов, одежды, оружия и другого имущества, поскольку все считалось общим. Таким образом, от идеи равенства духовного и

встанцы перешли к равенству социальному, к осуществлению идеи общности имущества, хотя эта общность имущества существовала главным образом как военная мера.

Укрепляя лагерь, Дольчино рассчитывал не только продержаться здесь длительное время, но и завершить отсюда задуманное им дело — захватить долины и окончательно в них утвердиться. Однако суровая зима, большой приток беженцев из сожженных сел резко ухудшили положение повстанцев, быстро сокращались запасы продовольствия. Когда были съедены все корни и растения, повстанцы стали варить кожаные вещи. Но когда и этот источник иссяк, они, как свидетельствуют некоторые источники, стали питаться трупами своих умерших от голода или погибших в бою собратьев. Измученные продолжавшимися тягот новой зимы. Голод и холод косили ряды осажденных.

Дольчино всеми силами стремился поддержать стойкость и мужество в людях. Однако он понимал, что оставаться в крепости не имеет смысла, так как восставшие не вынесут длительной осады из-за отсутствия продовольствия и здесь их ждет неминуемая гибель. Единственное место, куда они могли отступить, была соседняя Швейцария. Но в условиях зимы невозможно перейти Альпы. Надо ждать весны, когда тает снег.

С приходом весны 1307 г. осажденные связывали много надежд. Но с ее наступлением пришла в движение и огромная армия крестоносцев. Епископ верчелльский понимал, что ослабленные и значительно поредевшие ряды повстанцев не смогут долго продержаться, поэтому он стянул войска к укреплениям «еретиков», надеясь взять их штурмом. Однако войско епископа встретило неожиданно упорное сопротивление. «Еретики» предпочитали умереть с оружием в руках, но не быть сожженными на костре.

23 марта 1307 г. крестоносцам удалось овладеть укреплением повстанцев на горе Ставелло. Тогда Дольчино решил дать генеральное сражение, которое разыгралось в долине Ставелло. Силы были слишком неравными, восставшие сдавали свои позиции. Много воинов Дольчино, храбро сражаясь, погибло.

Стремясь спасти товарищей, Дольчино приказал им немедленно уходить через ранее сооруженный тайный ход. В лагере осталась небольшая обессиленная группа людей, и с ними были Дольчино, его жена и сподвижница

Маргарита, Лонгино Катанео из Бергамо. К вечеру малая кучка оставшихся была окружена. Крестоносцы схватили Дольчино и его друзей, выполняя при этом волю епископа «во что бы то ни стало взять в плен вожakov живыми, дабы воздать им по заслугам».

Епископ Райнерий ликовал. Он приказал заковать Дольчино в кандалы. Немедля он отправил папе Клименту V гонцов с «радостной» вестью о разгроме восстания за что последний «много почестей и благодарностей выразил... епископу и его войску». В свою очередь папа своим нужным немедленно сообщить об этом важном событии французскому королю Филиппу IV. В булле королю с «великой радостью» извещал: «Сегодня вечером светлая новость, вселяющая в нас чувство великого ликования достигла нашего слуха, а именно, что сей зловерный демон, сатанинское отродье, ужаснейший ересиарх Дольчино (о удивительное чудо господне!) с огромным трудом с риском и кровопролитием... наконец вместе со своими многочисленными последователями... брошен в тюрьму и с этой заразой... покончено в тот же день...»

Папа Климент V, не желая привлекать широкого внимания к событиям в Северной Италии, распорядился передать Дольчино и его сподвижников светскому суду казнить их на месте.

Расправа с «еретиками» была ужасна. Маргариту привязали высоко к позорному столбу, чтобы все видели. И жгли первой на глазах Дольчино. Самого ересиарха, связанного по рукам и ногам, поставили на высокую повозку на которой был установлен пылающий горн. На площади в присутствии огромной толпы палачи раскаленным железными щипцами раздирали его тело. Потом его возили по улицам иногда останавливая повозку и возобновляя пытку. Затем дымящимися щипцами у него оторвали нос, уши и потащили к костру. Когда измученного, истерзанного, истекающего кровью Дольчино подняли на столб, превозмогая адскую боль, он поднял голову и обратился к народу. Вождь апостоликов завещал людям продолжать борьбу за свободу и справедливость. Костер разгорался. Длинные языки пламени объедали истерзанное тело Дольчино и заставили его умолкнуть.

Как свидетельствуют очевидцы, вождь повстанцев в последнего момента сохранял присутствие духа. Палачи старались услышать стон или мольбу о пощаде уст ересиарха. Лишь дважды он вскрикнул при пытке

жестокость которых трудно описать. Даже враги вынуждены были признать выдержку и мужество Дольчино.

С разгромом восстания движение апостоликов пошло на убыль. Но церковь еще долгие годы разыскивала и предавала представителей «ужасной» секты, предавала их суду инквизиции, издавала буллы против апостоликов не только в Италии, но и во Франции, Германии, Испании, где нашли пристанище многие последователи Дольчино.

События, связанные с именем Дольчино, сохранила народная память. Не случайно места, которые были ареной деятельности Дольчино и его сподвижников, получили новые названия. Так появилась гора Катаров*, бывшая Цебелло, гора Патарена** у Гаттинара и др. Образ Дольчино долго еще жил в народных песнях и легендах Италии, вызывая восторженные воспоминания и поклонения у одних и страх и ненависть у других. Из поколения в поколение переходили рассказы о Дольчино-мученике или герое, волшебнике или колдуне, поверья о кладах, которые он якобы оставил на этой земле. Восстание под руководством Дольчино взволновало всю Италию. Для современников он был не просто сектантом, а создателем новой концепции духовной жизни.

Молва о Дольчино шагнула далеко за пределы Италии. Спустя почти полтора столетия церковный историк Форести из Бергамо писал: «Известиями о Дольчино в то время была переполнена вся Европа и другие страны мира». И действительно, в движении апостольских братьев было много необычного и нового, что привлекало к нему внимание разных людей во многих странах.

11 августа 1907 г., в 600-летнюю годовщину гибели народного героя, на склоне горы Цебелло был торжественно открыт обелиск. По этому случаю состоялась манифестация, на которую прибыли тысячи людей со всех концов Италии и из-за границы. На обелиске была высечена надпись «В память о фре Дольчино. От идеи к мученичеству».

Так много столетий спустя Дольчино снова вернулся на те горы, которые были свидетелями его героической борьбы и мужества.

* Катары (от греческого «катарос» — чистый) — так католики называли сторонников Дольчино, чтобы не употреблять слово апостолики.

** Патарены — слово произошло от названия квартала в Милане, населенного нищими, старьевщиками. Так с XI в. называли участников народных движений.

КАПИТАН ЖАКОВ

Всего четырнадцать дней, с 28 мая по 10 июня 1358 г., в Северо-Восточной Франции бушевало пламя Жакерии — грандиозного восстания крестьян. Однако память о нем навсегда сохранилась в истории французского народа. Неотделима от истории восстания судьба его предводителя Гильома Каля, которого восставшие крестьяне избрали своим «капитаном». Имя его вместе с памятью о Жакерии пережило века.

«Жак-простак» — насмешливая кличка, которой наградили крестьян французские дворяне. Спесивые и воинственные, они презирали свой народ, чей труд кормил и одевал их, обеспечивал пышность королевского двора и замков феодалов, позволял блистать роскошью костюмов и оружия на рыцарских турнирах.

История сохранила совсем мало сведений о личности Гильома Каля. Известно, что тот, кого крестьяне избрали своим вожаком, был родом из деревни Мелло в Бовези (современный департамент Уаза), что был он «человеком, выдавшим виды, хорошим говоруном, статного телосложения и с красивым лицом». А дальше хронисты повествуют уже о том, как проявил себя Каль в роли крестьянского предводителя. Прежде чем рассказать об этой краткой, но самой яркой части его

жизни, попытаемся представить, какие же «виды» повидавать на своем веку Гильом Каль. Попробуем понять, что могло побудить его принять на себя почетную и ную миссию вождя восставших.

Так как Гильом Каль вырос в деревне, он с детства должен был видеть, как беспощадно обирали крестьян сеньоры. Поскольку вся земля принадлежала феодалам, крестьяне за пользование ею отдавали большую часть полученных продуктов. Кроме того, они выполняли строительные и транспортные повинности на подвластной феодалу территории. Постепенно уменьшалась, но все еще существовала барщина. Помимо всего этого, сеньоры утверждали за собой монопольное право на проведение многих сельскохозяйственных работ: помол муки только на принадлежавшей феодалу мельнице, выпечка хлеба — только в его печах, собственности феодала, приготовление вина — лишь с помощью его виноградного пресса, также собственности феодала. За это исключительное право — банальное сеньоры требовали от крестьян высокую плату, а за нарушение его взимали большие штрафы. Зависимые крестьяне (а их к началу XIV в. было большинство) несли еще «личные повинности»: «потоловный» налог — шаван, «брачный» побор (за брак со свободным человеком или зависимым от другого сеньора) — формарьяж; «посмертная» пошлина с наследства крестьянина — менморт и наконец, самый ненавистный побор — произвольная даяль т. е. натуральные или денежные платежи по усмотрению сеньора. Нетрудно представить, насколько тяжело было положение крестьян.

В начале XIV в., казалось, блеснул луч надежды в беспросветном крестьянском существовании. Молодой король Людовик X издал ордонанс об освобождении крепостных. Документ был составлен в пышных и торжественных выражениях. В нем говорилось, что каждый человек «по естественному праву должен родиться свободным». Здесь же было замечено, что «множество простого народа впадало в крепостную зависимость за проступки предков». Это должно было утвердить крестьян в сознании справедливости их положения. Далее королевская воля излагалась очень красиво: желая, «чтобы положение народа было исправлено», король приказывал дать свободу всем крепостным «на добрых и приличных условиях».

Крестьяне, всегда склонные верить «в доброго короля», казалось, должны были быть бесконечно благодарны

Людовику X. Однако прошло совсем немного времени после королевского ордонанса 1315 г., и король начал штрафовать крестьян за то, что они не желали воспользоваться его милостью. Оказалось, что те «добрые и приличные условия», на которых крепостные могли получить свободу, — это большие денежные суммы. Они были очень нужны королю, но их не было у задавленного поборами крестьянства. К тому же «освобождение» означало только выкуп «личных повинностей» при сохранении всех прочих и главное — при сохранении безраздельного господства собственности феодалов на землю.

И при последующих королях — Филиппе V, Карле IV, Филиппе VI и Иоанне II — в жизни деревни не появилось ничего нового, что изменило бы положение крестьян к лучшему. Зато новые трудности обрушились на них в 40—50-е годы XIV в. в связи с казавшейся бесконечной войной против английского королевства. Далеким потомкам предстояло назвать ее Столетней, а для современников это была война, конца которой, казалось, не будет никогда. Гильом Каль, конечно, видел ее и даже, как сообщают хронисты, «бывал на войне». Трудно утверждать точно, но скорее всего — на войне с англичанами.

Начиная с 1340 г. Франция непрерывно терпела поражения в этой войне, которая шла исключительно на ее территории. Французский флот был уничтожен в 1340 г. при Слейсе, в 1346 и 1356 гг. армия была дважды разбита на суше — при Креси и Пуатье. А в промежутках между этими крупными сражениями английская армия или отдельные ее отряды практически постоянно находились во Франции. Много раз огнем и мечом прошли они по Нормандии, Пикардии, Шампани, Иль-де-Франсу и другим областям. Горели деревни и хлебные поля, рыцарская конница вытаптывала виноградники, солдаты опустошали и без того не слишком обильные крестьянские амбары и погреба. «Никогда раньше, — писал очевидец этих событий хронист Жан де Венетт, — никто не видел таких бедствий».

К горечи и тяготам бесконечных поражений и «опустошений» прибавились дополнительные поборы, неурожай, голод, болезни. Многие деревни совсем обезлюдели: те, кто уцелел, бежали в леса. Голодные волки выходили из лесной чащи и, пройдя через опустевшие селения, приближались к стенам городов. Жизнь крестьян, тяжелая и прежде, становилась невыносимой. Феодалы, естественно,

проявляли глубокое равнодушие к тяжелому положению трудящихся масс. Это вызывало у простых людей растущее озлобление против сытых и безразличных господ. «Каза лось, знатные получали удовольствие от горя и бед гвн народа», — писал сочувствующий крестьянам Жан де Венетт.

Если Гильом Каль побывал на войне с англичанами, то наиболее вероятно, что принимал участие в битве при Пуатье 19 сентября 1356 г. — ведь в 1358 г. он должен был быть вполне зрелым человеком и в то же время — скорее всего еще достаточно молодым.

Сражение при Пуатье — одно из наиболее трагических в истории Франции. Рыцарское ополчение во главе с королем Иоанном II совершило в этой битве все возможные тактические промахи. А когда благодаря своей бо льшей организованности и дисциплине англичане начали брать верх, спесивые рыцари Франции позорно бежали с поля боя. Наиболее стойким последователем рыцарского кодекса чести оказался сам король. Слава «первого рыцаря Европы», за которую он боролся, ради которой создал рыцарский «Орден звезды», во имя которой он лично сражался на турнирах, не позволила ему отступить. Хотя именно ему следовало это сделать, помня, что он не только рыцарь но и король Франции. Иоанн II остался на поле боя до конца, отчаянно орудуя боевым топором и совсем не руководя сражением. Английский полководец Эдуард Черный Принц взял его в плен. Во Франции не стало короля.

Поведение знати на поле сражения близ города Пуатье потрясло население страны. Простые люди в городах и деревнях говорили, что рыцари предали короля и Францию. В общественном мнении крепла неприязнь к знати, един ственным долгом которой считалась защита страны от врагов. Как сообщает хронист Фруассар, «к рыцарям, вешну в шимся с поля сражения (при Пуатье), народ относился со столь великою ненавистью и таким осуждением, что в добрых городах все их встречали палками». В стране начали распространяться насмешливые стихи, песни, басни, унижающие феодалов. Жан де Венетт высмеивает в своей хронике вычурные одежды знати и говорит, что «одетый таким образом человек был более всего приспособлен к тому, чтобы бежать при виде врага».

Народ был глубоко разочарован в социальной значимости рыцарства, откровенно не верил в его способность и желание защитить Францию. Наиболее отчетливо выра

зил это анонимный автор поэмы «Жалобная песнь о битве при Пуатье». Он прямо обвинил дворян в предательстве интересов Франции и короля (для мировоззрения человека той эпохи эти понятия были неразделимы) и призвал молодого наследника престола дофина Карла опереться на народ в борьбе с англичанами. Автор поэмы предлагал дофину, оказавшемуся во главе королевства в связи с пленением короля, «повести с собой на войну Жака-простака — уж он не бросится бежать ради сохранения своей жизни».

Дофин Карл, провозгласивший себя регентом королевства, действительно предпринял некоторые меры для активизации сопротивления населения страны англичанам, которые, казалось, были близки к полной победе над Францией. В марте 1357 г. он издал ордонансы, разрешавшие жителям городов и деревень организовывать отряды самообороны, чтобы оказывать вооруженное сопротивление врагам и многочисленным бандам мародеров и разбойников, наводнивших страну. Создание вооруженных отрядов усилило сопротивление англичанам и в то же время объективно способствовало назревавшему восстанию крестьян. Взяв в руки оружие «на законном основании», они могли в любой момент повернуть его против своих феодалов. В этой обстановке и началась Жакерия.

В понедельник 28 мая 1358 г. разбойничий отряд ворвался в местечко Сен-Лед-Эссерн и стал грабить крестьян, прикрываясь распоряжением дофина о дополнительных поборах и барщине для восстановления разрушенных крепостей. Около ста крестьян — жителей этой деревни — оказали сопротивление банде, убив четырех рыцарей и пятерых оруженосцев. Формально они лишь воспользовались данным им правом сопротивления. Однако убитые были рыцарями, и это могло повлечь наказание.

После расправы с бандой крестьяне не сложили оружия. В их душах жила жажда мести господам, жажда справедливости. В неразвитом классовом сознании «жаков» она облеклась в наивную мысль о том, что для улучшения жизни надо «истребить всех дворян до последнего». В этом плане соединилась накопившаяся давняя ненависть к грабителям-феодалам и глубокое возмущение предательским поведением французских рыцарей в войне.

Гильома Калья крестьяне избрали своим капитаном — командующим крестьянской армией, которая стремительно росла. В считанные дни восстание охватило огромную тер

риторию, равную четырнадцати современным департаментам Франции. В скудых сообщениях хронистов о крестьянском вожде можно угадать, что же именно привлекло к нему массы крестьян. Прежде всего то, что он призывал восставших к единству действий. Каль требовал, «чтобы крестьяне держались вместе». Он активно боролся за централизованность их действий: назначил командиров отрядов и их помощников, разослал гонцов для того, чтобы собрать воедино разрозненные группы крестьян. Капитан «жаков» завел канцелярию и печать, издавал приказы и грамоты. Возможно, это не встречало одобрения у его войска. Ведь крестьяне люто ненавидели всякие бумаги, с помощью которых, по их разумению, господа сумели сделать народ совершенно бесправным. В каждом крестьянском восстании архивы с записями повинностей подвергались целенаправленному уничтожению. Пламя, пожирившее ненавистные документы, радовало крестьян так, как будто бы оно уничтожало их беды и нищету. И все же здравый смысл, которым отличался Гильом Каль, подсказал ему мысль о необходимости порядка в действиях своей армии.

Через несколько дней после начала восстания войско Гильома Калья насчитывало уже пять-шесть тысяч человек. Абсолютное большинство составляли крестьяне и многочисленные сельские ремесленники — бочары, кузнецы, каретники, мелкие торговцы. Были среди восставших и представители чуждой крестьянам среды — тревожные сержанты, священники и даже рыцари. Это следует отметить особо, так как попытки крестьян силой заставить некоторых феодалов присоединиться к их войску очень важны для уточнения созданного хронистами представления о невиданной жестокости «жаков». Практически все авторы хроник были настроены к крестьянам враждебно. Они, как правило, не скупились на черные краски в описании «крайностей» крестьянского движения и утверждали, что поголовное истребление дворян было главной целью восставших. Между тем на страницы хроник попали сообщения о наивном намерении «жаков» заставить отдельных рыцарей принять участие в справедливой борьбе народа. Кстати, такое явление нередко встречалось в крестьянских движениях средневековья. Чем его объяснить? Скорее всего крестьяне хотели показать, что они милостивы по отношению к тем феодалам, которые готовы вступить с ними в союз. Кроме того, крестьяне стремились использовать военный опыт рыцарей.

Под угрозой смерти потребовали крестьяне от нескольких представителей знати дать клятву в верности восставшим. При выполнении этого условия рыцарям сохраняли жизнь. Отказ же перейти на сторону народа рассматривался как предательство, за которое крестьяне карали феодалов смертью.

В анонимной «Хронике первых четырех Валуа» проскользнуло упоминание о том, что Гильом Каль отличался от основной массы крестьян в этом таком типичном для крестьянского бунта стремлении вершить скорый и жестокий суд над угнетателями. Хронист пишет, что Каль не раз пытался сдержать желание своих воинов расправиться с дворянами.

Наиболее важно, однако, представить себе не просто личное поведение крестьянского вождя, а его планы и действия как предводителя широкого и мощного движения. По некоторым подсчетам специалистов, в Жакерии в целом по стране приняло участие до ста тысяч человек. Не менее шести тысяч из них находились под личным командованием Калья. Это было войско, крайне неопытное в войне и плохо вооруженное. Оружие крестьян состояло в основном из палок с железными наконечниками и ножей. Бывавший на войне Гильом Каль не мог не понимать, насколько мало его армия способна противостоять закованным в латы рыцарям. Он предпринял очень важный политический шаг — стал искать союзников, на которых могли бы опереться восставшие. Политическое чутье, которым, несомненно, обладал Каль, подсказало ему правильное направление поисков. Взоры восставших обратились к городам.

Французские горожане в тот момент определенно были недовольны политикой правительства, налогами, поражениями в войне, предательским поведением знати. Особенно остро это недовольство проявилось в Париже. Сразу же после получения вестей о поражении при Пуатье парижане выступили с требованием реформ. В столице началось восстание под руководством купеческого старшины Этьена Марселя. От требований и переговоров с дофином жители столицы перешли к действиям. 22 февраля 1358 г. вооруженные горожане ворвались в королевский дворец и на глазах у дофина Карла убили двух его ближайших советников — маршалов Шампани и Нормандии. Перепуганный дофин обещал выполнить все требования горожан. Однако вскоре ему удалось бежать из города, и он начал организацию его блокады. Феодалы во главе с на-

следником престола стремились добиться полного прекращения подвоза продовольствия в столицу.

Гильом Каль надеялся обрести в лице Этьена Марселя и его сторонников опору. Как пишет хронист, он послал наиболее благоразумных и почтенных к купеческому старшине Парижа, написавши ему, что будет его помощником если и тот окажет ему в случае нужды помощь. Этьен Марсель обещал «жакам» поддержку. На самом же деле он намеревался всего лишь использовать восставших крестьян для достижения своих целей. К весне 1358 г. события в Париже отчетливо показали, что Этьену Марселю и его ближайшим сторонникам была безразлична судьба бедняков: купеческий старшина боролся за интересы зажиточной верхушки города. Тем более, чужды были ему «жаки».

Каль искал опоры не только в мятежном Париже. Подведя свое войско к Компьену, он попытался вступить в соглашение с его жителями. В городе укрылось множество феодалов, бежавших от гнева «жаков». Гильом Каль, конечно, помнил, как совсем недавно жители городов встречали палками бежавших с поля боя у Пуатье рыцарей. Поэтому он надеялся, что горожане захотят помочь восставшим крестьянам. Однако прошедшие со времени битвы полтора года, должно быть, смягчили гнев горожан. К тому же богатая городская верхушка отнюдь не была склонна как и в Париже, действовать в союзе с бедняками-крестьянами. Особенно сдерживало городскую олигархию то, что непримиримая классовая ненависть «жаков» явно встречала одобрение городских низов. Сельским и городским беднякам так нетрудно было понять друг друга! Но это было опасно уже не только для феодалов.

Войску Калю пришлось уйти из-под стен Компьена и повернуть к Санлису. Однако и там повторилась та же история: горожане не хотели объединяться с крестьянами, реального союза между ними не получалось. Правда, кое-чего Калю все же удалось добиться. Жители Санлиса, Бове и некоторых других городов согласились помочь восставшим разрушить близлежащие замки и крепости. Но и в этом решении не было подлинной поддержки восстания. За ним без труда угадывался нехитрый расчет: городские власти поддерживали разрушение тех замков и крепостей, которые мешали торговле или угрожали независимости каждого конкретного города. В отличие от «жаков», стихийно воспринимавших эти укрепления феодалов как

символ их господства, зажиточные горожане рассматривали их в каждом конкретном случае сквозь призму своих интересов.

Так же отнеслись к действиям восставших крестьян и парижане, которые наконец прислали обещанную помощь — отряд под командованием старшины цеха монетчиков Жана Вальяна. Во-первых, помощь была очень скромной — всего триста человек. А во-вторых, целью парижан было только разрушение укреплений между Сеной и Уазой, поскольку они мешали подвозу продовольствия в Париж.

Парижане не были настоящими союзниками. Как только стало известно, что навстречу армии восставших двинулось рыцарское войско родственника королевского дома Карла Наваррского, присланный Этьеном Марселем отряд отделился от крестьян. Горожане покинули их в самый трудный момент — перед первым серьезным сражением с войском феодалов.

Вскоре после подавления Жакерии Этьен Марсель в письме к городам Фландрии пытался оправдать этот шаг. Он писал, что причиной ухода отряда Вальяна якобы была жестокость крестьян, которой не одобряли парижане. Получалось, что «жаки» были «сами виноваты». Нельзя поверить в искренность этого письма. В действительности парижская верхушка рассчитывала на союз с Карлом Наваррским в борьбе против дофина. Зная, что Карл Наваррский — непримиримый враг дома Валуа и претендент на французский престол, Этьен Марсель надеялся договориться с ним о совместных действиях. Однако вскоре стало ясно — крестьяне были последовательны в своей непримиримой классовой ненависти к феодалам. Активно боровшийся против представителей правящего дома в течение последних четырех лет Карл Наваррский в условиях политического кризиса решительно выступил в роли борца за «порядок» в государстве.

Автор «Хроники первых четырех Валуа» пишет о просьбе о помощи, с которой северофранцузские дворяне обратились к наваррскому королю: «Государь, вы — первый дворянин в мире, не потерпите же, чтобы дворянство погибло. Ведь, если эти люди, именующие себя жаками, продержатся долго, а добрые города им помогут, дворянство ими будет совсем уничтожено». Здесь каждое слово пронизано диким страхом, охватившим феодалов. В ужасе перед беспощадной местью «жаков» они грубо льстили

придворному интригану и помощнику захватчиков англичан. Забыв свою обычную самоуверенность, рыцари униженно молили его о помощи против «простолюдинок».

Карл Наваррский прекрасно понимал, что, выступив в роли спасителя дворянства, он укрепит свои шансы в политической борьбе против Валуа. Союз с восставшими парижанами не сулил таких выгод. Вот почему он решительно направился во главе своего рыцарского отряда против войска Гильома Каля.

Когда крестьянскому предводителю стало известно о приближении Карла Наваррского, он попытался убедить крестьян не принимать первый же навязанный им бой. Каль уговаривал крестьян отступить к Парижу и укрыться там, имея возможность при необходимости укрываться за стенами города. Он по-прежнему отчетливо сознавал слабость стихийно сложившейся крестьянской армии, необходимость противостоять профессиональным воинам-рыцарям. Интуиция опять подсказывала ему правильный шаг: выиграть время, дать возможность своему войску закалиться, в мелких стычках обрести опыт и еще раз попытаться действовать в союзе с горожанами. Но его планы вновь разрушали обстоятельства. Крестьяне не хотели проявлять осторожность. Им казалось, что численное превосходство и отчаянная решимость важнее военного опыта. Они жаждали боя, и Гильом Каль был вынужден начать готовить свою армию к сражению.

8 июня 1358 г. войско Карла Наваррского подошло к деревне Мелло, где его ждала армия восставших. Рыцари вероятно, сразу же поняли, что Каль не случайно избран «генеральным капитаном» «жаков». Он сделал все возможное, чтобы усилить позицию крестьянской армии. Место было выбрано превосходно: крестьяне расположились на возвышенности, разделившись на два отряда примерно по три тысячи человек. Позиции отрядов были укреплены с помощью заграждения из повозок: в первых рядах стояли лучники и арбалетчики. У крестьян была даже конница. Правда, не у всех всадников было оружие. Крестьяне держались очень уверенно: из их лагеря доносились звуки труб и боевые клики, над их рядами развевались знамена с королевскими лилиями.

Враждебно настроенные по отношению к крестьянам хронисты (в особенности «певец рыцарства» Фруассар) усиленно подчеркивают их «жестокость» в отношении феодалов. По-видимому, действительно экономическая

политическая ситуация в стране привела к глубокому разочарованию крестьян в феодалах вообще, в их роли в обществе. Это было ново, ибо прежде крестьяне, как правило, выступали против отдельных «плохих сеньоров». Однако их попытки силой заставить некоторых рыцарей перейти на сторону народа говорят о том, что восставшие не были в этом вполне последовательны. В хрониках упоминается даже о том, что ближайшим помощником Гильома Каля был некий рыцарь-госпитальер. Еще менее последовательной была позиция «жаков» в отношении королевской власти. Средневековые крестьяне твердо верили в «доброе государство», которому «дурные советники» мешают править справедливо. Вот почему над рядами армии «жаков» развевались королевские знамена и в бой они шли под старинный французский боевой клич «Монжуа!». С этим возгласом испокон веков бросались на врага французские рыцари и королевская армия.

Но восставшие крестьяне были не кровавыми безжалостными разрушителями, а доведенными до крайности утопистами-мечтателями, которые надеялись убедить короля установить в стране справедливость. Понимали они эту справедливость очень наивно. «Добрый король», на которого рассчитывали восставшие, по-видимому, должен был поддержать их стремление к справедливому распределению богатства между сеньорами и крестьянами, прозябающими в нищете.

Итак, 8 июня восставшие «жаки» впервые столкнулись с рыцарским войском, собранным специально для борьбы против них. Отряд Карла Наваррского не отличался ни многочисленностью, ни надежностью. Он был наспех собран из северофранцузских, наваррских и даже английских (военные заботы отступили перед лицом общей классовой задачи!) рыцарей. По пути в деревню Мелло отряд пополнился за счет наемников-бригандов, которые грабили Францию, давно забыв, на чьей стороне они воюют. Всего под знаменами Карла Наваррского собралось около тысячи человек. Крестьян было в шесть раз больше. Это само по себе несколько сдерживало боевой настрой рыцарей. Когда же они увидели сильную позицию крестьянской армии и ее готовность к сражению, им пришлось задуматься. Два дня войско наваррского короля стояло на поле у деревни, не решаясь вступить в бой с «простолюдинами».

В это самое время — 9 июня — феодалы уже нанесли силам восставших поражение, о котором еще не знал Гиль-

ом Каль. Отделившийся от армии «жаков» парижский отряд вместе с частью крестьян направился к городу М, чтобы захватить и разрушить сильную цитадель этого города. Вероятно, у Этьена Марселя, как и прежде, была определенная политическая цель: этот город мешал продовольствия в Париж, а в его цитадели укрылись многие представители знати и среди них — семья дофина. Парижский старшина, упустивший самого дофина Карла, мог рассчитывать захватить ценнейших заложников и поставить наследника престола и регента Франции под на уступки. По всей видимости, именно ради этого горожане и покинули «жаков» в самый ответственный момент. Этьен Марсель в отличие от Гильома Каля не стремился «держаться» вместе с крестьянами.

Однако попытка захватить цитадель не удалась. Завязавшие в латы тяжелооруженные рыцари вышли на встречу горожанам и крестьянам и разбили их в близком бою на узком мосту, где многочисленность атакующих не давала им никаких преимуществ. В результате разделенный отряд обернулся потерями.

10 июня Карл Наваррский предложил восставшим перемирие и пригласил Гильома Каля вместе с его ближайшими помощниками для переговоров. Крестьянские вожаки приняли это предложение. Каль по-прежнему опасался, что его необученное войско не выдержит натиска рыцарей. Крестьяне не потребовали никаких гарантий безопасности кроме рыцарского слова наваррского короля. И этот «благородный дворянин» обманул руководителей восстания. Они были схвачены и закованы в цепи. Гильома Каля подвергли пыткам, а затем казнили. Рыцари, которые претендовали на роль носителей высшего благородства, увенчали голову пришедшего к ним для переговоров человека раскаленным железным венцом. Каким контрастом представляется поведение доверчивого крестьянского вождя и «первого дворянина Франции»!

А между тем идеология рыцарей на протяжении нескольких столетий утверждала мысль об изначальной «подлости» природы мужика. В знаменитом «Парцифале» — рыцарском романе XIII в. — говорилось, что рыцарям не понять «жестокости нравов подлой черни». Известный французский трубадур Бертран де Борн, не особенно стесняясь в выражениях, писал: «Нрав свиньи мужик имеет». Этим оправдывалось любое проявление жестокости и варварства в отношении крестьян.

Любо видеть мне народ
Страждущим, небогрым,
Голодающим, раздетым, —

признавался тот же Бертран де Борн.

Опираясь на созданное феодалами представление о «подлом мужике», Карл Наваррский не опасался осуждения. Ведь «благородство» сеньоров не распространялось на «простолудинов». Рыцарское слово, данное капитану «жаков», можно было считать недействительным.

Лишившись предводителя, крестьяне дрогнули под ударом рыцарей и обратились в бегство. Рыцари, почувствовав свою силу, беспощадно уничтожали бегущих. Очень немногие из шести тысяч «жаков» остались живыми.

Разгром отряда Каля и гибель «генерального капитана» означали окончательное поражение восстания. Но движение быстро пошло на спад. С разрозненными отрядами и группами крестьян справиться было легче. К тому же рыцарей окрылил успех Карла Наваррского. По всей Северной Франции начался жестокий террор — феодалы вымещали на крестьянах накопившуюся ненависть. Беспощадной расправой с вооруженными и безоружными, даже с женщинами и детьми, рыцари мстили «жакам» за свой унижительный страх перед восставшим народом. По данным «Больших французских хроник», за две недели — до 24 июня — было убито двадцать четыре тысячи крестьян. Вновь уверовав в свои силы, рыцари были беспощадны.

Итак, дело за которое отдал жизнь Гильом Каль, не победило. Не пришло еще время для того, чтобы народ мог одолеть своих угнетателей. Но гибель крестьянского вождя и тысяч французских крестьян не была напрасной. Урок Жакерии не прошел бесследно. Наиболее тяжелая для крестьян и устаревшая в экономическом отношении барщинно-крепостническая система окончательно отмерла в Северной Франции и уступила место денежным платежам. А это давало крестьянскому хозяйству хотя бы относительную самостоятельность. И наконец, нельзя не упомянуть о том, что в течение ближайших после Жакерии десятилетий заметно возросла роль крестьянства в общественной жизни Франции. Это проявлялось в событиях Столетней войны. В 60—70-х годах XIV в. и в 20—40-х годах следующего XV столетия крестьяне внесли свою лепту в защиту независимости Франции. А в середине XIV в. они сделали важный шаг в борьбе за признание человеческих прав крестьянина.

ЖАННА Д'АРК

браз, хорошо знакомый со школьной скамьи по многим иллюстрациям: юная девушка с мечом в руках — легендарная Жанна д'Арк. Какой была она на самом деле?

Мы не знаем ни одного подлинного изображения Жанны. Некоторые смутные и обобщенные черты внешнего облика орлеанской героини можно установить по тем «словесным портретам», которые оставили ее современники. «Дева сия сложением изящна, — читаем мы в одном документе того времени, — держится она по-мужски, говорит немного, в речах выказывает необыкновенную рассудительность; у нее приятный голос. Ест она мало, пьет еще меньше. Ей нравятся боевые кони и красивое оружие... С неслыханной легкостью выносит она тяготы ратного труда, и бремя лат — так, что может по шесть дней и ночей подряд оставаться в полном вооружении».

Время не пощадило изображений Жанны. Но оно сберегло для нас нечто более ценное, нежели безгласные портреты и статуи: множество достоверных и выразительных свидетельств.

Историк, изучающий жизнь и деятельность Жанны д'Арк, имеет в своем распоряжении обильные и разнообразные источники. О многом рассказала сама Жанна в показаниях перед церковным инквизи-

ционным трибуналом, который судил ее в первой половине 1431 г. Материалы этого процесса сохранились. Они доносят до нас подлинные слова Жанны и воссоздают обстановку суда, который закончился вынесением смертного приговора и казнью подсудимой.

Спустя четверть века, в 1456 г., «дело» Жанны было пересмотрено. Смертный приговор объявили судебной ошибкой, а Жанну признали невиновной. Этому предшествовало длительное расследование, в ходе которого несколько специальных следственных комиссий допросили свидетелей, знавших Жанну в разные периоды ее короткой и яркой жизни.

Перед следователями прошли десятки людей. Это было фантастически пестрое общество. Мужчины и женщины. Миряне и клирики. Крестьяне и принцы. Рыцари и монахи. Ремесленники и доктора теологии. Воины, чиновники, торговцы, врачи... Среди них были друзья Жанны и те, кто отправил ее на костер. Одни знали ее очень хорошо, другие же видели издали и мельком. Для одних она была родственницей, крестницей, соседкой, другом детства. Для других — боевым товарищем, таким же воином, как и они сами. Для третьих — подсудимой, которую они допрашивали по многу часов в одиночной камере Буврейского замка в Руане.

Разные люди вспоминали о Жанне, и их рассказы, дополняя друг друга, воссоздают удивительно целостный образ девушки, у которой оказалась поистине необыкновенная судьба.

Жанна д'Арк появилась на политической авансцене в переломный, критический период Столетней войны между Англией и Францией (1338—1453 гг.). В 1415 г. англичане предприняли новое вторжение на материк. Спешно набранное французское рыцарское войско было разгромлено в битве при Азенкуре. В течение следующих четырех лет англичане оккупировали северную часть страны, Нормандию; союз с могущественным герцогом Бургундским открыл им ворота Парижа. В 1420 г. король-победитель Генрих V Ланкастерский продиктовал на переговорах в Труа свои условия мира: наследник французского престола, дофин Карл, объявлялся лишенным прав на корону, Генрих V получал руку французской принцессы, к нему и его потомкам, рожденным от этого брака, должен был отойти и французский престол. Формально договор в Труа не предусматривал слияния Англии и Франции в единое

государство; речь шла только о личной унии, при которой оба королевства сохраняли все свои традиционные институты. По существу, однако, это была катастрофа. Франция не только теряла независимость. Ликвидация национальной династической власти, которая, как отмечал Ф. Энгельс, на протяжении нескольких столетий «постепенно втягивала нацию в свою орбиту»¹, грозила свести на нет успехи территориального объединения и политической централизации страны. Франция оказалась расчлененной. К Англии отходила Нормандия; за англичанами закреплялись также их стародавние владения на юго-западе, по побережью Бискайского залива с важными портами Бордо и Байонна. Союзник англичан бургундский герцог Филипп Добрый прибирал к рукам восточные провинции. А дофин Карл, который отказался признать договор в Труа, принял после смерти своего отца, Карла VI Безумного, королевский титул и укрепился в областях, расположенных к югу от Луары.

Излюбленной резиденцией Карла VII был город Бурж; поэтому противники называли его «Буржским королем», подчеркивая отсутствие у него прав на французский престол (он не был коронован в Реймсе, как того требовала многовековая традиция). Однако для большинства французов он являлся единственным законным государем, олицетворяющим принцип независимости Франции. Да и «Буржское королевство» вовсе не было таким слабым, каким оно традиционно изображалось в старой исторической литературе. Под властью Карла VII находилась добрая половина Франции — причем испытывавшая бедствия войны в несравнимо меньшей степени, нежели многострадальный Север. Карл мог рассчитывать и на помощь богатых городов, и на многочисленное воинственное дворянство, и на поддержку союзников за рубежом. Но французы продолжали преследовать военные неудачи. В начале 20-х годов XV в. англичане значительно расширили свои владения вокруг Парижа, а в августе 1424 г. наголову разбили французское войско в сражении при Верней-сюр-Авр. Кроме того, хотя Карл и присвоил себе королевский титул, он оставался даже в глазах своих сторонников всего-навсего наследником престола — дофином, и только торжественный обряд коронования мог превратить его в

¹ Энгельс Ф. Заметки о Германии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 18. С. 571.

«полновластного» короля. Короновались же французские короли в Реймском соборе, а Реймс находился в руках союзников англичан — бургундцев.

В это критическое время очень важное значение приобрело народное сопротивление на оккупированной территории. Главным очагом его была Нормандия, где бедствия войны и оккупации давали себя знать особенно остро. В некоторых районах сопротивление приобрело характер партизанской войны. Небольшие отряды укрывались в лесах, они контролировали дороги, нападали на солдат, охотились за финансовыми чиновниками. Состояли эти отряды главным образом из крестьян, которые действовали обычно вблизи от своих деревень.

Оккупационные власти обрушивали на партизан жесточайшие репрессии. Устраивались карательные экспедиции, прочесывались леса, проводились показательные суды и казни. Однако, несмотря на репрессии, англичанам так и не удалось подавить это движение. Отдельные районы практически вышли из-под их контроля, и они не решались появиться там иначе, как с очень сильным эскортом.

Значение народного сопротивления на оккупированной территории не может быть сведено лишь к непосредственному ущербу от операций партизан. Очень существенным было здесь то обстоятельство, что борьба в тылу постоянно отвлекала на себя часть военных сил англичан и распыляла эти силы. В итоге темпы продвижения англичан к югу, на свободную территорию, все больше замедлялись. И все же осенью 1428 г. им удалось выйти к Луаре, вдоль которой протянулась цепь укрепленных городов и замков. Ключевую позицию в этой цепи занимал Орлеан.

Английское командование придавало исключительно важное значение взятию этого большого и хорошо укрепленного города. Расположенный на правом берегу Луары в центре ее плавной и обращенной в сторону Парижа излучины, Орлеан контролировал дороги, которые вели из Северной Франции в «Буржское королевство». В случае его захвата англичане получали возможность перейти в разрывное наступление, так как к югу от Орлеана у французов не было крепостей, способных сдержать натиск противника. От исхода сражения на берегах Луары зависела судьба Франции.

В середине октября 1428 г. четырехтысячное английское войско начало осаду Орлеана. Прежде всего англичане заняли левобережное предместье Понтеро и предместия

форт Турель, лишив тем самым город прямой связи с неоккупированной территорией. Затем они переправились на правый берег и начали возводить вдоль городских стен кольцо осадных сооружений.

Защитники Орлеана оборонялись мужественно и упорно. Первый удар приняло на себя городское ополчение, которое отбило атаку английской пехоты со стороны моста. Правительство Карла VII отдавало себе отчет в значении борьбы за Орлеан и направило туда лучшие воинские отряды. Командовал ими молодой и талантливый Жан, Орлеанский батард — побочный сын герцога Орлеанского, более известный как граф Дюнуа (этот титул он получил позже).

Англичане предпринимали частые, но безуспешные атаки на укрепления перед городскими воротами, подвергали город непрерывному артиллерийскому обстрелу, нападали на обозы, подвозившие осажденным продовольствие и боеприпасы. Французы не оставались в долгу, производя частые вылазки и контратаки. Так прошло три с половиной месяца... Однако 12 февраля 1429 г. французы потерпели крупное поражение у деревни Рувре-Сен-Дени, близ Орлеана, когда они напали на английский отряд, сопровождавший большой обоз с продовольствием. Исход «битвы селедок» (обоз вез главным образом соленую рыбу к приближавшемуся великому посту) резко изменил соотношение сил в пользу осаждающих. Несколько французских отрядов ушло из города. Орлеан, казалось, был предоставлен собственной участи...

И тогда-то до осажденных дошли первые слухи о Жанне. Говорили, что через соседний Жьен проехала некая юная девушка, уверяющая, что ее избрал бог для спасения Французского королевства. «Будучи военным наместником губернатора Орлеана и командуя обороной города, — вспоминал на процессе реабилитации Жанны граф Дюнуа, — я послал к королю двух дворян, чтобы собрать более подробные сведения о сей Деве. Вернувшись, они рассказали мне, а затем повторили это публично всем горожанам, жаждавшим узнать правду о появлении Девы, что сами видели, как названная Дева прибыла в Шинон, где находился тогда король. Они сказали также, что король поначалу не хотел ее принять, и она ожидала приема два дня, говоря и повторяя, что явилась, чтобы снять осаду с Орлеана и повести благородного дофина на коронацию в Реймс. И она беспрестанно требовала, чтобы ей дали солдат, коней и оружие».

Жанна родилась и выросла далеко от Орлеана, на востоке Франции, в деревне Домреми, что на правом берегу Мааса, близ границы с Лотарингией. Она была дочерью крестьянина Жака д'Арка и его жены Изабеллы Роме. Когда в феврале 1431 г. на суде ее спросили, сколько ей лет, она ответила: «Девятнадцать или около того». Стало быть, она родилась в 1411 или в 1412 г.; большинство биографов склоняется ко второй дате.

Она росла, как все крестьянские дети. Со слов матери заучила три молитвы — этим и ограничилось ее образование. Ее рано приучили к домашней работе и женскому рукоделию. Когда подросла, стали посылать в поле. В очередь с соседскими ребятишками она помогала взрослым пастухам пасти деревенское стадо.

С незапамятных времен в Домреми существовал обычай: ранней весной, в четвертое воскресенье великого поста, молодежь собиралась у столетнего бука. Его называли «деревом фей». Местное предание гласило, что некогда под его могучей кроной феи водили веселые хороводы, но, когда священник окропил лужайку святой водой, они исчезли. Когда судьям Жанны понадобятся улики, свидетельствующие о связи девушки с нечистой силой, они будут настойчиво расспрашивать подсудимую о ее играх под «деревом фей». На этом факте они построят обвинение Жанны в колдовстве и заклинании злых духов.

Родная деревня Жанны стояла на оживленной дороге, и крестьяне Домреми были неплохо осведомлены о том, что происходило на белом свете. Впрочем, они знали о войне не только с чужих слов. Тот небольшой район, где находилась Домреми и центром которого был укрепленный город Вокулер, не подвергался оккупации, но его население испытало на себе все бедствия феодальной анархии и солдатского разбоя. Из-за Мааса нападали банды лотарингских дворян, слывших первыми разбойниками во всем христианском мире (а в те разбойничьи времена заслужить такую славу было совсем не просто). С ними соперничали шайки головорезов, находившихся на службе у местных сеньоров.

Рассказы о бедствиях, обрушивавшихся на Францию, картины народного горя, проходившие перед глазами девушки, запали ей в душу и зажгли сердце страстным желанием «спасти королевство Французское».

Это глубокое патриотическое чувство приняло у нее совершенно естественную для того времени религиозную

форму. Жанна была уверена, что сам бог избрал ее для спасения Франции. Она черпала эту уверенность в широко распространенном в народной среде пророчестве, которое гласило, что Францию погубит порочная женщина, а спасет чистая девушка. Первую часть пророчества народ относил к матери Карла VII королеве Изабелле Баварской, которая отеклась от сына и энергично содействовала заключению гибельного для Франции договора в Труа. Что же касается чудесной избавительницы, то на родине Жанны говорили, что она придет «из лотарингских пределов», и у девушки мало-помалу сложилось такое убеждение.

Личность Жанны формировалась под влиянием народных религиозно-мистических представлений. Жанне казалось, что она слышит и видит святых. Ей «являлись» архангел Михаил, святые Екатерина и Маргарита. Это были наиболее популярные святые: они называли ее возлюбленной дочерью господина и внушали, что она избрана богом для великого дела. Жанне было тринадцать лет, когда она впервые услышала «голос ангела». В последний раз она говорила со своими святыми накануне казни...

Что это — галлюцинации? Разумеется. Однако, взятое само по себе, вне исторических «координат», это слово мало что объясняет в феномене Жанны д'Арк и может лишь внушить совершенно ложное представление о ее личности. Для современного человека галлюцинации — это признак душевной болезни, патологического отклонения от психической нормы. Но подходить с современными мерками к средневековому человеку, чувства которого, по известным словам Ф. Энгельса, «вскормлены были исключительно религиозной пищей»², — значит заведомо закрыть себе путь к пониманию его внутреннего мира.

Проблема «голосов» и «видений» Жанны — проблема прежде всего историческая. Здесь мы имеем дело с характерным для средневекового мировосприятия явлением визионерства, которое определялось особым отношением к действительности: в последнюю, наряду с материальным, входило и сверхъестественное, чудесное. Средневековые изобиловали разного рода видениями, и визионерское воображение воспринималось не как аномалия, но как естественное явление. Современники Жанны расходились во взглядах на источник ее видений — исходят ли они от бога или от дьявола, но мало кто сомневался в их реальности.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 314.

В сознании Жанны с «голосами» и «видениями» вались прежде всего мысли о спасении Франции и пред-¹ставление о своей роли спасительницы страны. Из ее показаний на суде мы узнаем, что о бедственном положении Французского королевства ей рассказал ангел, а архангел Михаил наставлял, что она должна пойти на помощь королю. «Спрошенная, говорил ли ей в юности голос, что она должна ненавидеть бургундцев, отвечала, что с тех пор как она поняла, что голоса на стороне французов, она не любила бургундцев». «Спрошенная, ненавидит ли бог англичан, отвечала: «Я ничего не знаю о любви или ненависти бога к англичанам и о том, что он сделает с их душами. Но я твердо знаю, что они будут изгнаны из Франции — кроме тех, кто здесь погибнет, и что бог пошлет французам победу над англичанами».

Жанна не сразу уверовала в свою миссию. Она долго колебалась, считая себя недостойной быть исполнительницей «божьей воли». Ее останавливала привязанность к родным, которых она должна была оставить, пугало неведомое будущее. Но когда в Домреми пришло известие об осаде Орлеана, Жанна обрела решимость: значение битвы на берегах Луары было понятно каждому.

В конце декабря 1428 г. Жанна тайком уходит из дома. В сопровождении своего дальнего родственника, крестьянина из соседней деревни Дюрана Лассара, она идет в Вокулер и предстает перед комендантом тамошней крепости Робером де Бодрикуром. Жанна просит его дать ей проводящих: она должна пойти «во Францию» (так жители окраин называли центральную часть страны), чтобы снять осаду с Орлеана и короновать дофина. Такова воля ее господина. Кто этот господин? Царь небесный.

Нетрудно представить себе реакцию Бодрикура. «Сей Робер, — вспоминал на процессе реабилитации Дюран Лассар, — сказал мне, повторив несколько раз, чтобы я отвел ее домой, к отцу, и дал оплеуху».

Но Жанна осталась в Вокулере. Она поселилась в доме некоего Анри Ле Ройе (что значит «возчик»; возможно, то была профессия домохозяина), и вскоре этот дом становится местом своеобразного паломничества. Люди приходили туда, движимые любопытством, а уходили уверенные в том, что они действительно видели ту чудесную спасительницу, появление которой было предсказано пророчеством. Им невольно передавалась глубочайшая убежденность Жанны в своем призвании.

Вот наиболее характерный в этом плане пример. Однажды в дом Ле Ройе пришел воин-оруженосец из гарнизона крепости Жан де Новеленпон, по прозвищу Жан из Меца. Разговор с девушкой он начал с шутки, в которой сквозила снисходительная ирония: «Что вы здесь делаете, моя милая? Разве нам не следует изгнать короля, а самим стать англичанами?» А она ответила ему серьезно и искренне, так, как отвечала, наверное, каждому: «Я пришла сюда, чтобы попросить Робера де Бодрикура проводить меня к дофину или дать мне проводящих, но он не обратил внимание ни на меня, ни на мои слова. И все же нужно, чтобы до середины великого поста я была у короля — даже если бы ради этого мне пришлось бы стереть ноги до колен. Поистине никто на свете — ни короли, не герцоги — не спасет королевство Французское и не поможет ему. Никто, кроме меня. Я предпочла бы прятаться подле моей бедной матери, как мне и подобает, но нужно, чтобы я шла...»

Личные качества Жанны на всех этапах ее жизни играли, разумеется, огромную роль, но никогда, пожалуй, эта роль не была так велика, как в те дни, когда решалась судьба ее великого замысла. Ведь Жанне еще не сопутствует слава, не бежит впереди, расчищая дорогу, она не вооружена ничем, кроме веры в свое призвание. Какой же огромной внутренней силой, обаянием и даром убеждения нужно было обладать, чтобы в нее поверил выдавшие виды тридцатилетний солдат, да так, чтобы спустя четверть века сказать: «Я возымел великое доверие к словам Девы и был воспламенен любовью к ней — божественной по моему разумению».

Конечно, Жанна была одаренной натурой, существом необыкновенным. Однако констатация этого вполне очевидного факта ничуть не проясняет нам «тайну» Жанны д'Арк, т. е. не дает ответа на главные вопросы в истории орлеанской героини: как мог возникнуть у юной крестьянки грандиозный замысел спасения Франции и каким образом ей удалось его осуществить.

Чтобы лучше понять это, нужно подчеркнуть связь истории Жанны д'Арк с массовым сознанием ее эпохи. И здесь в первую очередь следует назвать то понятие, которым современники определяли сущность феномена Жанны-Девы. Без него этот феномен действительно не может быть нами осмыслен. Понятие это — «простота».

Во время суда, на одном из последних тайных допросов, у Жанны спросили, почему бог избрал ее, а не кого-либо

другого. И она ответила: «Потому что богу было угодно действовать через простую деву, дабы отразить недругов короля». За этими словами стояло одно из фундаментальных представлений средневековья — представление о том, что «простецы» ближе богу, нежели «мудрые», и что господь часто избирает их своим орудием, демонстрируя всемогущество божественной воли и карая людскую гордыню. Под простотой понималось не только «низкое» общественное положение, но, в первую очередь, комплекс определенных нравственных качеств: бесхитрость, простодушие, чистота помыслов, неискuschenность, а также целомудрие. Такому пониманию всецело соответствовал идеал юной девушки. В годы тяжелейших испытаний народное сознание, воспринимая беды, обрушившиеся на Францию, как божью кару за грехи ее правителей («мудрых» и «сильных»), обращалось с надеждой к их антиподам — «простецам», «немудрым» и «немогущим», моделируя образ грядущей девы-спасительницы. В самом этом образе отразились общественные настроения того смутного времени — и прежде всего глубокое разочарование «трудящейся части» населения Франции в способности ее «воюющей части» осуществить свою защитную функцию. Это был своеобразный укор и «вызов» рыцарству.

Гениальность Жанны д'Арк заключается как раз в том, что она с необыкновенной силой и убедительностью сумела «выразить» общественные потребности своего времени, чувства и мысли всего французского народа. Это и лежало в основе поразительно интересного социально-психологического явления — массовой веры в Жанну-Деву, в освободительный характер ее миссии.

Вот многозначительный факт: первым поверил в Жанну человек, который знал ее чуть ли не с пеленок. Речь идет о крестьянине Дюране Лассаре, который проводил Жанну к Бодрикуру, т. е. помог ей сделать первый, самый трудный шаг по избранному ею пути. Его собственные объяснения были предельно просты: «Она мне сказала, что хочет отправиться во Францию, к дофину, говоря: «Разве не было предсказано, что Франция будет погублена женщиной, а затем возрождена девой?» Этого оказалось достаточно: Лассар пошел с ней к Бодрикуру.

Ссылка на пророчество произвела неотразимое впечатление и на жену домохозяина Жанны в Вокулере Ле Ройе: «Когда Жанна увидела, что Робер де Бодрикур не хочет проводить ее к дофину, я сама слышала, как она сказала,

что должна пойти туда, где находится дофин, говоря: «Разве вы не слышали пророчества, что Франция будет погублена женщиной и возрождена девой из лотарингских пределов?» И тут я вспомнила, что слышала это, и была поражена. Жаннетта так сильно желала, чтобы ее проводили к дофину, что время томило ее, как беременную женщину. После этого я и многие другие поверили ее словам».

«...Я и многие другие поверили ее словам» — вот, пожалуй, главный ключ к «тайне» Жанны д'Арк. Вера в Жанну-Деву зародилась в демократической среде; важнейшей объективной предпосылкой ее возникновения было народное сопротивление оккупантам, и сама эта вера представляла собой своеобразную форму проявления патристических чувств французского народа на переломном этапе Столетней войны.

Командант Вокулера Робер де Бодрикур убедился в быстро растущей популярности Жанны, и это заставило его изменить свое первоначальное отношение к ней. Он согласился дать ей провожатых и письмо к дофину Карлу.

В середине февраля 1429 г. Жанна и ее спутники выехали из Вокулера. Перед этим девушка переоделась в мужской костюм и коротко, по-мужски, остриглась. Это было продиктовано не только соображениями безопасности и удобства, но и имело определенное значение. В своих собственных глазах и в восприятии современников Жанна занимала совершенно особое положение. В ней видели существо, играющее уникальную общественную «роль», и не связанное в своей деятельности с каким-либо групповым кодексом поведения. Мужской костюм Жанны-Девы и выражал как раз эту уникальность, символизировал исключительность, подчеркивал неповторимость. Он был как бы «знаком» ее особого предназначения*.

Во время суда над Жанной ношение неподобающей ее полу одежды станет одной из главных улики для обвинения в ереси, в нарушении церковных установлений и канонов, и этой улике суждено будет сыграть в судьбе девушки роковую роль...

Жан из Меца вспоминал: «На нашем пути находились англичане и бургундцы, и нам приходилось иногда ехать

* Вполне возможно, что Жанна следовала здесь примеру «являвшейся» ей святой Маргариты-Целая — персонажу чрезвычайно популярного в народной среде апокрифического житийного сборника «Золотая легенда». Подробно об этом см.: *Райцес В. И.* Жанна д'Арк. Факты, легенды, гипотезы. Л., 1982. С. 96 — 105.

ночью». Ехали быстро: за одиннадцать дней преодолели сто пятьдесят лье (более 600 км) — большей частью по неприятельской территории. Это полное опасностей путешествие — первое серьезное испытание Жанны, первая ее негромкая победа.

Одна из самых знаменитых, хрестоматийно известных сцен в истории Франции — сцена «свидания в Шиноне», первая встреча Жанны с дофином. В исторической литературе это событие издавна изображается как испытание Жанны. Согласно традиционной версии, Карл принял Жанну в присутствии всего двора. Сам он смеялся толпой, а Деву пытались ввести в заблуждение, указывая то на одного, то на другого придворного. Но она безошибочно опознала истинного дофина, после чего он отвел ее в сторону, и Жанна поведала ему некий секрет.

Критический анализ источников не подтверждает, однако, эту версию. Первая встреча Жанны д'Арк с Карлом-дофином, породившая множество толков, слухов и легенд, прошла, насколько мы можем судить, совсем иначе.

Карл принял Жанну на заседании так называемого «малого» (или «узкого») Королевского совета, т. е. в присутствии своих ближайших советников; число их не превышало 25—30 человек. Возможно, она сама узнала его, что, впрочем, было не столь уж трудно. Между ними состоялся короткий разговор, который слышали все присутствующие. Жанна назвала себя, сказала, откуда и зачем прибыла. Она произвела на Карла благоприятное впечатление, но он ничем это не выразил. Выслушав Жанну, он, по свидетельству одного из очевидцев аудиенции, «повелел, чтобы ее обследовали клирики, прелаты и доктора богословия, дабы выяснить, следует ли верить тому, что она говорит».

В начале марта Жанну отвезли в Пуатье; там она предстала перед специальной, очень авторитетной комиссией, которой предстояло произвести тщательное расследование ее образа жизни, поступков, чтобы дать рекомендации Королевскому совету о допуске ее к войску.

Расследование продолжалось около трех недель. Это было труднейшее испытание для Жанны. Ей приходилось отвечать на множество разнообразных, нередко каверзных вопросов. Спустя четверть века один из членов комиссии профессор богословия Сеген де Сеген вспоминал о некоторых эпизодах расследования: «Метр Гильом Эмери спросил у нее: «Ты утверждаешь, что бог хочет избавить французский народ от бедствий. Но если это хочет сделать

сам бог, то для чего нужны солдаты?» И тогда Жанна ответила: «Солдаты будут сражаться, а бог пошлет им победу».

Метр Гильом остался доволен этим ответом. Я сам спросил у нее, на каком языке говорили с ней святые, и она ответила, что на лучшем, нежели мой; я же говорил на лимузенском наречии. Я сказал ей также, что мы не можем советовать королю доверить ей солдат, основываясь только на ее голословном утверждении, ибо это значило бы подвергнуть их опасности. Она ответила: «...я пришла в Пуатье вовсе не для того, чтобы давать знамения. Пошлите меня в Орлеан, и там я явлю знамение того, ради чего я послана».

В этих ответах — безукоризненных, кстати сказать, с богословской точки зрения — ярко проявляется личность Жанны: независимый характер, живой и ясный ум, поразительная находчивость.

По окончании работы комиссия представила Королевскому совету заключение, в котором говорилось, что расследование не выявило в Деве никакого зла, «но лишь добро, смирение, целомудрие, честность и простоту». Комиссия рекомендовала королю допустить Деву к войску и распорядиться, чтобы ее «с почетом» проводили в Орлеан. Миссия Жанны получила, таким образом, официальную санкцию. Важнейшее значение имело здесь то обстоятельство, что Жанна была к тому времени уже очень известна. Вокруг нее сложилось широкое общественное мнение: народ видел в ней спасительницу страны, а население Орлеана связывало с ней надежды на освобождение от осады. С этим не могло не считаться правительство Карла VII.

В конце апреля Жанна направилась в Блуа, ближайший к Орлеану город, не занятый англичанами. Там формировалось войско для похода на Орлеан; в него влились отряды под командованием лучших французских военачальников. На суде Жанна говорила, что король дал ей десять или двенадцать тысяч человек. Историки, однако, сходятся во мнении, что общая численность собранных в Блуа отрядов не превышала четырех тысяч.

Перед тем как выступить в поход, Жанна послала к англичанам, стоявшим под стенами Орлеана, своих герольдов с письмом, которое она продиктовала еще месяц тому назад в Пуатье. В нем содержалось требование отдать Деве, посланной богом, ключи от всех захваченных городов и предлагался мир на условиях ухода англичан из Франции

и возмещения ущерба. В противном случае Дева грозила учинить «такой разгром, какого не видали во Франции уже тысячу лет». Герольды испокон века пользовались правом неприкосновенности, но англичане задержали одного из ее посланцев, а второго отослали с ответом, что сожгут ее, как только она окажется в их руках.

В четверг 28 апреля войско вышло из Блуа и к исходу следующего дня его авангард во главе с Жанной-Девой благополучно миновав английские позиции, вошел в Орлеан.

Современники так описывают вступление Жанны в осажденный город: «Она въехала в 8 часов вечера в полном вооружении на белом коне; впереди несли ее знамя и боевой штандарт. По правую руку от нее ехал монсеньор Орлеанский батард, также вооруженный, на богато украшенном коне. За ними ехало и шло множество благородных и храбрых сеньоров, оруженосцев, капитанов и солдат, а также горожан, которые вышли ей навстречу за ворота.

Их встречали воины гарнизона и горожане, мужчины и женщины, с факелами в руках. Они ликовали так, словно к ним спустился с небес сам господь, — и не беспричинно: им пришлось вынести такие тяготы и пережить такие страдания, что они уже почти потеряли надежду на помощь и спасение. Теперь же они чувствовали себя так, как будто с них уже сняли осаду. Вот почему все они — и мужчины, и женщины, и дети — смотрели с большой любовью на эту простую девушку, в которой, как им сказали, была заключена божественная добродетель. Была такая чудовищная давка из-за того, что каждый хотел дотронуться до нее или до ее коня, что один из факельщиков случайно поджег ее штандарт. И тогда она прищипорила коня и так ловко потушила пламя, словно была опытным воином. Солдаты сочли это за великое чудо, и горожане были согласны с ними».

Так пересекли они весь город до западных Ренарских ворот, где в доме казначея Жана Буше ей было приготовлено жилье.

Этот рассказ очевидцев свидетельствует о крутом перемене в настроении защитников Орлеана и во многом объясняет, почему уже на девятый день после приезда Жанны осада была снята и англичане потерпели жестокое поражение. Конечно, на стороне французов было численное превосходство — впрочем, не столь уж значительное.

Огромное, может быть, даже решающее значение исход сражения под стенами Орлеана имел высокий боевой

дух армии, а он поддерживался прежде всего той уверенностью в победе, которую с самого начала сумела внушить всем защитникам города Жанна-Дева. В глазах французских воинов она была не только «божьей посланницей»; она была для них боевым товарищем, таким же воином, как и они, — только более отважным... Пройдет четверть века, и прославленный французский военачальник, граф Дюнуа, и опытный командир и храбрый солдат, так будет вспоминать о кульминационном эпизоде всей операции по снятию осады — штурме предместного форта Турель: «Штурм начался 7 мая, ранним утром, и продолжался до позднего вечера. Жанна была ранена выстрелом из арбалета. Стрела проникла глубоко в ключицу, но Жанна отказалась от услуг лекаря и не покинула поле боя. Был момент, когда надежды на успех не оставалось. Я хотел уж остановить сражение и чуть было не приказал трубить отбой. Но тогда Дева подошла ко мне и попросила подождать еще немного... Потом она схватила свое знамя и водрузила его на насыпи перед рвом. И тотчас же англичане дрогнули, а наши солдаты воспрянули духом и возобновили штурм. Они уже не встречали сопротивления... После взятия форта мы вернулись в Орлеан и были встречены с величайшей радостью. Жанна возвратилась в дом, где ей было отведено жилье, и только тогда занялась своей раной...» А на следующий день англичане ушли из-под стен города. С тех пор, вначале в Орлеане, а потом во всей Франции, стала торжественно праздноваться эта дата.

За снятием осады с Орлеана последовало несколько блестящих побед, завершивших разгром англичан в долине Луары. В течение одной недели, с 11 по 17 июня, французы овладели тремя укрепленными городами, а 18 июня войска сошлись у деревни Пате для решающей битвы. Накануне англичане получили подкрепление, они были еще очень сильны, и многие французские военачальники сомневались в исходе битвы. Многие, но не Жанна. «Будем ли мы сражаться, Жанна?» — спросил у нее перед началом боя командующий французской армией герцог Алансонский. — «Есть ли у вас добрые шпоры?» — ответила Жанна вопросом на вопрос. «Чтобы удирать?» — уточнил герцог. «Нет, чтобы преследовать. Побегут англичане, и вам придется крепко прищипорить коня, чтобы догнать их». Эти слова оказались пророческими. В битве при Пате французы одержали полную победу. Они взяли в плен 200 человек, в числе которых был лучший английский полководец того

времени Джон Талбот. Говорили, что число убитых англичан чуть ли не в десять раз превышало число плененных.

В результате «недели побед» вся долина Средней Луары была очищена от врагов. Наступил перелом в ходе Столетней войны. Повсеместно — и во Франции, и за ее пределами — успехи французов связывали с именем Жанны-Девы. Со всех сторон стекались под ее знамя новые бойцы. Солдаты соглашались служить за мизерную плату. Бедные дворяне, не имея средств для покупки коня и доспехов, шли в войско простыми лучниками и копейщиками. «Ибо, — читаем мы в «Хронике Девы», — каждый имел великую надежду на то, что, благодаря сей Деве, причинится много блага королевству Французскому».

Тем временем в Королевском совете спорили о направлении похода. Дюнуа позже вспоминал: «После побед сеньоры королевской крови и капитаны хотели, чтобы король пошел не на Реймс, но в Нормандию. Однако Дева постоянно была того мнения, что нужно идти на Реймс, чтобы короновать короля. Она доказывала это мнение, говоря, что, как только король будет коронован и миропомазан, сила врагов будет все время убывать и в конце концов они не смогут вредить ни королю, ни королевству».

Торопя дофина с походом на Реймс, где по традиции совершалось коронование на царство французских королей, Жанна исходила из представления о том, что только эта торжественная церемония превращает наследника престола в полновластного короля, единственного законного правителя страны. В условиях, когда формально оставалось в силе соглашение в Труа, создавшее двуединую англо-французскую монархию, коронация дофина Карла выбивала из-под ног англичан ту шаткую правовую основу, которой они оправдывали оккупацию Франции. Коронация дофина в Реймсе становилась в этих условиях актом провозглашения государственной независимости Франции. Такова была основная политическая цель похода.

Для сомнений в успехе предприятия были серьезные основания. Армия не имела ни артиллерии, ни осадных машин, а ей предстояло овладеть хорошо укрепленными городами. Как будет снабжаться войско по мере удаления от своих баз, сосредоточенных в долине Луары? Не приведет ли поход к обострению отношений с бургундцами и укреплению англо-бургундского союза? Но Жанна и ее единомышленники твердо стояли на своем. Хорошо осведомленный Персеваль де Каньи, доверенный человек гер-

цога Алансонского, позднее его хронист, так описывает обстановку во французской ставке в эти дни: «Король находился в Жьене до среды 29 июня. Дева была сильно огорчена тем, что он там долго задерживается из-за неохоты придворных, которые не советовали ему принимать поход на Реймс, говоря, что на пути из Жьена в Реймс расположено много укрепленных городов, замков и крепостей с гарнизонами из англичан и бургундцев. Дева же отвечала, что это она хорошо знает, но что все это неважно. За два дня до отъезда короля она в досаде выехала из ставки и отправилась в полевой лагерь. И хотя у короля совсем не было денег для оплаты армии, все рыцари, оруженосцы, солдаты и простолюдины были согласны служить ему в этом походе, заявляя, что они пойдут за Девой куда угодно».

Итак, план похода на Реймс был поддержан армией и, по сути дела, навязан дофину. Решающую роль сыграл при этом огромный авторитет Жанны в войске, готовность воинов — от рыцарей до обозной obsługi — идти за ней, куда бы она их ни повела. «Чудо» спасения Франции продолжалось.

27 июня Жанна повела авангард армии на Реймс. Через день за ней последовала основная армия. А 16 июля армия вступила в Реймс. Успех похода превзошел самые смелые ожидания: менее чем за три недели армия прошла почти триста километров и достигла конечного пункта, не сделав ни одного выстрела, не оставив на своем пути ни одной сожженной деревни, ни одного разграбленного города. Предприятие, которое поначалу представлялось столь трудным и опасным, превратилось в триумфальный марш. Реймский поход представляется нам не обычной военной кампанией, но своего рода общественным движением, участники которого преследовали высокие патриотические цели. Именно это и определило его успех.

В воскресенье 17 июля Карл был коронован в Реймском соборе. И хотя церемония была организована поспешно, без обычной пышности и торжественности, ее совершили по всем правилам, с соблюдением всех процедур, придававших ей сакральный характер. Когда она закончилась, Франция имела своего единственного законного короля — Карла VII. Государственная самостоятельность и независимость Франции были провозглашены.

Жанна стояла в соборе, держа в руке знамя. Потом на суде у нее спросят: «Почему ваше знамя внесли в собор

во время коронации в предпочтение перед знаменами других капитанов?» И она ответит: «Оно было в труде и по праву должно было находиться в почести».

Коронация в Реймсе имела значительные последствия. В течение месяца французы освободили большую территорию между Реймсом и Парижем; города один за другим с радостью открывали ворота войску короля и Жанны-Девы. Появилась реальная возможность освобождения Парижа, гарнизон которого состоял главным образом из бургундцев.

Жанна и ее единомышленники настаивали на решительных действиях, однако им противостояла в Королевском совете «партия политиков», которые предпочитали действовать методами тайных переговоров и соглашений. «Политикам» удалось упрочить свое влияние на короля. Впрочем, для этого не нужно было прилагать особые усилия. Непостоянный, скрытный, завистливый Карл (именно так характеризует его один из современников) обладал поистине королевским качеством: умением забывать тех, кто в трудный час приходил ему на помощь. Он начинал тяготиться Жанной и ревниво относился к ее славе. Жанна ему больше не была нужна.

В конце августа, когда французское войско стояло под стенами Парижа, было подписано перемирие с Бургундией. Это странное соглашение — триумф «партии политиков» — не только лишало французов многих преимуществ, которые они получили в результате военных успехов, но и значительно укрепляло позиции Бургундии. Достаточно сказать, что оно признавало за бургундцами право оборонять Париж от французов. Когда же Жанна и герцог Алансонский с трудом добились от Карла согласия на штурм Парижа, благоприятный момент был упущен, гарнизон подготовился к обороне.

8 сентября французы предприняли штурм западной стены и ворот Сент-Оноре. Жанна шла впереди штурмующих. Знаменосец ее был убит, а сама она ранена. Но она отказалась покинуть поле боя и лишь после захода солнца, когда надежд на успех уже не оставалось, ее почти насильно увели в лагерь.

Армия вернулась на берега Луары и тотчас же была распущена. Зимой 1429—1430 года Жанна провела в тяготившем ее бездействии. Король дал ей и ее родным права дворянства, но она этой милости не добивалась. За весь тот год, который она провела в прямых контактах с Карлом VII, она лишь однажды, в Реймсе, обратилась к нему

с личной просьбой: освободить жителей Домреми и соседней деревни от налогов.

Тем временем война с Бургундией возобновилась, и Жанна решила действовать самостоятельно. В конце марта она неожиданно оставляет двор и отправляется с небольшим отрядом в район военных действий. Она появляется то в одном городе, то в другом, призывая жителей к сопротивлению. Узнав, что бургундцы осадили Компьень, она бросается на выручку. Она входит в город утром 23 мая, а вечером, во время неудачной вылазки, попадает в плен.

Полгода провела Жанна в бургундском плену. Она ждала помощи, но напрасно. Карл VII решительно ничего не сделал для того, чтобы выручить ее из беды, хотя возможности для этого у него были.

В конце 1430 г. бургундцы продали Жанну англичанам, а те немедленно предали ее суду инквизиции. Жанна предстала перед церковным трибуналом, который состоял преимущественно из приспешников англичан; современники называли их «лжефранцузами». Главным судьей был епископ Пьер Кошон, сделавший карьеру на службе у бургундцев и англичан. Фамилия его, кстати сказать, звучит по-французски как «свинья», пишется, правда, иначе.

Суд над Жанной д'Арк был политическим процессом, задуманным в качестве воздействия на общественное мнение. По замыслу его организаторов, Жанна должна была умереть от руки правосудия как официально осужденная еретичка и колдунья, пытавшаяся с помощью дьявола сокрушить поставленную богом власть. Только такая смерть могла развенчать ее в глазах современников. Только казнь по приговору церковного суда могла опорочить ее успехи — и прежде всего коронацию Карла VII, которую общая молва приписывала юной «посланице неба». И еще одно: казни должно было предшествовать публичное отречение подсудимой.

Судили Жанну в Руане, в центре английских владений на севере Франции. Первое время ее держали в железной клетке, а когда начались допросы, перевели в камеру. Пятеро английских солдат стерегли ее круглые сутки, а на ночь приковывали железной цепью к стене: боялись, что «ведьма» ускользнет.

Суд продолжался пять месяцев. Пять месяцев вела Жанна неравный поединок со своими судьями. Ее запугивали, к ней посылали провокаторов, грозили пыткой. Ловушки подстерегали ее на каждом шагу.

С безмятежным цинизмом говорили об этом спустя четверть века на процессе реабилитации сами члены трибунала. Секретарь суда Гильом Маншон: «Жанну изнурили многочисленными и разнообразными вопросами. Почти каждый день по утрам происходили допросы, которые продолжались по три — четыре часа. И очень часто из того, что Жанна говорила утром, извлекали материал для трудных и каверзных вопросов, по которым ее допрашивали еще два — три часа после полудня». Ассессор трибунала каноник Ришар де Круше: «Я припоминаю, как однажды аббат Фекама сказал мне, что и великий ученый с трудом ответил бы на те вопросы, которые ей задавали». Помощник инквизитора Изамбар де Ла Пьер: «Жанна была молоденькой девушкой — лет девятнадцать или около того, наделенной светлым умом, и она очень осмотрительно отвечала на труднейшие вопросы».

Какое чудовищное неравенство сил! Сто тридцать два члена трибунала: кардинал, епископы, профессора геологии, аббаты, монахи, священники и юная девушка, которая, по ее собственным словам, «не знает ни а, ни б»!

Она держалась поразительно мужественно. Да, она действительно взялась за неженский труд, но ведь «на женскую работу всегда найдется много других». Неверно, будто бы она была врагом мира вообще. Она и письменно, и через послов просила герцога Бургундского помириться с ее королем. «Что же касается англичан, то мир с ними будет заключен лишь после того, как они удалятся к себе в Англию». Ее обвиняют в том, что она присвоила себе права военачальника, став во главе 16-тысячного войска? Что же, это правда. Но «если она и была военачальником, то только для того, чтобы бить англичан».

В этих прямых и гордых ответах вся Жанна. В английском плену, окруженная врагами, перед лицом инквизиции, обвиненная во всех преступлениях, какие только могла измыслить озлобленная фантазия судей, одинокая и измученная девушка борется не за свою жизнь, но за правоту дела, которому служила.

Прошел год с того дня, когда Жанна попала в плен. Год и один день. 24 мая 1431 г. ее привезли на кладбище аббатства Сент-Уэн. Поставили на помост, окружили английской стражей и показали палача. Потом ей трижды предложили отречься и трижды она отвечала отказом.

Кошон начал читать приговор. Он прочел уже большую часть, когда произошло то, чего с таким нетерпением ожи-

дали постановщики этого трагического спектакля. Прервав епископа на полуслове, Жанна заявила, что согласна отречься. Она отреклась и была приговорена к пожизненному заключению. Она переоделась в женское платье и ее отвели в тюрьму. Через два дня Кошону доложили, что осужденная снова надела мужской костюм. Тем самым она совершила «рецидив ереси», неминуемо влекущий за собой смертную казнь. У нее спросили, кто принудил ее сделать это. «Никто, — отвечала она. — Я сделала это по своей доброй воле и без всякого принуждения». Потом она сказала, что отреклась из-за страха перед костром и что она проклинает себя за предательство, которое она совершила, когда согласилась отречься, чтобы спасти свою жизнь. Так Жанна д'Арк одержала свою последнюю победу — самую трудную из всех ее побед: над страхом смерти. В среду 30 мая 1431 г. она погибла на костре в Руане, на площади Старого рынка. Ей было девятнадцать лет.

Когда отряд теряет командира, когда гибнет лучший боец, — это потеря, но не поражение. Жанна погибла. Франция продолжала борьбу. И хотя эта борьба была еще долгой и потребовала от французского народа огромных усилий, ее исход был предрешен. В 1453 г. Столетняя война окончилась победой Франции. Оправдались слова Жанны, которая верила в победу тогда, когда в нее не верили самые опытные политики и самые прославленные полководцы: враги были изгнаны с французской земли, кроме тех, кто нашел в этой земле могилу.

„КОГДА АДАМ ПАХАЛ, А ЕВА ПРЯЛА, КТО БЫЛ В АНГЛИИ ДВОРЯНИНОМ?“

евять июньских дней 1381 г. потрясли Англию до основания. Эти дни не были случайными, ибо все предшествовавшие события вели к ним. С 1337 г. Англия вела против Франции напряженную войну, названную Столетней (она продолжалась до 1453 г.). После первых побед в 1340, 1346 и 1356 гг. в 60-х и особенно в 70-х годах наступила полоса поражений. За англичанами сохранилась узкая полоса земли на юго-западе Франции. К этому добавились внутренние трудности. В 1348—1349 гг. над страной пронеслась эпидемия чумы («черная смерть»), унесшая до трети ее населения. Нехватка рабочих рук в условиях повышения цен привела к тому, что дворянство, не желая терять прежние доходы, стремилось сохранить уровень заработной платы, в чем ему пришлось на помощь феодальное государство. «Ордо-нанс о рабочих и слугах» Эдуарда III обрушил жестокие кары на тех, кто не желал наниматься и работать за прежнюю плату. Крупные лендлорды, в свою очередь, пытались увеличить барщину. Если добавить к этому лихоимство, незащищенность прав крестьян в судах, неурожайные годы, постоянно увеличивавшиеся налоги, будет ясно, отчего жизнь английских крестьян становилась все более и более невыносимой. Большинство крестьян и так жило

плохо: утром — кусок хлеба и кружка эля, днем с сыром, луковица и эль, вечером — овсяная или гороховая похлебка, хлеб и сыр. Мясо, рыба, молоко и масло появлялись на столе лишь в праздники. Основная часть крестьянства жила в хижинах из прутьев, обмазанных глиной и крытых соломой. Рабочего скота было мало. Естественно, что в условиях непрерывного увеличения феодальной ренты всех видов, огораживаний общинных угодий и попыток закрепощения в крупных поместьях даже ранее свободных крестьян резко обостряются социальные противоречия.

Едва ли легче была жизнь у городских низов. Подмастерьям все труднее и труднее удавалось стать мастерами. Как и повсюду в Европе, цеховые мастера, стремясь передавать по наследству мастерские и звание мастера своим сыновьям, создавали, по существу, непреодолимые препятствия на пути подмастерьев: кроме изготовления образцового изделия («шедевра»), они должны были устраивать угощение членам цеха, на что средств у них, как правило, не было. Постоянно шла борьба между мелкими и крупными торговцами. Королевская власть нещадно облагала города налогами на войну, которой не было видно конца.

Ненавистным становилось для многих англичан положение церкви, владевшей почти третью всех земель Англии. Глаза многих из феодалов и купцов заристливо были устремлены на церковные богатства. Беднейшие же слои населения рассматривали церковь как такого же эксплуататора, что и светских феодалов. Недаром в эти годы возникает учение оксфордского профессора Джона Уиклифа, порицавшего земные богатства церкви, отрицавшего претензии папства на главенство над государством и настаивавшего, хотя и очень робко, на равенстве всех перед богом. Но этого было достаточно, чтобы сделать популярный в народе вывод об имущественном и социальном равенстве, далекий от учения Уиклифа.

Достаточно было искры, чтобы разгорелось пламя восстания. Непосредственным поводом к восстанию стал новый раунд взимания поголовного налога в графстве Эссекс. В деревне Брентвуд вооруженные крестьяне напали на члена налоговой комиссии Бамптона и его клерков. Об этом вскоре стало известно в Лондоне, откуда выехали в Эссекс два лондонских горожанина, начавшие призывать народ к восстанию. Посланный в Эссекс главный судья

Суда общей скамьи Роберт Белкнап во главе отряда солдат для усмирения был окружен восставшими и вынужден поклясться, что более не будет участвовать в подобных экспедициях.

Огонь восстания начал разгораться. Население графства готовилось отразить любую попытку властей подавить восстание. Участники движения были полны решимости покончить со своим бесправием и крепостным состоянием. Большинство повстанцев собралось в Мейдстоне, находившемся в руках восставших с 7 июля. Руководителями восстания стали странствующий проповедник Джон Болл и кровельщик Уот Тайлер, люди ярких дарований и необычной судьбы.

О детских и юношеских годах обоих мы ничего не знаем. Все сведения о Джоне Болле и Уоте Тайлере исторички черпают из хроник XIV—XV вв., составленных представителями феодального лагеря. Из них известно лишь то, что Джон Болл прибыл в Колчестер из Йорка. Отсюда начались его странствия по деревням. Во время этих странствий он выступал с проповедями, обличавшими распущенность дворян и подводящими крестьян к мысли о необходимости покончить с развращенностью правящего класса. Проповеди Джона Болла явно пришлись не по вкусу властям. Архиепископ Кентерберийский Симон Ислип отлучил Болла от церкви между 1362 и 1366 годами. Преемник Ислипа Симон Ленгам в 1366 г. поручил декану Болинга в Эссексе припугнуть тех, кто слушал проповеди Болла, отлучением от церкви, а самому Боллу приказал предстать перед архиепископом. Болл оставил без внимания этот приказ. В декабре 1376 г. король Эдуард III на основании жалобы нового архиепископа Кентерберийского Симона Седбери направил комиссию в Колчестер, чтобы арестовать Болла как упорствующего отлученного. Далее сведений о Болле нет. Мы знаем лишь определенно, что накануне восстания Болл был на свободе. 26 апреля 1381 г. Седбери издал предписание священникам диоцеза (епархии) Кентербери, в котором указывал, что Болл ничего не сделал, чтобы получить прощение архиепископа, но «опять пробрался в наш диоцез, как лиса, ушедшая от охотника, и не побоялся выступить с проповедями и речами в церквах и на погостах (без разрешения и против приходских властей), и также на рынках и в других неосвященных местах, обольщая слух мирян поносительными речами и говоря им вещи, позорящие как нашу персону, так и других пре-

латов и духовных лиц, и что хуже всего — о самом верховном первосвященнике он дерзает высказываться таким языком, который является оскорблением для слуха благочестивых христиан». Далее Седбери приказал публично объявить об отлучении Болла от церкви и пригрозить отлучением его сторонникам. Это предписание Седбери, судя по всему, послужило основанием для заточения Болла в архиепископскую тюрьму в Мейдстоне.

В предписаниях Ленгама и Седбери нет информации о взглядах Болла. В хрониках говорится о них больше. Наиболее распространенной и значительной была проповедь Джона Болла на тему: «Когда Адам пахал, а Ева пряла, кто был в Англии дворянином?». Эта проповедь начиналась словами: «Дорогие друзья, дела в Англии пойдут хорошо только тогда, когда все станет общим, когда не будет больше ни вассалов, ни лордов, когда лорды перестанут быть господами и будут такими же, как и мы. Как ужасно они обращаются с нами». Далее Болл вопрошал: «По какому праву они держат нас в крепостном состоянии? Не происходим ли мы все от одного отца и одной матери — Адама и Евы? И как они могут доказать, какие основания могут привести, почему они должны быть большими господами, чем мы? Они одеваются в бархат и дорогие ткани, украшенные горностаем и другими мехами, а мы должны переносить дождь и стужу, работая на полях, между тем вся их роскошь держится нашим трудом. Нас называют рабами и бьют, если мы не выполняем возложенных на нас повинностей, и у нас нет государя, которому мы могли бы пожаловаться или который захотел бы нас выслушать. Давайте отправимся к королю и будем увещевать его, ведь он юн и от него мы можем получить благоприятный ответ, в противном случае мы сами должны найти способ улучшить наше положение».

Понятно, что проповеди Болла вызывали бешеную ярость у высшего клира: ведь он призывал не платить церковную десятину, бывшую источником существования духовенства. В прокламациях, призывах и посланиях, рассылавшихся Боллом (и сохранившихся до наших дней), он в аллегорической форме призывал к вооруженному восстанию. В духе времени они изобиловали религиозной фразеологией. Их смысл был вполне ясен. Одна из них призывала к решительным действиям: «Джон Болл приветствует всех вас и уведомляет, что он уже прозвонил в свой колокол».

Еще решительнее написано другое послание Болла: «Джон Болл, священник церкви Св. Марии, приветствует всякого звания людей и просит их именем троицы — отца, сына и святого духа — мужественно стоять за правду и помогать правде, и правда поможет им».

В других посланиях, написанных анонимно и в более мягкой форме, также содержится призыв к восстанию, хотя и эзоповым языком. Например, в одном из них говорится: «Джон Пастух, некогда священник церкви Св. Марии в Йорке, а ныне в Колчестере, приветствует Джона Безымянного, и Джона Мельника, и Джона Возчика и просит их, чтобы они помнили о коварстве, господствующем в городе, и стойко держались во имя божие, и просит Петра Пахаря приняться за дело и наказать разбойника Хоба и взять с собой Джона Правдивого и всех его товарищей и больше никого и зорко смотреть на одну только голову и ни на какую больше».

Джоном Пастухом, очевидно, Болл называет себя. Как видно, он призывает различных людей начать действия и просит их остерегаться измены. Джон Болл призывает их покончить счеты с угнетателями и специально указывает на казначея королевства Роберта Хелза, именуя его «разбойником Хобом».

В последующих посланиях Джона Болла повторяется мысль о том, что нельзя далее терпеть. Простой народ может исправить дело: «Смотрите, чтобы мельница шла хорошо со своими четырьмя нарядными крыльями — с правом и силой, с умением и волей».

Учение Джона Болла было боевой и решительной программой действий. В его взглядах сочетались две различные в социальном плане идеи: уравнительная, характерная для антифеодальной борьбы крестьянства, из которого вышла беднота, и идея общности имущества, вдохновлявшая прежде всего бедноту на антифеодальную борьбу. Эта программа в целом соответствовала интересам широких кругов крестьянства и городского населения, что обеспечило ей в начале восстания огромную популярность.

Ядом с именем Джона Болла стоит имя Уота Тайлера, военного руководителя восстания. Оно появляется впервые в источниках в связи с освобождением Болла из Мейдстонской тюрьмы, где тот сидел до восстания. Практически нет сведений о его происхождении и юношеских годах. Лишь известно, что он участвовал в военных кампаниях во Франции и имел боевой опыт, а к началу восстания был

кровельщиком. Последние девять дней жизни сделали его имя бессмертным.

Этот мужественный человек происходил родом из Колчестера и, вероятно, испытал на себе влияние проповедей Джона Болла. Уот Тайлер был не только выдающимся военным вождем, но и красноречивым оратором. Недаром именно он вел переговоры от имени крестьян с королем Ричардом II. Пришлось и его смертельным врагам позднее признать, что это был «одаренный малый, с большим умом, но лишенный жалости» и «наделенный выдающимися способностями, если бы только они были применены к правому делу». Хотя крестьяне различных графств Англии имели своих вождей, никто не оспаривал права Уота Тайлера на звание вождя восстания. Ясный ум и большая рассудительность снискали ему огромное уважение среди восставших. Они клялись повиноваться законам, исходящим только от него. Это означало, что в их глазах он стоял наравне с королем, имеющим право (с согласия парламента) издавать законы. Другие вожди крестьянских отрядов действовали с согласия Тайлера. Они считали его носителем власти и выполняли его указания.

При непосредственном участии Болла и Тайлера в Мейдстоне была составлена программа из четырех пунктов, гласивших, что

- 1) участники восстания будут, как прежде, соблюдать верность королю Ричарду и общинам;
- 2) не станут признавать предателя Джона Гентского, дядю короля;
- 3) не допустят введения нового налога, кроме пятнадцатой деньги*;
- 4) обязываются быть готовыми явиться по первому требованию короля.

Эта программа была направлена против феодальных привилегий и политической власти феодалов, призывала к защите прав простого народа. Как полагали восставшие, юный король, освободившись от дурных советников, будет править в интересах народа.

Большое внимание в требованиях было уделено представителям королевской администрации и другим угнетателям народа, наиболее активные из которых подлежали смерти. Но здесь надо отметить, что никаких бессмысленных убийств армия восставших не совершала.

* Пятнадцатая деньга — пятнадцатая часть дохода с любого хозяйства

Действия Уота Тайлера с самого начала отличались решительностью. Едва была провозглашена программа в Мейдстоне, как Уот Тайлер повел повстанцев в главный город Кента — Кентерберии. Жители города приветствовали Тайлера. Восставшие сразу же направились к дворцу архиепископа. Дворец был тщательно обследован, а все документы сожжены. В соборе Тайлер объявил монахам и конгрегации (собрание священников епархий), что им предстоит избрать нового архиепископа ввиду того, что Седбери — изменник. По существу это было предложение радикально изменить роль церкви в Англии. Вероятно, что в Мейдстоне было решено, что архиепископом станет Джон Болл. Это означало, что восстание намеревалось произвести перемены общественного строя в Англии.

Уже в среду 12 июня восставшие достигли предместья Лондона Блекхиза и разбили здесь лагерь. Ремесленники Лондона были заодно с восставшими и собирались открыть городские ворота, чтобы армия восставших беспрепятственно вошла в столицу. На следующий день, 13 июня, был праздник тела Христова. Мессу служил Джон Болл. Его проповедь была посвящена не религиозным вопросам, хотя Болл и ссылаясь на Библию. В проповеди были ясно и конкретно изложены взгляды и цели восставших.

Болл говорил, что с начала мира все люди были созданы равными по природе, а рабство и крепостное состояние установлены неправедными людьми, поступающими вопреки воле бога. Настал день, назначенный богом, когда надо уничтожить рабство и обрести желанную свободу. Для этого нужно уничтожить всех магнатов королевства и архиепископа, потом изгнать законовевов и судей и всех, кто может нанести ущерб крестьянам. Долгожданная свобода, утверждал Джон Болл, только тогда и наступит.

Хотя не все в этой проповеди было понятно, участники восстания хорошо уяснили главное и потребовали, чтобы Болл «был архиепископом Кентерберийским и канцлером королевства».

Естественно, что выдвинутая Боллом идея равенства была встречена враждебно правящим классом. Разработавший в эти дни план подавления восстания граф Солсбери мрачно высказался: «Если восставшие победят, тогда будет покончено с нами и нашими наследниками и Англия будет превращена в пустыню».

Однако ни Джон Болл, ни Уот Тайлер не поднялись выше идеи решить все вопросы путем свидания с королем.

Тут необходимо внести ясность — средневековый крестьянин с детства воспитывался в послушании богу и королю. Монарха всегда изображали средоточием силы и добродетели. Феодалы и чиновники непосредственно угнетали крестьян. Король же был далеко, в Лондоне, крестьяне не воспринимали его как главного эксплуататора, как главу класса феодалов, и поэтому легко возникало впечатление, что стоит королю, окруженному дурными советниками, услышать жалобы народа, как он тут же изменит положение и даст народу свободу. Эта вера восставших и их руководителей была использована королевским двором. Хотя Лондон находился в руках восставших и могло показаться, что окончательная победа уже в их руках, именно наивный монархизм оказался ахиллесовой пятой повстанцев. Джон Болл, Уот Тайлер и другие руководители восстания были людьми своего времени, разделяли многие его предрассудки и уповали в своих мечтах на справедливого короля, причем не только на реального тогдашнего английского короля Ричарда II, а на некоего идеального и аморфного короля, пекущегося о благе своих подданных.

Во всем остальном руководители восстания показали себя превосходно. Уот Тайлер ввел в армии восставших строгую дисциплину, что вынуждены были отметить даже враждебные повстанцам хронисты. Не было ни грабежей, ни бесчинств. Как только участники восстания разместились в городе, их отдельные отряды приступили к намеченным действиям. Первым делом они разрушили дворец Савой — резиденцию Джона Гентского. Разрушение этого дворца было актом ненависти восставших к феодалам, но отнюдь не бессмысленного насилия и грабежа. Дворец Савой, одно из наиболее красивых и богатых зданий Лондона этого времени, был для восставших символом феодального грабежа и беззакония. «Мы ревнители правды и справедливости, а не вору и разбойники», — заявляли восставшие. Вслед за Савоем были сожжены тюрьмы, предназначенные главным образом для крестьян и ремесленников, виновных в нарушении статуса о рабочих. Потом армия восставших двинулась к Тауэру, в котором находились король и его совет под охраной 600 человек вооруженной стражи. Надвигались решающие события.

Руководители восстания, безусловно, учитывали, что восставшие проникнуты монархическими иллюзиями, но даже наиболее проницательные из них были убеждены,

что королю принадлежит верховная власть, и исходили из принципа, что, если король добровольно выступит на стороне восставших, им будет легче добиться подчинения знати. Поэтому было решено добиваться свидания с королем и предъявить ему следующие требования:

- 1) освобождения от личной зависимости;
- 2) прощения восставших;
- 3) дарования всем подданным короля права свободной торговли;
- 4) установления единообразной земельной ренты в 4 пенсы за акр земли.

Эти требования показывали реалистичность мышления руководителей восстания, видевших главные причины бедствий страны. Необходимо отметить, что все эти требования спустя двадцать лет стали реальностью социально-экономической жизни Англии.

Что же касается Королевского совета, его члены решили использовать монархические иллюзии восставших, мобилизовать все свои силы, набрать время и, расколов силы восставших ложными обещаниями, разгромить их. Это был рискованный план, но единственно возможный в создавшихся обстоятельствах.

14 июня король покинул Тауэр и направился в Майл-Энд, который тогда был деревней, где лондонцы обычно устраивали гуляния. Но теперь этот короткий путь был беспокойным. Вдоль дороги стояли лондонцы и выкрикивали угрозы королю. В этих угрозах было столько гнева, что король не на шутку перепугался.

На майл-эндских полях произошла встреча короля с армией восставших. Группа восставших во главе с Уотом Тайлером обратилась к Ричарду с петицией. Согласно плану Солсбери, король пошел на все уступки и дал указание готовить грамоты об утверждении петиций. После этого король потребовал, чтобы восставшие разошлись по домам.

Радости крестьян не было предела. Они даже и не подозревали, что попали в хитро расставленную ловушку. Феодалам надо было как можно скорее удалить восставших из Лондона, а выполнять свои обещания они не собирались и надеялись, что в разгар сельскохозяйственных работ в последующие месяцы крестьяне уже не смогут подняться еще раз на восстание. Экономические уступки подлежали отмене после подавления восстания, а для остальных эта формальность была не нужна, поскольку без утверждения парламента все эти грамоты были недействительными.

Пожертвовав двумя своими приближенными, Хелзом и Седбери, которые были казнены восставшими, король выиграл время.

Часть повстанцев из числа зажиточных крестьян и ремесленников, получив то, что они желали, начали расходиться по своим графствам, но большинство решило остаться. Вот тогда-то и была выдвинута программа, основанная на идеях Джона Болла.

Уот Тайлер снова стал добиваться свидания с королем. Увы, он не понимал, что легко мог сам провести в жизнь новую программу. Но это обращение толкнуло приближенных Ричарда на отчаянный план с целью устранить Уота Тайлера. 14 и 15 июня группа королевских советников спешно собирала силы для нанесения контрудара. Им удалось привлечь на свою сторону кондотьера Роберта Нолза с большим отрядом и некоторых лондонских богатых купцов и рыцарей, напуганных размахом восстания, и увидевших в нем угрозу своим состояниям. Они были готовы поддержать любой план, направленный против повстанцев. Когда план был окончательно составлен, Уоту Тайлеру сообщили, что король даст ему после вечерней аудиенции в Смитфилде. Это было большое поле за северными воротами Лондона, на котором ежегодно происходили ярмарки Св. Варфоломея, а по пятницам торговали скотом.

Перед королем вновь стояла армия крестьян, фактически хозяев положения, но все еще веривших в короля. Мэр Лондона Уолуорс выступил вперед и пригласил Уота Тайлера подойти к королю. Если в Майл-Энде король сам подъехал к восставшим, то сейчас многое изменилось. План приближенных короля предусматривал только такой вариант. Почему же Уот Тайлер не увидел ловушки? Это остается тайной до сих пор.

Получив приглашение, Уот Тайлер в сопровождении лишь знаменосца верхом отправился к месту встречи с королем. Он был одет в повседневное платье и вооружен лишь кинжалом. Подъехав к королю, Тайлер спешился, стал на одно колено и, взяв короля за руки, приветливо сказал: «Будь спокоен и весел, брат! Скоро ты будешь иметь пятнадцатую деньгу, обещанную общинами. — больше чем ты имел до сих пор, и мы будем добрыми товарищами».

Ричард в ответ пожелал узнать, почему повстанцы не разошлись по домам. Тогда Тайлер сказал, что они не уйдут до тех пор, пока не будут удовлетворены их остальные тре-

бования, и добавил, что «будет гораздо хуже для лордов королевства, если в этой грамоте будет отказано». Далее он прочел эти требования, составившие Смитфилдскую программу. «Чтобы не было никакого другого закона, кроме Винчестерского, и чтобы впредь ни один человек не был объявлен вне закона по решению судей или юристов; чтобы ни один лорд не был сеньором над общинами, и, поскольку нас угнетает целая орда епископов и клириков, пусть будет в Англии только один епископ. А все земли и богатства святой церкви должны быть отняты у нее и разделены в соответствии с нуждами народа в каждом приходе, после того как будет выделена часть на содержание священников и монахов, и, наконец, чтобы не было больше в Англии вилланов, но все должны быть свободны и одного состояния». Это была одна из самых радикальных программ крестьянских движений средневековья, в основу которой был положен принцип имущественного и социального равенства, принцип, приводивший в ужас власть имущих. Но король, наученный своими советниками принять условия восставших, согласился на все.

Воцарилось молчание, нарушенное Тайлером. Разгоряченный и утомленный последними днями, он почувствовал, что устал. Ему захотелось выпить немного эля, он попросил воды, чтобы сполоснуть рот. Стоя перед королем и всем двором, он стал полоскать рот и выплевывать воду. Затем Тайлер выпил кружку эля во здравие нового порядка. Довольный, он сел на свою небольшую лошадку, чтобы вернуться к повстанцам и сообщить им о согласии короля. Но не успела его лошадь и шагу ступить, как он увидел, что окружен королевской свитой. В этой окружившей Тайлера толпе был молодой паж, крикнувший, как было ему приказано, что он знает Уота Тайлера, что это величайший вор и разбойник во всем Кенте. Услышав это, Тайлер рассердился и потребовал, чтобы клеветник вышел к нему. Паж, уверенный в безнаказанности, повторил свои слова. Разгневанный Тайлер вынул кинжал. Может быть, он понял, какой страшной опасности подвергался. Но этого момента как раз и ожидали окружившие его королевские приближенные. Мэр Лондона Уолуорс закричал, что он арестует всякого, кто обнажит оружие в присутствии короля. Уот Тайлер ударил его кинжалом, но удар пришелся по кольчуге, скрытой под платком, и не причинил Уолуорсу никакого вреда. Уолуорс в ответ дважды ударил Тайлера кинжалом, и тот упал на свою лошадь, раненный в шею

и голову. Вся королевская свита напала теперь на безоружного и полумертвого Тайлера. Истекая кровью, он пришил коня, чтобы направиться к своему войску. Но едва лошадь сделала несколько шагов — Уот Тайлер упал с седла. Все же лошадь дотащила его до повстанцев.

Повстанцы не видели из-за клубов пыли, что случилось, но прежде, чем они успели натянуть луки, к ним направился король. Он был уверен, что повстанцы не тронут его. Поспешно он пробормотал, что Тайлер посвящен в рыцари, их требования удовлетворены, и велел им идти на поле Св. Иоанна Клеркенвельского, где их будет ждать Уот Тайлер. Тем временем приближенные короля помчались в Лондон, чтобы мобилизовать отряды верных им людей. Уолуорс же начал розыски Уота Тайлера, которого он нашел в госпитале Св. Варфоломея, где тот умирал. Уолуорс стащил умирающего с постели и поволок его по земле на середину Смитфилдского поля. Здесь он обезглавил его и, насадив голову на копье, поехал к королю.

При виде Уолуорса с насаженной на копье головой Тайлера восставшие пришли в ужас и упали на колени. Лишившись вождя, они снова почувствовали себя крепостными. Это парализовало их волю. Но, опасаясь, что крестьяне еще смогут ответить на это злодейство, королевский совет объявил им, что они могут расходиться по домам, поскольку их требования удовлетворены. Месть готовилась к тому моменту, когда крестьяне разойдутся по домам. Когда начались массовые преследования крестьян, они поднялись на борьбу, но эти выступления были разрозненными и их легко было подавить.

Джон Болл был арестован в Ковентри и 13 июля предстал перед судом. Стоя перед судьями, он был тверд и непоколебим. Да, это он рассылал письма с поучениями. Ему не в чем раскаиваться и не от чего отречься. Судья был взбешен. Джона Болла приговорили к повешению, вырезанию внутренностей, обезглавливанию и четвертованию.

Господствующий класс Англии торжествовал победу. Казни и преследования вскоре, правда, прекратились, но не из милосердия, а потому, что лендлордам нужны были рабочие руки. Подлое убийство Уота Тайлера и казнь Джона Болла несмываемым позором легли на королевский двор. Эти два выдающихся вождя английского народа отдали свои жизни за счастье простых людей и обрели бессмертие.

Восстание 1381 г. пресекло процесс феодальной реакции. Тем самым были созданы условия для осуществления

требований майлэндской программы. Это восстание положило начало традиции крупных вооруженных крестьянских восстаний в Англии и стало важным переломным моментом в истории английского крестьянства, истории его классовой борьбы.

Крестьянские восстания в Англии происходили и в XV, и в XVI, и в XVII вв. Наиболее крупными были восстания 1549 г. в Корнуолле и в Норфолке под руководством Роберта Кета. Крестьяне не просто возмущались эксплуатацией со стороны лендлордов-землевладельцев, они выступали за свободное развитие крестьянского хозяйства. А во времена английской буржуазной революции XVII в. Джеральд Уинстенли и его соратники — диггеры (то есть копатели) пытались создать крестьянскую коммуны. Дело Уота Тайлера и Джона Болла не умерло. Его продолжили английские крестьяне последующих столетий.

„Я ВЫБИРАЮ НЕ МЕЖДУ ЖИЗНЬЮ И СМЕРТЬЮ, А МЕЖДУ ПРАВДОЙ И ЛОЖЬЮ”

НА ЗАСЕДАНИИ КОНСТАНЦКОГО СОБОРА (1415 г.)

В Чехословакии ежегодно 6 июля по всей стране зажигаются костры в память о Яне Гусе. Эта огненная эстафета передается из поколения в поколение, хотя прошло уже 570 лет с того дня, как догорел костер в Констанце. Чем же заслужил этот человек немеркнущую память потомков?

Антифеодальная борьба народных масс красной нитью проходит через все средневековье. Одним из наиболее ярких проявлений этой борьбы было гуситское движение в Чехии в 1419—1437 гг. Оно носило отчетливо выраженный антифеодальный и национально-освободительный характер и связано с именем выдающегося сына чешского народа Яна Гуса.

В это время в Чехии, как и в других странах Западной Европы, господствовали феодальные отношения. Вся земля принадлежала феодалам, а крестьяне находились в крепостной зависимости. Крупнейшим феодалом была католическая церковь. Пражскому архиепископу принадлежало 900 городов и сел.

Положение чешского крестьянства в XIV — начале XV в. было очень тяжелым. Крестьяне обрабатывали землю духовных и светских феодалов и, кроме этого, должны были отдавать значительную часть своих продуктов в качестве натуральной ренты, платить многочисленные денежные

поборы. Помимо основных податей крестьяне были задавлены множеством мелких повинностей. Они обязаны были осуществлять господские перевозки, поставлять продовольствие, фураж и скот во время войн и частых феодальных усобиц, ремонтировать дороги, чинить мосты, строить замки и укрепления. Кроме этого, чешское крестьянство уплачивало десятину церкви. Для крестьян эта десятина была тяжелым бременем. Духовенство всегда вымогало у крестьян десятину с избытком. Подданные, которые во время не уплачивали десятину, судились церковным судом.

В 1371 г. на юге Чехии, в местечке Гусинце, в семье крестьянина Михаила родился мальчик Ян. Он провел свои детские годы среди лесов, живописных рощ у реки Бланницы, что протекала близ Гусинца. Для сына крестьянина в то время была лишь одна возможность избавиться от тяжелого труда и нищеты — стать священником, но для этого надо было много учиться. Родители отдали сына в школу небольшого городка Прахтице.

Города Чехии в XIV в. в результате дальнейшего развития ремесла и торговли начинают играть все большую роль в экономической, социальной и культурной жизни страны. Чехия в это время была страной с развитой городской жизнью; она насчитывала около 100 городов, из них 35 были королевскими. Самым крупным городом была Прага с населением 40 тыс. жителей. По тому времени это был действительно большой город.

Во главе чешских городов стоял патрициат. Он составлял группу людей, не принимавших участия в производстве. В него входили крупные купцы, ростовщики, домовладельцы, землевладельцы. Огромным источником доходов патрициата была торговля — особенно внешняя, в его руках сосредоточивался весь импорт и экспорт сукна. Используя свои привилегии, эта группа людей диктовала на рынках цены.

Отношения между крестьянами и феодалами, между городским патрициатом и беднотой осложнялись в Чехии национальными противоречиями. Уже с XII в. начинается так называемая немецкая колонизация Чехии. Чешские короли и паны охотно принимали на службу немецких баронов и рыцарей, раздавали им земли. Много немцев было среди панов, духовенства, городского патрициата. Иноземцы угнетали чехов, пренебрежительно относились к их культуре и языку. Народ мечтал об избавлении от немецкого засилья.

Обладая неограниченной властью в городе и пользуясь поддержкой короля, патрициат, в котором преобладали немцы, притеснял все остальное население, состоявшее в основном из чехов. В руках патрициата находилась налоговая и финансовая система, что способствовало его экономическому обогащению. Препятствуя чехам в получении бюргерского права и в доступе к управлению городом, он замедлял рост городского чешского населения. Это создавало непримиримые противоречия между немецким патрициатом и чешским населением городов.

Люди, занятые ремеслом, по своему имущественному положению не были однородны. Из числа ремесленников выделяется средний слой — бюргерство (цеховая верхушка, золотых дел мастера, владельцы небольших лавок, средние торговцы). Это был довольно зажиточный слой городского населения, с другой стороны, в городах образовался многочисленный слой мелких ремесленников и бедноты, которые эксплуатировались цеховой верхушкой.

Школа, где учился Ян Гус, была обычным средневековым учебным заведением. Там изучали грамматику, риторику и диалектику, а в старших классах — арифметику и астрономию. Но эти названия не соответствуют нашим представлениям о данных науках. Арифметика учила самому примитивному счету. Астрономия нужна была для вычисления церковных праздников. Ученики изучали преимущественно латинскую грамматику. Главным предметом был закон божий. Учебников в тот период не было, и все тексты приходилось заучивать наизусть. Учеников подвергали телесным наказаниям, даже отправляли в лес заготавливать розги, и за такое обучение приходилось дорого платить. Но у Яна было непреодолимое желание учиться, и он отправился в Прагу.

В XIV в. Прага являлась одним из крупнейших городов Европы. Столица Чехии украшалась великолепными постройками. Замечательными памятниками средневекового зодчества являются собор св. Витта, мост через Влтаву и другие архитектурные сооружения. В Праге находился и старейший в Центральной Европе университет.

В Пражском университете, как и в других средневековых университетах, были артистический, богословский, медицинский и юридический факультеты. Ян Гус поступил на артистический факультет. На этом факультете изучались грамматика, риторика, диалектика, логика, математика, астрономия и музыка. Быстро пролетели годы уче-

ния. Впоследствии Гус вспоминал: «Когда я был бедным студентом, мне не на что было купить себе даже ложку. Я делал ее из хлеба и ел кашу. С последним глотком каши я съедал и свою ложку».

В сентябре 1393 г. Ян Гус окончил университет. Ему была присвоена степень бакалавра. Ян получил низшее церковное звание и мог быть священником, но начал преподавать в университете. В феврале 1396 г. он стал магистром. Степень магистра Пражского университета открывала перед Гусом широкие перспективы. Но он избрал другой путь.

На чешском престоле в то время находился король Вацлав IV, проводивший политику укрепления государственной власти. Крупные феодалы, светские и церковные, противились такой политике. Они стремились лишь к умножению своих богатств и хотели быть независимыми от короля. В этом их поддерживал немецкий патрициат. В 1394 г. король Вацлав был захвачен панами и был вынужден пойти на уступки оппозиции. Ослабление королевской власти использовали германские феодалы (король Вацлав IV был одновременно и императором Священной Римской империи). Они объявили чешского короля лишенным императорской короны. В Чехию вторглись немецкие наемники. В осажденной Праге Гус поднимает свой голос в защиту чехов, против иноземного засилья: «Чехи в королевстве Чешском по праву, по закону божьему и по прирожденному чувству должны быть первыми в должностях, как французы в королевстве Французском и немцы в своих землях». Предателей феодалов, переходивших на сторону врага, Гус считал «презреннее собак и змей».

Влияние Гуса растет: в 1401 г. он был избран деканом, а в 1402 г. — ректором университета. Но в университете Гус мог читать лекции ограниченному кругу лиц, он же хотел, чтобы его речи слушал народ. Читать проповеди перед народом могли в то время только священники. Ян Гус принял сан священника и начал выступать в Вифлеемской часовне. Слова Гуса были обращены к широкому слою пражского населения. Он утверждал, что в своем государстве чехи должны быть «во главе, а не в хвосте». Гус полагает разложение и разврат католического клира, разоблачает эксплуататорскую сущность духовенства, его корыстолюбие: «Даже последний грошик, который прячет старуха, и тот умеет вытиснуть недостойный священник — если не за исповедь, то за обедню, за священные реликвии,

если не за реликвии, то за отпущение грехов. ...Если не за отпущение, то за молитвы, а если не за молитвы, то за погребение. Как же не сказать после этого, что он хитрее и алее вора?»

Духовенство обвиняло Гуса в том, что он призывал народ не платить за церковные обряды (крещение, погребение и т. д.). Но особенно пугало церковь то, что Гус призывал лишить ее земельных владений. Острая борьба начинается и в университете. Ян Гус выступил против засилья немцев в университете. Немецкие магистры поддерживали врагов Чешского государства. Эта борьба вышла за стены университета. Гуса поддержал народ. Король Вацлав издал в январе 1409 г. Кутногорский декрет, согласно которому в совете и других органах университета чехи получили 3 голоса, немцы — 1. Ян Гус перед большим собранием в Вифлеемской часовне с радостью провозгласил: «Дети, да прославится имя господне, что мы исключили немцев и этим достигли замысла, к которому стремились».

Победа чехов в университете имела большое значение. Она прозвучала как призыв к восстановлению прав чехов во всем государстве. Немцы изгонялись из других учреждений.

К Гусу стекалось много людей, церковь не вмещала всех желающих. Последователи и ученики Гуса выступали перед народом прямо на улицах. Гус видел, что народ его поддерживает, и выступал все более решительно. Он призывал лишить церковь ее богатств. «Отними у собак кость, — говорил Гус, — они перестают грызться, отними имущество у церкви — не найдешь для нее попа».

Католическое духовенство не осмеливалось тогда расправиться с Гусом: он пользовался поддержкой у короля, был популярен в народе. С кафедры звучали его слова: «Я не могу молчать, и ради корки хлеба или из страха не отступлю от истины, которую буду защищать до смерти». Но не все магистры в университете поддерживали Гуса, они боялись народа, радикальных требований Гуса. Часть из них выступила против Гуса, но он продолжал борьбу. Звучат его грозные слова, обличающие главу католической церкви — римского папу. Гус называет его антихристом. Церковники переходят в наступление. Они требуют отлучить Гуса от церкви, запрещают ему читать проповеди.

Весной 1412 г. в Прагу прибыли продавцы индульгенций и стали бойко торговать своим товаром. Это вызвало

возмущение среди верующих. Гус предложил от имени университета запретить продажу индульгенций. Он организовал в университете специальный диспут по этому вопросу. Гус и его сторонники разгромили своих противников. Это был смелый вызов папе, архиепископу и самому королю, который разрешил продажу индульгенций в Чехии. Протест против продажи индульгенций вышел за стены университета. Сторонники Гуса устроили сатирическое студенческое шествие. На телеге сидел студент, переодетый проституткой, обвешанный папскими буллами. Он лестными словами предлагал купить индульгенции. На Новоместской площади при всеобщем ликовании папские буллы были сожжены.

Каждый день городская площадь заполнялась народом. Толпы людей останавливались перед ратушей и кричали городским советникам, чтобы те выгнали из Праги продавцов индульгенций. Люди бродили и кричали даже по ночам, хотя закон требовал соблюдения тишины и порядка.

Гус публично заявил: «Если я замечу в приказах папы что-либо противоречащее истине, то не послушаюсь, даже если вы поставите передо мной огонь, приготовленный для сожжения моего тела». Когда возобновилась продажа индульгенций, сторонники Гуса вновь выступили со смелыми разоблачениями этой постыдной торговли. Церковные власти ответили на это репрессиями. Было схвачено трое молодых пражан. Гус отправился в ратушу и просил освободить заключенных. Он заявил, что один во всем виноват и готов понести наказание. Напуганные волнениями в Праге (Гуса в ратушу сопровождала целая процессия) городские власти пообещали отпустить схваченных. Но едва Гус удалился, трое юношей — два ремесленника и один студент — были казнены. Похороны казненных вылились в открытую демонстрацию. Тела казненных были пронесены по всему городу и похоронены в Вифлеемской часовне. Гус выступил с прославлением погибших. Он заявил: «Если бы всю церковь наполнить золотом, то и тогда я не отдал бы за это тела героев, смело вставших на борьбу за истину».

В это время прибыл приговор из Рима об отлучении Гуса от церкви. Сам архиепископ оглашал этот документ. «Дорогие братья во Христе, — начал архиепископ, — скоро со всех алтарей и кафедр прозвучат грозные слова буллы папы Иоанна XXIII о проклятии самого опасного врага святой церкви — Яна Гуса». Епископ читал громко и мед-

ленно, чтобы каждое слово было услышано: «Я, Иоанн, папа римский, слуга служителей божьих, предав тягчайшему церковному проклятию священника-отступника, заблудшего еретика Яна Гуса, навсегда отлучаю его от общины Христовой. Я заранее налагаю интердикт на те города, которые предоставят ему убежище. А посему тот, кто подаст ему кусок хлеба, напоит его водой и приютит под своим кровом, будет отлучен от церкви. Да не посмеет никто шить ему платье и обувь. Всякий, кто окажет ему малейшую услугу: укажет дорогу, подвезет на лошади или заговорит с ним, — подвергнется такому же наказанию. Этой буллой вышеупомянутый Ян Гус, как отлученный от церкви, лишается всех церковных таинств и милостей. Когда он умрет, никто не должен хоронить его в освященной земле. Если Гуса похоронят в таком месте, где люди не будут знать об этой булле, то гроб с телом должен быть выкопан и выброшен из могилы». Булла должна была вступить в силу через двадцать дней после ее оглашения. Этот срок давался папой как последняя милость.

По тем временам это было очень большое наказание. Каждое воскресенье во всех церквях провозглашалось проклятие отлученному, после чего гасили свечи и все присутствующие бросали камни в сторону дома отлученного. Ян Гус, как и все люди в ту эпоху, был верующим человеком, и отлучение его пугало, но он продолжал борьбу. В создавшейся обстановке король предложил Гусу покинуть Прагу. Он не хотел отдать Гуса на расправу, так как надеялся с его помощью пополнить свою казну за счет церковных богатств.

В Вифлеемской часовне Гус простился с прихожанами: «Братья! Сегодня я покидаю Вифлеемскую кафедру и хочу проститься с вами. Прежде чем расстаться с вами, я хочу объяснить вам, почему я принял такое решение, и спросить у Вас, правильно ли оно. Сегодня на Прагу был наложен интердикт. Если я не покину Праги, в ней закроются все костелы, перестанут читать проповеди с кафедр, а прихожан лишат возможности принимать святыне таинства. Так папа и его прислужники хотят заставить меня явиться в суд. Но искать правду в суде, где судья — истец, обвинитель и палач в одном лице, означало бы идти на неминуемую смерть. Они решили покарать меня несправедливым интердиктом. Хитрые, как змеи, и жестокие, как бестии, они придумали такое наказание, которое может повредить скорее вам, чем мне.

Разве я могу примириться с тем, что вас лишат из-за меня божьего слова? Тем, кто появится на свет, будет отказано в таинстве крещения, а тем, кто собирается покинуть эту юдоль, — в последнем утешении. Если я останусь здесь, онемеют проповедники, а они должны дать вам духовное подкрепление в минуты ваших огорчений, мук и страданий».

Гус закончил проповедь словами: «Славная победа наступает только после великой борьбы, и победа окажется на той стороне, где правда».

Покинув Прагу, Гус направляется в Южную Чехию, где нашел пристанище в Козьем градке, у своих сторонников. Жить он мог бы здесь спокойно, вдали от суетного мира. Но Гус не думал прекращать борьбу. Из окрестных сел и ближайших городов каждую неделю сходились сюда люди, чтобы послушать своего магистра. «Сюда приходят люди уже не сотнями, а тысячами, — говорили ему друзья. — С каждым воскресеньем их становится все больше и больше. Они идут к тебе издалека — из Собеслава, Бехими и даже из Букова, Водян, Писека. Твои враги думали, что ты окажешься одиноком, но здесь у тебя больше учеников, чем в Праге». Иногда он сам выезжал в села.

И снова звучат проникновенные слова Гуса, обращенные к простому народу. «Я знаю, что вы постоянно жалуетесь на несправедливое устройство мира. Кто более всего обижает вас? Приходские священники! Они берут с вас десятину, плату за таинства, но не пекутся о ваших душах. Вы не нашли никакого милосердия и у аббатов монастырей. Они оказались такими же черствыми, как и светские властители. Я не раз слышал, как вы роптали, что вас заставляют обрабатывать поле господина, обирают налогами и податями.

Власть и сила еще никого не оправдывали и никому не спускали с рук. Наоборот! У того, кто обладает большой властью, больше обязанностей и перед богом и перед людьми. Тот, кто не использует власть в благородных целях, недостоин ее».

Ян Гус часто беседовал с паломниками. Однажды он спросил у одного из них: «Каким ремеслом ты занимаешься, друг?» — «Я плотник», — ответил тот. — «Представь себе, что ты возводишь крышу над домом, а внизу проходит человек и смотрит на твоё творение. Заметив, что балки крыши разъехались, он кричит тебе об этом. Если ты не укрепишь их, крыша рухнет и развалит весь дом. Что ты

скажешь этому человеку? Станешь его бранить?» — Мужчина ответил: «За что мне бранить его? Я бы сказал ему спасибо». — «Я сделал то же, что этот прохожий. Я заметил, как зашаталось здание церкви. Она может рухнуть и похоронить под обломками все христианство. Когда я сказал об этом святым отцам, они назвали меня еретиком и прокляли».

Гус разоблачает невежество, продажность и взяточничество духовенства. По его словам, все церковные должности продаются и покупаются. Места священников часто занимают недостойные люди, так как одного ставят за деньги, другого — за подарки. Многие попы и епископы неграмотны и не способны даже пасти свиней. Роскошь католического духовенства, по мнению Яна Гуса, превосходит роскошь королей и придворных. Гус приходит к выводу о необходимости коренных преобразований католической церкви. Он подчеркивал свободу проповеди, право критики церковных злоупотреблений.

Церковь в средние века являлась крупнейшим феодальным землевладельцем. Господствуя экономически, церковь господствовала и идеологически. Эти особенности исторических условий феодальной эпохи делали неизбежным проявление политической оппозиции в религиозной форме, и поэтому феодальный строй в средние века критиковался преимущественно с религиозных позиций.

Гус выдвинул учение об условном повиновении духовным и светским властям, суть которого состояла в том, что подданный не обязан выполнять повеления духовных и светских феодалов, если они противоречат Священному писанию и истинам веры. Если сначала выступления Гуса были направлены исключительно против церкви и духовенства, то впоследствии он проявлял сочувствие к трудящимся и угнетенным. Гус называл крестьян опорой общества, труд которых содержит все остальные сословия. Он считал, что и доходы богатых купцов нажиты ими несправедливо. Но Гус был далек от полного отрицания феодальных порядков, он не мог выйти за рамки условий своего времени и в целом был выразителем идеологии бюргерства.

В изгнании Гус написал большое сочинение «О церкви». В этой работе он отрицает особое положение папы и необходимость папской власти, критикует всю организацию католической церкви. «Даже те, — писал Гус, — кто выполняет несправедливые приказания пап и карди-

налов, совершает смертельный грех». Своей борьбой Гус потрясал основы власти и могущества церкви, но так как католическая церковь являлась составной частью феодального строя и освящала его своим авторитетом, выступления Гуса приобретали антифеодальный характер.

«Разве вы найдете в Священном писании,— говорил Ян Гус,— оправдание тому, что позволяют себе священники, отпуская человеку грехи за плату? Вы же знаете, их может отпускать только сам господь. Мыслимо ли более омерзительное святотатство? Но может быть, папа и его священники хотят использовать бессовестно выклянченные деньги на дело, угодное богу? Булла Иоанна XXIII отвечает и на этот вопрос: она требует от христиан денег для ведения войны против лжепап и неаполитанского короля. А папа призывает одних христиан убивать других христиан, тот, кто не может убивать, пусть поддержит его войну деньгами.

Папа поистине удостоился бы нимба святого, если бы оказалась священной его борьба за светскую власть, расширение владений и усиление его власти над всем христианским миром».

Гус считал, что надо лишить священников светской власти, а денег и имущества оставить ровно столько, сколько необходимо им для безбедного существования. Гус понимал, что сама церковь не откажется от власти. Надо заставить ее сделать это. Кто может лишить ее силы? Конечно, те, кому вверена светская власть на земле,— короли и князья. Но если и они не возымеют действия на Христову общину, то это сделает сам народ. Ибо Христос передал свое учение прежде всего простым людям — пусть они примут и оберегают его.

Гус обратился со своим учением не к королям и богачам, а к простым крестьянам и беднякам: «С тех пор как христианской общиной стали управлять корыстные лица — пасторы, ее поразили неслыханные пороки. Как они пекутся о своей пастве? Они меряют достоинство своих овец по густоте их шерсти. Худые овцы, бедные шерстью, им не нужны.

Ваятель, создавший в поте лица статую для алтаря, получает меньшее вознаграждение, чем епископ за три взмаха кропильницей. Представьте себе, сколько лет понадобилось бы этому епископу трудиться в поле, чтобы своим горбом заработать то, что он получает за одно богослужение.

По учению Христа, священники — заботливые и добрые пастыри. Они должны пасти свое стадо на лугах добра, справедливости и познания. Однако пастыри обращаются со своими прихожанами, как с овцами, покорно идущими на заклание. Да, они хотят, чтобы вы были такими — слепыми, глухими, послушными. Священники держат вас в невежестве, присвоили себе право толковать Священное писание и объявили себя единственными посредниками между богом и людьми. Того, кто осмеливается судить об их поступках, они объявляют еретиком, стараясь зажать ему рот на своих неправых судах и советах».

Отлучение от церкви на Гуса не подействовало, и его решили вызвать на суд церковников в Констанц. Гус отлично сознавал грозившую ему опасность, но согласился ехать, надеясь, что в Констанце ему предоставится возможность обратиться за проповедью ко всему христианскому миру. Он понимал, что может не вернуться домой.

По дороге в Констанц Гус встречался с крестьянами, ремесленниками, вступал с ними в беседу. На одной из таких встреч с крестьянами Вайденского монастыря Гус говорил: «Монахи должны жить по заповедям божьим: любить своих ближних, помогать всем страждущим и заботиться о своих подданных, как о родных детях. Во времена святых апостолов все имущество, необходимое для жизни человека, было достоянием членов христианской общины. Кому же, как не монахам, следовать такому примеру? Ведь они дали обет вести скромную жизнь. Как должны поступать те, кому по воле рока достались в дар деревни, поля, леса? Прежде всего разделить свое богатство с подданными, бедняками, не оскверняя свои благочестивые души маммоной. Так ли поступают монахи?» «Однажды,— продолжал Гус,— я зашел в какой-то монастырь. Мне подали там кусок черствого хлеба и кружку слабенького пива. Я подумал, как бедно живут здесь монахи! Тут я возьми и скажи им, что я из богатой семьи. Отец мой уже стар и выбирает монастырскую церковь, в склепе которой монахи могли бы его похоронить. В благодарность за это он обещал оставить монастырю свое имущество. Не успел я договорить, как хлеб и пиво исчезли со стола. На их месте, словно в сказке, появились жаркое и бокал с вином». Эти слова были понятны крестьянам. По их рассказу, монахи все отлично поделили: крестьянам — барщину и оброк, а себе — мошны и кружки. Гус говорил: «Посчитай, сколько монахов живет в вашей обители, сколько у монастыря

деревень со всеми их угодьями — землей, лесами, прудами, и каковы их доходы? Прикинь, сколько благ приходится на одного брата! Уйма денег! Горы хлеба и рыбы! Каждый монах мог бы накормить сотни и тысячи бедняков. Монастыри загребают чужое добро».

Что же побудило католическую церковь собрать общеевропейский собор в Констанце? Дело в том, что в этот период церковь находилась в состоянии раскола. Еще в 1308 г. папский престол был перенесен во Францию, в город Авиньон. Однако римское духовенство, которое получало огромные доходы от папской курии, не могло с этим примириться и избрало второго папу в Риме. В одних странах признавали авиньонского папу, в других — римского. Папы проклинали друг друга. Папство теряло всякий авторитет. Для того чтобы прекратить раскол, в 1409 г. был созван церковный собор в Пизе, который низложил обоих пап и избрал нового. Однако низложенные папы отказались подчиниться решению собора. Раскол церкви еще более усилился, вместо двух пап стало трое.

В то время когда Гус направлялся в Констанц, папский престол занимал Иоанн XXIII — бывший морской разбойник, преступник и порочный человек. Прежде папы осыпали проклятиями Иоанна XXIII и не признавали его права на титул «наместника бога на земле». Сами церковники понимали, что авторитет и власть церкви поставлены под угрозу, а для того чтобы она и в дальнейшем могла держать в повиновении угнетенные массы и выполнять свои функции, необходимо прибегнуть к некоторым реформам, и прежде всего положить конец расколу. Однако папа Иоанн XXIII не хотел каких-либо преобразований церкви, а также опасался, что в целях прекращения раскола собор может низложить его и избрать нового папу. Именно поэтому папа старался выдвинуть на первый план «дело чистоты веры», защиту католического учения от ересей. Самой опасной для церкви была ересь Гуса.

Гус не побоялся поехать на собор, чтобы защитить перед всем миром истинность своего учения. Император Сигизмунд обещал дать ему охранную грамоту, которая обеспечивала бы его личную безопасность и гарантировала ему возвращение на родину.

Враги Гуса потребовали от собора немедленной расправы с ним, но собор не осмелился сразу заключить Гуса в темницу. Дело Гуса надо было затянуть. Ему была торжественно вручена охранная грамота. Тем не менее Гусу

запретили читать проповеди. Он был вызван для беседы с папой и кардиналами, но его ответы, четкие и ясные, не дали им возможности запутать его богословскими вопросами и выдвинуть обвинение. Тогда без всякого повода Гус был арестован. Его заковали в цепи и бросили в подвальную тюрьму. Это было темное и сырое подземелье. Тяжелые условия заключения не сломили его. От Гуса добились, чтобы он отрекся от своего учения. Гус же требовал дать ему возможность публично выступить. Он передавал из заключения своим сторонникам: «Пусть друзья настаивают на одном-единственном требовании: свободно выступить на заседании собора». То, что он хочет сказать там, значительно дороже его жизни! Опасения за его жизнь не должны никого сбить с толку. Гус готовил большую речь о церковной реформе, с которой думал предстать перед собором.

Основные положения этой речи сводились к следующему: главная причина упадка церкви — ее стремление к господству над всем миром. Для достижения этой цели церковь пользуется светскими средствами. Ей прежде всего нужны деньги. Она ищет их везде. Для церкви характерно чрезмерное усиление духовной власти и неограниченный авторитет. Отсюда вытекает отрицание малейшей критики. Она всегда принимается за ересь. Наместник Петра стал крупнейшим светским владыкой. Но этого ему мало. Он стремится стать во главе мировой политики. Папская курия создала самую совершенную денежную систему — она тащит в Рим мешки денег, обирая весь мир. Ей уже давно не хватает доходов с церковных десятин. Папа торгует теперь церковными должностями и духовными санами. Священники торгуют святыми таинствами. Все это, подобно заразе, проникло в церковь и поразило всех — начиная от ее главы, папы, и кончая клириком. Церковь раздает священникам должности, принимая во внимание не их добродетели и заслуги, а кошельки и раболепие. Дворянский сынок, повар или привратник папы без особого труда получают церковную должность даже в такой стране, языка которой не знают.

Гуса переводили из тюрьмы в тюрьму, а между тем собор стал разбирать другие вопросы. Был низложен папа Иоанн XXIII. Временно внимание к Гусу несколько ослабло, его друзья добились для него более сносных условий. Он получил возможность писать. Но это продолжалось недолго. Император Сигизмунд передал Гуса в руки епи-

скопа Констанцского, который бросил его в темницу замка Готлибен. Прикованный цепями к бревнам, он в течение 70 дней не видел света, страдал от жажды и голода. Надеясь, что воля Гуса сломлена, церковники решили учинить ему допрос в камере и заставить признаться в ереси. Гус отвечал спокойно и с достоинством.

— Ты порочил святого отца и учил людей не повиноваться ему!

— Наоборот, я утверждал, что папе надо повиноваться, если его приказания не противоречат заветам Христа.

— Стало быть, каждый сапожник может судить, правильно или неправильно приказание святого отца?

— Каждый сапожник, если он заглянет в Священное писание, сам разберется во всем, ибо каждый подданный имеет святое право сам, своим умом судить о поступках своего господина.

— Умом? Вы слышали? Следовательно, каждый нищий и каждый батрак могут решать, выполнять им приказ или нет.

— Ради бедняков и явился Христос на землю.

— Это бунт! Ты издеваешься над всеми эдиктами и декретами церкви и пап!

5 июня 1415 г. Гуса привезли в Констанц. Почти слепой, обессиленный человек предстал перед сворой раскормленных самодовольных церковников. Свистом и руганью встретили Гуса католические прелаты. Однако ничто не могло поколебать уверенности Гуса в истинности своего учения. Гус надеялся, что ему будет дана возможность защищать свои взгляды на соборе. Но от него требовали только одного — отречения. Ему было зачитано «генеральное обвинение», в котором говорилось: «Доказательства еретического характера учения Гуса содержатся в его сочинениях. Самой опасной из его ересей является утверждение, что церковь может легко обойтись без папы. Во всем поведении магистра проявляется неповиновение церкви. Гус продолжал читать свои проповеди в Праге, не обращая внимания на церковные кары — анафему и интердикт, объявленные римской курией. Своими проповедями он подстрекал к мятежу темных, невежественных людей, рассчитывая на их низменные страсти и побуждения...»

Гус хотел ответить на эти обвинения, дать бой своим врагам, но эта попытка вызвала угрозу и оскорбления в его адрес. Отцы собора кричали: «Смерть еретику!» «На костер чешскую свинью!», топали ногами и свистели. На

следующий день после допроса Гусу было объявлено: «Ян Гус, у тебя еще есть выбор: либо ты полностью сдаешься на милость собора и принимаешь его предложения, в этом случае святые отцы обойдутся с тобой ласково и гуманно; либо остаешься в плену своих заблуждений, и тогда ты испытаешь новые огорчения. Смирением и отречением ты восстановишь наше доверие к тебе и завоеуешь наши сердца. Отказом принять предложение собора ты проявишь закоренелое упрямство. Тогда оставь все свои надежды: нам не останется ничего другого, как сжечь тебя на костре. Мы предъявили тебе категорическое требование. А ты все еще ждешь наставлений. Опомнись, магистр Ян Гус, ты сам ученый! Тебя наставляют более шестидесяти докторов теологии. Они познакомились с твоими сочинениями. Прелаты пришли к одному выводу — он изложен в обвинительном заключении по твоему делу. Все единодушно говорят: «Отрекись!», «Отрекись, Ян Гус! Выбери: отречение и жизнь или бунт и костер!» Но Гус ответил: «Я выбираю не между жизнью и смертью, а между правдой и ложью. Мне незачем отрекаться, я никогда не проповедовал ересь!»

1 июля 1415 г. специальная депутация собора вручила ему текст отречения, составленного в смягченных выражениях.

Гусу пришлось преодолеть последнее искушение. Он мог еще отвести от себя смерть. Собор пошел на уступки и предложил Гусу отречься только от тех статей его учения, которые он сам находит еретическими. От остальных, которые магистр считал ошибочно приписанными ему, можно было и не отрекаться. Святых отцов удовлетворит присяга, в которой Гус откажется проповедовать свое учение.

Гус думал о простых людях, своих учениках, друзьях. «За моим отречением скрывалось бы мое предательство, — считал Гус, — я отказался бы от вас, вы перестали бы верить мне и моим проповедям, в которых черпали силу, веру и бодрость. Разве я могу обокрасть вас?»

Уступчивость церковников объяснялась не милосердием, а желанием любой ценой лишить Гуса любви и поддержки народа. Если бы Гус отрекся, это нанесло бы удар антицерковным и антифеодальным движениям, дискредитировало бы саму идею права народа бороться за истину и справедливость, чего и добивались церковники.

В ночь перед смертью Гус написал письмо, это было завещание мужественного человека: «Магистр Ян Гус,

СОЖЖЕНИЕ ЯНА ГУСА. Миниатюра XV в.

слуга божий, всем верным чехам. Я радуюсь тому, что у меня еще есть время написать вам сие послание. Прошу вас, не пугайтесь, когда услышите сообщение о моей смерти. Думайте обо мне не как о мертвом, а как о живом, дабы я и впредь жил в ваших деяниях. Я прошу вас прежде всего любить друг друга и верно стоять за божью правду. Не позволяйте врагам запугивать вас угрозами и приказами: они разлетятся, как мотыльки, и разорвутся, как паутина. Не бойтесь ни боли, ни мук. Знайте, меня не сломили угрозы врагов — я не отрекся ни от единого своего артикула. Во имя вашего земного благополучия я прошу вас, паны, быть милостивыми к беднякам, верно править своими подданными. Купцов прошу справедливо торговать в лавках, а ремесленников — честно выполнять свои обязанности. Прошу магистров усердно обучать своих студентов, а студентов слушаться своих учителей».

6 июля 1415 г. Гуса в одеждах магистра привели на заседание собора. Зачитали обвинительный акт. Гусу не дали сказать ни одного слова. Огласили приговор: предать проклятью и сжечь все его книги. Сам Гус был объявлен еретиком. С Гуса сорвали одежду, надели на голову колпак с нарисованными пляшущими чертями, на плечи наброси-

ли рубище. Его повезли за город, там вокруг сооружения из дров и соломы уже стояла стража. Народ не допустили к месту казни. Гуса привязали веревками к столбу и обложили до плеч дровами и соломой. В последний раз Гусу было предложено отречься. Он ответил отказом и сказал, что готов принять смерть за правду. Палач поджег костер.

Образ мыслителя и борца Яна Гуса живет в памяти поколений. В эпоху засилья религии он смело выступил против оплота феодального государства — католической церкви и папства. Любовь к родине, бесстрашная борьба за справедливость сделали Гуса подлинно народным героем.

„И ПАВШИЙ В БОЮ- ПОБЕДИТЕЛЬ”

СТРОИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ. Миниатюра XV в.

ожжение Гуса на костре не могло задержать развитие мощного народного движения, которое назрело в Чехии. Напротив, смерть Гуса была воспринята народом как сигнал к вооруженной расправе с ненавистным католическим духовенством. В стране создается широкая оппозиция католической церкви, начиная от дворянства и бюргерства, которые были заинтересованы в секуляризации церковных земель, до крестьян и городских плебеев, составлявших основную силу гуситского движения в Чехии. Католические прелаты бежали из города, в церквях стали читать проповеди гуситские священники.

Период 1419—1422 гг. в Чехии — время бурных событий, героической борьбы широких рабочих масс против внутренней контрреволюции и крестоносцев. В это время окончательно формируются два направления в гуситском движении — табориты и чашники. Начинается борьба между крестьянско-плебейским и рыцарско-бюргерским лагерями. На этом этапе движения большая роль принадлежала крестьянско-плебейской коалиции.

В начале 1419 г. король Вацлав приказал возвратить священникам их места и приходы и ввести католическое богослужение. Он назначил также новый совет коншелов (членов городского совета), состоявший главным образом из врагов гусизма. Новый

совет запретил какие бы то ни было демонстрации, гуситские проповеди и процессии. Эти мероприятия вызвали бурю недовольства в городе. Обстановка становилась чрезвычайно напряженной. Именно в этот период в исторических источниках впервые встречается имя Яна Желивского. Чрезвычайно знаменательно, что Желивский появляется на политической арене именно в тот период, когда католическая реакция в Чехии, опираясь на благосклонность короля, выступила против народного движения, вызванного казнью Яна Гуса. О Желивском не сохранилось почти никаких биографических сведений, и мы, к сожалению, не можем проследить весь его сложный путь от деревенского священника до вождя восстания главного города королевства. Известно, что он был монахом (членом монастырского совета) в Желиве, в юго-восточной Чехии. Оттуда был, очевидно, послан в Юржицы, в южную Чехию. Нельзя определить, когда это было, но это было важно в том отношении, что именно туда, на юг Чехии, все больше проникали идеи Яна Гуса. Неизвестны точно ни год рождения, ни происхождение Желивского. Можно, однако, предположить, основываясь на его проповедях и более поздних источниках, что он происходил из бедной деревенской семьи.

Исторические источники о Желивском немногочисленны. О нем сохранились скудные упоминания хронистов того времени и часть его проповедей, относящихся к 1418—1419 гг. В его проповедях поражает глубокая осведомленность о жизни бедняков и страстная ненависть к богатству и угнетателям. Очевидно, в бедном монастырском приходе южной Чехии Желивский познакомился с идеями Яна Гуса и его наследием. Точно неизвестно, когда он покинул приход и пришел в Прагу. Предположительно — в 1418 г. И то обстоятельство, что он направился именно в Прагу, не было случайным. Желивский, по-видимому, имел уже определенную цель — осуществить заветы Гуса, о чем он неоднократно говорит в своих проповедях.

Желивский был образованным для своего времени человеком. Например, известно, что у него была своя библиотека. Как сообщают летописцы, перед смертью Желивский отдал распоряжение относительно своих книг.

Пражская деятельность Желивского начинается выступлениями в костеле св. Стефана в Новом Городе, который по сравнению с патрицианским Старым Городом отличался преобладанием мелких ремесленников, большую

силу здесь представляла неимущая беднота. После возвращения королем Вацлавом должностей католическим священникам Желивский был отстранен от деятельности в костеле св. Стефана. Теперь за гуситами было оставлено только три костела — костел Марии Снежной и св. Амброзия в Новом Городе и костел св. Бенедикта в Старом Городе.

Самым большим из этих костелов был костел Марии Снежной, и именно в нем пражане сделали проповедником Яна Желивского. Это обстоятельство, безусловно, говорит о его большом авторитете. И вот в просторном храме Марии Снежной зазвучало пламенное слово священника Яна. К нему стекаются толпы бедняков. Под влиянием его речей они организуются в боевое братство. Именно здесь зарождалось пламя борьбы. Народ увидел, что Желивский является более достойным вождем, чем осторожные университетские магистры. Такого страстного, смелого оратора не знала Прага со времени Гуса.

Уже в первых своих выступлениях в феврале 1419 г. Желивский объявляет себя наследником идей и продолжателем дела Яна Гуса. Учение Гуса было ему близко и дорого, и он беспощадно пресекал всякую попытку умалить или извратить его. Университетские магистры, считавшие себя сторонниками гусизма, не делали из наследия Гуса каких-либо радикальных выводов и, более того, в условиях начавшегося народного движения старались приглушить наиболее острые моменты в нем. «В Констанце, — говорил Желивский, — прелаты осмеливались вынимать соломинку из глаза брата, но бревно разбоя и роскоши в собственном глазу не замечали».

Желивский считал, что Гус возродил «слово божье» в Чехии. Он восхищался величием и смелостью Гуса, с которой тот предстал перед Констанцским собором. Гус, по мнению Желивского, — пример яркого служения народу, идеал борца и мученика. Он сравнивал Гуса с апостолами — легендарными учениками Иисуса Христа, Желивский верил, что дело Гуса не пропадет с его смертью, он правильно подчеркивал, что радость в Констанце после смерти Гуса была недолгой.

Желивский обличает богатую католическую церковь — наиболее жестокого угнетателя народа. Он хорошо понимал трудности борьбы с этим учреждением, которое имело огромные богатства и власть над умами и сердцами средневековых людей. Он сравнивает католическую церковь с

антихристом, который распростер свои сети для захвата верующих. «Сети антихриста распростерты, — говорил Желивский, — и многие в них попадают, потому что больше рыбы можно поймать в сети, чем на удочку. И к сожалению, больше захватывает в сети свои дьявол, чем Христос на удочку своего слова, так как удочку рыба по своей воле проглотить должна, в то время как в сети ее загоняют силой».

Желивский со всей страстностью обрушивался на католическое духовенство, разоблачая его, как самого жестокого угнетателя народа. «Богатый священник всегда лжет, — говорил Желивский, — и лишь богатства ищет в этом мире».

Прелаты, по мнению Желивского, давно забыли основную заповедь бога — любить своего ближнего, они наживаются на его поте и крови. Желивский выступает против десятины и пожертвований в пользу церкви. «Священники, — говорил он, — не могут жить без рабов, и вся их жизнь проходит в веселье и разврате». Они, по мнению Желивского, «отошли от истинного учения Христа и, боясь разоблачения своих блудней, подавляют истинное слово божье, как блудница плод».

Резко критикует он католическую церковь за то, что она торгует милостями бога. Не признавая церковного учения об отпущении грехов, он называет продавцов индульгенций и духовенство в целом волками, грабящими бедных овец посредством индульгенций, лживо обещая спасение душ. Наемниками, а не пасторами, говорит Желивский, являются те, кто торгует таким спасением.

Таким образом, проповедник вскрывает антинародную эксплуататорскую сущность католической церкви, которая пользуется темнотой и заботностью трудящихся, бесстыдно эксплуатирует их религиозные чувства.

Желивский с гневом говорит о том, что прелаты осудили к сожжению и уничтожению все книги «Священного писания», написанные на родном языке. Он хотел, чтобы ничего в богослужении не оставалось народу непонятным, и упорно защищал право народа читать Библию на чешском языке.

Алчные священники, по словам Желивского, боятся разоблачения их блудней и поэтому оставляют за собой право говорить, народу же приписывают строгое молчание.

Проповедник не признает папу главой церкви, наместником бога на земле. Он категорически отрицает прием-

ственность власти пап от апостола Петра. По словам Желивского, «эта власть никоим образом не происходит от Петра, а от антихриста».

Именно папство как институт, возникший на основе церковной традиции, вызывает особые нападки Желивского. Он не признает каких-либо прерогатив папы в делах вероучения: «На каком основании папа римский изменяет законы, постановления, установленные Христом и апостолами? Откуда берется столь большая власть папы?» «Эта измена заповедям Христа, — считает Желивский, — совершилась тогда, когда римский папа и его иерархия, не заботясь о божьем слове, встали на путь угнетения простого народа. Однако такому положению скоро наступит конец, церковь будет призвана к ответу за все преступления».

Священник Ян видел приближение бури, которая потрясет основы общества, и угадал силу этого движения. Эту силу он видел в народе. Своими страстными проповедями он не только вдохновлял бедноту, указывая на ее миссию, но и сам перешел от слов к делу, став во главе движения: «Действием указывали дорогу Петр и Павел, а не словами, потому что незнакомый путник больше верит тому, кто действием, а не словом указывает путь». От проповедника бедных и угнетенных вырос Желивский до революционного вождя наиболее радикальных слоев пражских городов. Он твердо верил, что избранный им путь правильный, хотя и понимал, что достижение цели связано с многими жертвами. «Ведь и павший в бою — победитель!» — говорил он.

Народное возмущение против католической церкви разгоралось летом 1419 г. с новой силой. Крестьяне под руководством народных проповедников начали собираться на горах. Крестьяне собирались многочисленными толпами и отправлялись на ближайший холм, где проповедники произносили свои речи. Иногда собравшиеся по нескольку дней жили на холмах в шалашах. Излюбленным местом крестьянских собраний была гора Табор в южной Чехии. В субботу, 22 июня 1419 г., на горе Табор собралось около 42 тысяч крестьян и городской бедноты, пришедших сюда из разных областей страны. Крестьяне и городская беднота принесли торжественную присягу защищать «слово божье», не щадя жизни. Этот день является началом Великой крестьянской войны в Чехии. Консолидация сил начавшегося движения происходила также и в городах, и прежде всего в Праге.

Здесь события носили особо бурный характер. 23 июля 1419 г. Желивский произносит страстную проповедь, в которой он нападает на антинародных коншелов*. Он громит «лжепророков», врагов «божьей правды». «Не община верных преследует судей и коншелов, а, наоборот, судьи и коншелы преследуют верных. Но простым людям нечего бояться — господь на стороне бедных, а враги будут уничтожены, как дикие звери. И, как говорится в Откровении**, вот этот хищный зверь и с ним лукавый пророк и повержены оба живьем в озеро огненное, горящее серой, а остальные убиты мечом, и все птицы питаются их телами». Желивский подчеркивал, что именно теперь должно быть осуществлено то, о чем здесь говорится, должны исполниться слова Откровения. И недель позже под впечатлением пророчества Желивского люди пришли в костел уже с оружием в руках.

Чрезвычайно велика роль Желивского в подготовке и организации выступления революционной Праги 30 июля 1419 г. — так называемой «пражской дефенстрации». Утром этого дня Желивский произнес проповедь перед огромным количеством собравшегося народа. О чем говорил Желивский? Для своей проповеди он выбрал притчу из евангелия от Луки о несправедном управителе. Толкование этого текста было направлено против короля Вацлава IV, который навязал городу реакционных коншелов. «Все, кто имеет богатство и власть в этом мире, — говорил Желивский, — король, феодалы, рыцари, — являются лишь управляющими, лишь поверенными бога на определенный срок».

Желивский чувствовал, что Чехия находится накануне больших событий — борьбы с врагами «божьей правды». Он говорит о наказании и «гневе божьем», которому подвергнутся все враги. «На их головы падет божья месть, а власть будет передана в руки верных, и они скоро должны перейти от слов к делу». Проповедник хотел, чтобы эти дела — борьба с «неверными» — захватили весь мир, «...чтобы пражская община стала примером для всех верующих, не только в Моравии, но и в Венгрии, Польше и Австрии, а слово божье пусть разносится по всему миру».

После окончания проповеди народ вышел на улицу и выстроился в процессию, во главе которой стоял Ян Же-

ливский с поднятой в руках дароносицей. Вооруженный народ двинулся к церкви св. Стефана, но дверь церкви оказалась запертой. Взломав ее, народ ворвался в церковь и изгнал католических священников. Затем была отслужена месса, во время которой верующим раздавалось причастие под обоими видами. Дальше процессия двинулась к ратуше Нового Города, где потребовала от бургомистра и коншелов освобождения гуситов, заключенных в тюрьму за верность чаше. Бургомистр и коншелы отказались выполнить это требование. Из окон ратуши стали бросать камни; один из которых выбил дароносицу из рук Желивского. Народ воспринял это как осквернение «святой чаши» — символа гуситов. Ворвавшись в ратушу, восставшие избили коншелов и выбросили их из окон на поднятые пики и мечи. Оставшихся в живых здесь же добивали. При этом хронист отметил, что народ ничего не взял из вещей и драгоценностей убитых.

Вооруженное выступление городских низов во главе с Яном Желивским в Праге положило начало вооруженной борьбе гуситов. Эту борьбу начала самая угнетенная часть городского населения — беднота и мелкие ремесленники.

События 30 июля 1419 г. имели большое значение для Праги. По сообщению хронистов, «врагов чаши охватил великий страх». Горожане громили приходы реакционного духовенства, монастыри.

В создавшейся обстановке необходимо было наладить связь с другим центром революционного движения — с народным крестьянским движением в южной Чехии. Там хождение на горы приняло массовый характер и вызвало сильную тревогу в феодально-католическом лагере. Поначалу хождения на горы носили в основном характер мирных демонстраций, однако они привлекли внимание феодалов. На горах все чаще и чаще раздавались призывы к «борьбе с неверными», проповедники призывали «омыть руки в крови нечистивых». Концентрация сил происходила не только на горах, но и в городах.

Руководители восстания, и в первую очередь Желивский, понимали необходимость объединения сил городской бедноты и крестьянства для успешной борьбы с общим врагом. Они считали необходимым установить более тесные контакты между повстанцами города и деревни. По их призыву 29 сентября 1419 г. состоялась встреча пражан и таборитов на Кржижках (Крестовой горе) вблизи Праги. По сообщению хрониста, «громадная толпа народа

* Коншел — член городского совета.

** Откровение — Апокалипсис, Откровение Иоанна — одна из канонических книг Нового завета.

мужчин и женщин из Праги и с разных мест королевства собрались на гору у Кржижков». Прага, по-видимому, была инициатором этого собрания и была представлена наибольшим количеством людей. Так, в «Старых летописях чешских» сказано: «...люди шли из разных городов и деревень, но больше всего вышло и выехало из Праги».

На Кржижках собралось около 40 тыс. человек. Убедившись в своей многочисленности, повстанцы «обрели отвагу и готовность к любому действию». Городская и сельская беднота была едина в своем стремлении решительно бороться с врагами. Это собрание замечательно тем, что здесь соединились гуситы обоих радикальных направлений и пражская беднота впервые встретилась с деревенской. По окончании собрания пражане, сопровождаемые значительной частью крестьян, направились в город. Возглавлял шествие Желивский. О стремлении к единству крестьян и пражской бедноты говорит и тот факт, что процессия после встречи на горе направилась именно в Новый Город — центр деятельности Желивского. Здесь процессия была торжественно встречена колокольным звоном и множеством зажженных факелов. Крестьяне совместно с беднотой громили католические монастыри, уничтожали иконы, особенно в Старом Городе.

Желивский хорошо понимал трудную жизнь крестьян, видел их страдания. Очень точным и выразительным является его сравнение крестьян с ногами человека, которые несут всю тяжесть тела, все людское общество.

После смерти короля Вацлава чешская корона перешла в руки его брата Сигизмунда, короля Венгрии и императора Священной Римской империи. Народные массы решительно выступили против нового короля, так как он был ярым врагом гусизма.

Желивский в своих речах неоднократно выступал против королей и считал, что их власть незаконна: «Король и его приближенные — это общественные враги, т. е. те, кто лишает народ спасения. Они не имеют права приступать к алтарю. Это относится к князьям, панам, судьям — всем тем, кто не заботится об общем благе».

Как сообщает хронист, «Ян, проповедник монастыря девы Марии в Новом Городе, бывший монах из Желивы, который тогда проповедовал из текста «Откровения св. Иоанна», подстрекал в своих проповедях народ, чтобы тот выступил против венгерского короля, который являлся врагом чаши».

Большинству населения Чехии стало ясно, что нельзя надеяться на мир с Сигизмундом, надо готовиться к борьбе с ним. Желивский призвал народ к решительному отпору императорскому войску. 3 апреля 1420 г. он собрал в Старо-городской ратуше наиболее видных своих приверженцев для того, чтобы обсудить вопрос об объединении всех сил гуситов против внешних врагов. Желивский хорошо понимал, что в тот момент Сигизмунд был главным врагом гуситского движения, и поэтому всю свою энергию он направил на концентрацию сил восставших и разоблачение коварных замыслов Сигизмунда.

К лету 1421 г. гуситы подчинили себе более двадцати крупных городов. Центром гуситского движения по-прежнему оставалась Прага, где Желивский, опираясь на демократические слои города, неустанно поднимал народ на борьбу с наемным войском Сигизмунда.

Положение в Праге в конце июня 1421 г. обострилось. Дома, поместья и все имущество католиков и немцев, убежавших из города, коншелы не передали народу, который сражался за идеи Яна Гуса с оружием в руках, а распределили среди городской верхушки. Эти действия коншелов вызвали бурю возмущения у пражского плебса. 30 июня 1421 г. народ под руководством Желивского, на стороне которого, как замечает хронист, была большая часть простого народа в общине пражской, низверг коншелов, управлявших городом в течение семи месяцев. Основной причиной переворота были, несомненно, антинародные действия городского совета.

2 июля по предложению Желивского избирается новый городской совет из 30 коншелов: 15 от Старого Города и 15 от Нового Города. Обращает на себя внимание состав совета: большое количество коншелов — 30 человек. По-видимому, Желивский хотел привлечь разнообразные слои населения для управления городом. Наряду с представителями бедноты были избраны и мелкие бюргеры. Социальная структура Праги была очень пестрой, и он не мог опереться на единую классовую группировку. Это время знаменует собой вершину деятельности Желивского. В дальнейшем ему с большим трудом приходится удерживать власть в борьбе с бюргерской оппозицией, которая к тому времени окончательно выделилась в самостоятельное течение. Она меньше, чем когда-либо, хотела следовать за Желивским, выражавшим настроения и чаяния городских низов.

Желая удалить Желивского из Праги, бюргеры поручили ему командование военными силами, воспользовавшись тем, что в бою с крестоносцами Ян Жижка полностью потерял зрение, а военная обстановка требовала активных действий. Бюргеры надеялись, что Желивский не справится с порученным делом, и это можно будет использовать в качестве предлога для его устранения.

Летом 1421 г. крестоносцы двигались по направлению к Жатцу. Пражане направили на встречу с врагом отряд «пеших и конных людей» под командованием Яна Желивского. Пражские войска взяли Билину, разрушили по пути несколько монастырей.

Однако положение в Праге и всей Чехии ухудшалось. Часть феодалов, примыкавших к гуситам, перешла на сторону Сигизмунда. Воспользовавшись отсутствием Желивского, патрициат и бюргерство Праги лишили власти его сторонников в городском совете. В поход выступил Сигизмунд с большим войском, состоявшим из венгерских и немецких феодалов.

После успешных военных операций у Жатца Желивский вернулся в Прагу. Он понимал, что для отпора врагу нужна сильная власть. И Желивский снова обращается к народу. 19 октября 1421 г. звон колокола костела Марии Снежной созвал людей, и снова зазвучала пламенная речь Желивского. Он разоблачил предательство панов и шляхты, указал на опасность, которая грозила городу вследствие сговора богатых бюргеров с двурушной шляхтой, и призвал собравшихся избрать гетмана и наделить его полномочиями наказывать смертной казнью каждого, кто будет вредить общему делу, а также правом увольнять и назначать коншелов. И когда он, как сообщает хроника, во многих выражениях очернил панов, встали некоторые из его приверженцев и потребовали, чтобы их гетманом был избран Ян Гвезда — очень верный и заслуженный воин.

На призыв Желивского народ избрал гетманом Яна Гвезду, пользовавшегося большим уважением среди городских бедноты.

События 19 октября 1421 г. в Праге имели большое значение в деле укрепления сил гуситов. Только строгая дисциплина в войске, подчинение его единому командованию, полная ликвидация попыток богатого бюргерства и университетских магистров пойти на соглашение с панам способствовали тому, что пражское войско при помощи

таборитов и Жижки сумело разгромить орды крестоносцев Сигизмунда.

В январе 1422 г. табориты одержали блестящие победы у Кутной Горы и Немецкого Брода. Благодаря героической борьбе народа второй крестовый поход феодально-католической реакции против гуситов окончился неудачей. Одержав победу над внешним врагом, Жижка направился в Прагу.

Когда осенью и зимой 1421—1422 гг. войска Сигизмунда угрожали завоеваниям гуситов, богатое пражское бюргерство и духовенство вынуждено было мириться с властью городских низов и ремесленников. Однако после ликвидации внешней опасности шляхта и бюргеры снова начали наступление на ненавистное им правительство городских низов и Желивского.

Выборы, проведенные под давлением шляхты и богатых бюргеров в феврале 1422 г., дали перевес врагам Желивского в городском совете. Победители не колебались в использовании своей власти. У Желивского отняли его основную опору — Яна Гвезду, который был отстранен от командования войсками. Было также вынесено постановление «великой общины», «чтобы никакой священник со злым умыслом и никакой поп кровавый (намек на участие Желивского в военных походах) не имели свободы отправления богослужения и чтения проповедей, пока перед общиной не покается и не очистится».

Но Желивский продолжал читать свои страстные проповеди перед народом. Если католическая церковь учит, что мир с самого начала разделен на тех, кто молится, кто воюет и кто работает, и что такое «гармоническое» деление связано любовью, то Желивский нарисовал совершенно иную картину мира: «Этот мир подобен морю, он так же обманчив, так же горек, как морская вода, и столь же зловонен. И как большая рыба пожирает малую, так богат пожирает бедняка». Дворяне, князья и духовенство, призванные справедливо управлять народом, не выполняют своей задачи, по мнению Желивского, а лишь угнетают и грабят народ. «Какое право имеют сильные мира сего на власть и богатство? Кто держит богатство этого света, владеет им не по праву. Угнетение бедных есть грех, в котором человек обвиняется перед богом. Кто угнетает бедных, тот попадает к дьяволу». Весь господствующий класс Желивский обличает как угнетателей и отступников от истинной веры. Он рисует бедствия народных масс, паразитизм и

развращенность господствующего класса, по вине которого страдает народ. И во всем этом виноваты дьявольские силы, тираны, которые не хотят отпустить своего ближнего на покаяние за незначительную кражу, а мгновенно выдают его на смерть. Тот, кому сказано, подчеркивает Желивский, чтобы любил ближнего своего как самого себя, вешает и истязает, но сам не хочет быть повешенным и казненным, хотя грехи его во много раз тяжелее.

Перед Желивским неизбежно вставал вопрос, как исправить, изменить современную ему церковь и общество, и он приходит к выводу, что свергнуть «ночь антихриста», под которой он подразумевал власть церковных и светских феодалов, можно лишь силой оружия; оковы всех угнетенных могут быть разбиты только путем насилия.

В Чехию ожидалось прибытие Сигизмунда Корибутовича, племянника князя литовского Витовта, для занятия чешского престола. Пражские бюргеры с надеждой ожидали утверждения монарха в стране, так как это ликвидировало бы власть городской бедноты и мелких ремесленников. Такая политика шляхты и бюргерства встречала ожесточенное сопротивление Желивского, который всегда был противником этих сговоров и немедленно разоблачал бюргеров перед народом. Сила его революционных проповедей была хорошо известна пражским богачам.

Желивского нельзя было открыто устранить, так как он имел прочную опору в среде городской бедноты и бедных ремесленников и был слишком популярен. Поэтому было решено тайно лишить жизни Желивского и его близких сторонников. Ситуация толкала панов и бюргеров на быстрые и решительные действия. Был тщательно разработан план убийства. 9 марта 1422 г. Ян Желивский и ближайшие его сподвижники были приглашены в ратушу и казнены во дворе городского совета.

Об убийстве Желивского сохранилось два источника. Оба принадлежат сторонникам Желивского. Первый — жалоба друга Желивского, священника Вилема, поданная 15 марта «великой общине» на Якубека со Стрижбра и других магистров из университета. Вилем обвиняет Якубека со Стрижбра в смерти Желивского. В течение года от весны 1421 г., говорится в жалобе, преследовал Якубек и его сторонники Желивского и его партию. Он говорил Желивскому: «Ты виноват во всех мятехах и кровопролитиях на чешской и моравской землях». Вилем признает участие Якубека в подготовке казни Желивского.

Другой документ об этом событии написан сторонником Желивского, который был свидетелем последних часов его жизни. Согласно этому документу, Желивского вызвали в ратушу члены городского совета, чтобы посоветоваться с ним относительно военных планов. Там была сделана попытка примирить Желивского и его сторонников с городским советом. Бургомистр обратился к Желивскому с предложением, чтобы он, используя свое имя, влияние, примирил обе стороны, на что Желивский ответил: «Не отбирайте домов, виноградников и других вещей у того, кому их дала большая община, и стойких и верных общине людей не отстраняйте, и особенно Гвезду и других, в противном случае никакого соглашения быть не может, и будет еще больше раздоров». Как можно предположить из этих слов Желивского, после реакционного переворота в феврале 1422 г. богатое бюргерство и коншелы начали конфисковывать у бедноты и ремесленников то имущество, которое они получили во время правления Желивского и Гвезды. Желивский всегда отстаивал интересы народа в городском совете и, будучи отстраненным от власти, думал прежде всего о нуждах бедноты и ремесленников, стремился защитить своих сторонников, несправедливо лишенных власти. Он говорил пану Гашеку, сменившему Гвезду на посту главного гетмана пражских войск: «Пан Гашек, если бы ты что-либо доброе для общины сделал и ей верно служил, а тебя потом неблагодарно отстранили как неверного, нравилось бы тебе это?» И он ответил: «Нет, не нравилось». И Ян сказал: «Не желай того другим». Затем бургомистр призвал сторонников Желивского к миру. «Нужно, — сказал он, — простить все обиды во имя бога и помириться». Автор записал лишь один ответ Петрика Резка: «Пан, если дал мне это господь бог, я лучше умру, но с этими изменниками — панами и другими врагами — не хотим мириться, пока не увидим, что они исполняют закон божий».

Как видно из этого документа, члены городского совета сделали попытку заставить Желивского и его партию пойти на компромисс, подчинить его себе и лишить влияния в Праге. Но ответы Желивского и Резка показали, что этот путь исключается. Иначе быть не могло, ибо партия Желивского, выражавшая интересы городского плебса и мелких ремесленников, не могла идти одной дорогой с патрицианско-бюргерским лагерем. Как только Резка закончил свою речь, в комнату вошли вооруженные люди, схватили Желивского и его сторонников.

Итак, кровавая расправа с Желивским и его сторонниками имела не столько религиозную основу, сколько политическую. С Желивским расправились как с вождем сильной политической партии, а не церковным деятелем. Пражская беднота потеряла в лице Желивского прежде всего своего вождя и руководителя. Он был не только пламенным проповедником, но и смелым политическим деятелем, который призывал народные массы к организованной политической борьбе против панов и бюргеров.

Скоро весть о кровавом преступлении в ратуше разнеслась по всему городу. Вооруженный народ стал сбегаться к ратуше. Собравшиеся требовали, чтобы им вернули проповедника Яна. Испугавшись народного гнева, коншелы начали искать спасения в бегстве. Верховный гетман Праги Гашек из Вальдштейна с вооруженными солдатами пытался разогнать народ, однако это ему не удалось. Народ овладел ратушей. И скоро некий брат нашел голову священника Яна, выбежал с ней из ратуши и показал ее собравшимся. Увидев голову Желивского, народ пришел в сильное возбуждение. Тело Желивского было перенесено в церковь Марии Снежной, где он проповедовал. И, как писал свидетель, «такая великая скорбь была у людей, что некоторые полуживые выходили из церкви, а другие без сознания лежали на полу». В ответ на смерть Желивского волна грозного мщения прокатилась по всему городу. Народ разыскивал коншелов-предателей, разрушал их дома. В этот день, по сообщению хронистов, в Праге была большая беда, чем тогда, когда Сигизмунд стоял у Праги со сотысячным войском. Народ нападал на дома богатых бюргеров и шляхты — заклятых врагов Желивского. На следующий день были выбраны новые коншелы из сторонников Желивского. Одним из них был Шрол (он не явился с Желивским в ратушу и этим сохранил себе жизнь). Власть нового Совета, избранного после смерти Желивского, продержалась недолго. Вскоре бюргерская оппозиция захватила власть в городе. Таким образом, бюргеры вступили на путь предательства интересов народа, что в конечном счете привело их к капитуляции перед феодально-католической реакцией. Плебейская оппозиция, лишенная поддержки таборитов, к этому времени оказалась не в силах играть руководящую роль в гуситском движении. Не было уже в Праге силы, которая бы противостояла растущему консерватизму шляхты. Руководителя, подобного Желивскому, народные массы Праги уже не смогли выдвинуть.

Политическая деятельность Желивского протекала в очень сложных условиях. Городская беднота и мелкие ремесленники, явившиеся главной его опорой, не обладали достаточными силами для удержания власти. Желивский понимал, что кроме крестьянства союзником бедноты может быть и мелкое бюргерство. Союз бедноты и мелкого бюргерства усиливал партию Желивского, но в то же время являлся одной из причин ее слабости. Интересы бедноты не всегда совпадали с интересами мелких бюргеров. Однако борьба демократических элементов под руководством Яна Желивского против внутренних и внешних врагов сыграла большую роль на первом этапе гуситского движения. Эта борьба является одним из ярких проявлений творческой активности народных масс в преобразовании общества.

„Я ХОТЕЛ ОБНОВИТЬ МИР“

Крестьянская война 1514 г. в Венгрии была подавлена феодалами, а ее вождь — Дьердь Дожа — казнен. Еще не вымерло поколение Дожи, как на Венгрию обрушилась страшная беда — большую часть страны захватили турки, северо-западные земли достались Габсбургам. События 1514 г. были заслонены другими — не менее драматическими и кровавыми. Несколько столетий сражались венгры за свою независимость. Легенды и песни о Доже и его сподвижниках, только начавшие слагаться в народе, сменились легендами и балладами о борьбе против турок, против австрийцев. О Доже как бы забыли.

Но вот наступил XIX век — эпоха реформ, революции 1848 г. Венгрия возрождалась. А вместе с ней возродилась и память о крестьянском вожде. Этому способствовали и выдающиеся венгерские писатели и поэты Петефи, Йокаи, Этвеш. В радикально настроенных кругах Крестьянская война 1514 г. и ее вождь — Дьердь Дожа стали символом революции и тех прогрессивных общественных преобразований, движущей силой которых предстояло быть крестьянству. И если авторы XVI в., отражая точку зрения дворянства, в целом осуждали вооруженную борьбу крестьянства и рассматривали восстание как бессмысленное кровопролитие, то современники Петефи

признали, что крестьяне боролись за справедливость. Такой взгляд на движение 1514 г. настолько укоренился в венгерском обществе, что его не могли изменить официально концепции консервативных историков первой половины XX в., не одобрявших восстание. Появляются прогрессивные исторические романы о Доже, стихи, произведения живописи, графики, скульптуры.

В народной Венгрии интерес к эпохе Крестьянской войны и ее героям не угасает. Венгерские историки изучают ее события, программы, идеологию. Продолжаются поиски источников. Их результаты нашли отражение в издании большого тома документов по истории восстания.

Кто же такой Дьердь Дожа? Как и почему он оказался во главе народного восстания, охватившего всю страну и напугавшего господствующий класс не только Венгрии, но и соседних стран?

Сведений о вожде венгерских крестьян сохранилось мало. Известно, что он происходил из секеев — одной из народностей, проживавшей в Венгрии. Современники знали его как Дьердя Секея. Имя «Дожа» появилось в литературе через полтора — два десятилетия после восстания. Он был воином-профессионалом. Издавна секеи были обязаны военной службой королю и за это пользовались рядом прав и привилегий, личной свободой, освобождением от платежей и повинностей в пользу короля и частных лиц. Они жили свободной общиной, очень дорожили своей свободой и, когда в конце XV в. верхушка и венгерские феодалы повели наступление на права рядовых общинников, стремясь закрепить их, поднялись на борьбу. Восстание секеев 1506 г. с трудом удалось подавить.

Неизвестно, где был в ту пору Дьердь и участвовал ли он в восстании. Но как бы то ни было, он прекрасно знал незавидную долю терявших свободу и привилегии секеев, слышал их жалобы. Может быть, Дьердь стал воином именно потому, что хотел избежать судьбы земляков.

1514 г. застает Дьердя Секея командиром одного из конных отрядов на южной венгерской границе у крепости Сендре (современное Смередево), недалеко от Белграда, который находился под властью Венгрии.

На венгерской границе было очень неспокойно. Турецкая опасность становилась все ощутимей. В начале XVI в. борьба с турками велась с переменным успехом уже на территории подвластных Венгрии частей Сербии, Боснии и Хорватии. В 1510 г. Венгрия заключает с Портой трех-

летнее перемирие, которое постоянно нарушалось обеими сторонами во время мелких стычек на границе.

В одном из таких столкновений Дьердь Дожа сразился на дуэли с турецким воином, известным своей силой и храбростью. Победителем в этом поединке вышел Дьердь. Очевидно, этот случай не был рядовым. А может быть, он обогатил послужной список смелого воина. Во всяком случае, начальство предоставило ему отпуск и послало к королевскому двору в Буду за наградой.

Когда Дьердь прибыл в Буду, там полным ходом шла подготовка к крестьянскому походу против турок. Это предприятие было задумано новым папой Львом X, а его организация возложена на влиятельнейшего кардинала, канцлера Венгерского королевства Тамаша Бакоца. Идея крестового похода не вызвала большого воодушевления в среде господствующего класса Венгрии. Страна была не готова к войне с турками. Система пограничных крепостей пришла в негодность. У короля не было денег и войска. Частные лица не горели желанием снаряжать отряды на свои средства. На помощь соседних европейских держав рассчитывать не приходилось: ни одна из них не откликнулась на призыв папы к походу. Вооружать свой народ феодалы боялись и не хотели: наступило время летних полевых работ.

Все же под влиянием Бакоца и его сторонников 9 апреля 1514 г. в Буда был провозглашен крестовый поход. Крестоносцы должны были идти в Хорватию, к недавно захваченному турками городу Книну. Оглашать папскую буллу по стране, собирать войска и средства для похода было поручено ордену венгерских францисканцев-обсервантов. Проповедь монахов имела огромный успех. Тысячи добровольцев стали стекаться в Буду и другие места сбора.

В середине апреля оказался в Буда Дьердь Дожа Секей. Человек, отличившийся в боях с турками, в эти дни не мог не вызвать к себе интереса в столице, которая жила новостью о крестовом походе. Сам король принял его и в награду возвел в рыцарское достоинство, подарил деревеньку, дорогую одежду, меч, золотую цепь. Так секейский воин стал дворянином и землевладельцем. От короля он попал к папскому легату, кардиналу Тамашу Бакоцу. По единодушному свидетельству писателей XVI в., кардинал поставил его во главе войска крестоносцев, 24 апреля, в день святого Георгия, в торжественной обстановке, у алтаря,

Дожу и его нескольких товарищей благословил сам. Бакоц и распорядился прикрепить к их одежде святой крест.

Сразу после назначения Дожа отправился в лагерь крестоносцев в Сентфальве под Пештом. Здесь и в окрестных местечках он стал призывать народ к участию в походе. Толпы людей приходили в лагерь, узнав, что предводителем войска поставлен воин, прославивший себя победой в поединке с турком. В начале мая численность пештского отряда превышала 15 тыс. человек. Следовало придать этой разношерстной, неорганизованной, плохо вооруженной толпе вид войска. Дожа энергично взялся за дело. «Он был опытным воином, — отмечает современник, — и за короткий срок обучил их, как следовать за знаменем и держать строй». Другой автор сообщает: «Дьердь установил в лагере военный походный порядок». Он разбил войско на крупные и мелкие подразделения, во главе которых поставил десятников, сотников, капитанов. За короткое время Дожа смог создать сильную армию.

Отряды крестоносцев собирались и в других местах Венгрии. Возникали и более мелкие отряды. Наплыв добровольцев превзошел все ожидания организаторов. К середине мая в провинциальных отрядах находилось более 30 тыс. человек. Их численность продолжала расти.

Основную массу в таких отрядах составляли крестьяне. Это были деревенские жители. Наиболее боеспособной частью войска были крестьяне-гайдуки — погонщики скота, особенно многочисленные вокруг аграрных городов. Кроме крестьян в отрядах находились представители низшего духовенства — приходские священники, странствующие монахи, школяры. Это было обусловлено самим характером предприятия. Всей своей жизнью, да и происхождением, многие из них связаны с крестьянством, в первую очередь из местечек. Встречались среди крестоносцев ремесленники и городская беднота.

Конечно, откликнувшись на папский призыв, народ собирался не для того, чтобы воевать с феодалами. Сначала думали о турецкой опасности, о возможности получить отпущение грехов и вечное спасение, обогатиться в походе. Но в то же время, как и в прежних крестовых походах и других общественно-политических движениях, участие крестьян выражало стихийный социальный протест, недовольство существующим положением. Крестьяне уходили, а позднее вопреки воле господ бежали к крестоносцам,

стремясь избавиться от гнета, в надежде на лучшую долю. Причины же для недовольства были серьезные.

В XIV—XV вв. Венгрия была страной с высокоразвитым сельским хозяйством. Плодородные земли, пригодные для хлебопашества и виноградарства, широкие масштабы скотоводства (Венгрия славилась крупным рогатым скотом и лошадьми) служили основой богатства королевства. Одну из своеобразных черт социально-экономического развития Венгрии этого периода составляли аграрные города, или местечки. В условиях недостаточной развитости городов в Венгрии они в значительной степени определяли прогресс хозяйственной жизни. Особенно много местечек появилось в XV в. Король Матяш I поощрял их развитие. Он разрешал вотчинным крестьянам переселяться в местечки, предоставлял их жителям различные торговые, налоговые и юридические привилегии. Благодаря местечкам интенсивно развивались товарно-денежные отношения, укреплялись связи между различными районами королевства, венгерская сельскохозяйственная продукция находила все больший спрос за границей. Товарно-денежные отношения проникали в деревню, которая постепенно меняла свой облик. Росло классовое самосознание крестьянства.

В условиях развития товарно-денежных отношений венгерские феодалы, как повсюду в Западной Европе, больше нуждались в деньгах и свои потребности стремились удовлетворить за счет крестьян. Уже в эпоху короля Матяша усилилось налоговое давление государства на крестьян и горожан. Правда, в то же время Матяш ограждал их от самоуправства и чрезмерных притязаний и притеснения со стороны феодалов. После смерти Матяша наружу прорвались центробежные тенденции, которые раньше сдерживались сильной центральной властью. Новый король Уласло II лишился реальной власти, доходов, войска, земель; страна стала добычей магнатов. Богатые города и местечки переходили от короны к частным лицам, которые протягивали руки в первую очередь к их доходам. Все эти перемены не замедлили сказаться на положении крестьян, жителей местечек, горожан.

Наступление на крестьян велось по нескольким направлениям. Феодалам становятся очевидны выгоды торговли продуктами сельского хозяйства. Они стремятся повысить долю натуральной ренты, чтобы в условиях выгодной конъюнктуры самим выходить на рынок. В конце

XV в. издается ряд законов, содержащих требование уплаты ренты натурой. Далее, феодалы пытаются распространить платежи на те категории населения, которые раньше их не вносили. Так, декрет 1492 г. обязывал жителей местечек вносить девятину с полей и виноградников. Позже это требование распространяется на горожан, арендующих землю у феодалов. Все чаще господа требовали от местечек индивидуальной (с надела) вместо практиковавшейся раньше удобной для крестьян коллективной уплаты податей, что в итоге повышало их сумму и отражалось на юридическом положении плательщиков. Некоторые представители господствующего класса пытаются взять в свои руки доходную торговлю скотом. Законами ограничивается и даже запрещается вывоз скота за границу без специального разрешения. В частных владениях устанавливались многочисленные таможи, которые увеличивали доход господ, но затрудняли крестьянскую торговлю. Отчетливой проявлялась еще одна тенденция — прикрепление крестьян к земле. И раньше мелкие дворяне — владельцы нескольких зависимых крестьян — всячески препятствовали их переходу к другому господину или в местечки, так как это наносило существенный урон их маленькому хозяйству. Магнаты, на землях которых располагались города и местечки, напротив, были заинтересованы в притоке рабочей силы. По мере усиления политического веса дворян им удавалось добиться уступок для себя: временного ограничения или запрещения перехода. В конце XV в. появились декреты, не запрещавшие, но крайне затруднявшие переход крестьян. Правда, в целом в это время в Венгрии еще не созрели условия для прикрепления крестьян к земле: барщинно-домениальное хозяйство еще не сформировалось. Одновременно с наступлением феодалов на права и доходы крестьян возрастало и бремя государственных налогов. Возмущение крестьян вызывала усиливавшаяся феодальная анархия, в результате которой участились случаи грабежа и угона крестьян из одного поместья в другое.

В таких условиях народ стекался отовсюду в места сбора крестоносцев. Ожидая приказа о выступлении, эти люди делились своими обидами, сравнивали жизнь под властью различных господ. Среди крестоносцев оказалось много бывших францисканцев-оbservантов, отлученных от ордена из-за оппозиционных настроений. Своими проповедями о раннехристианском равенстве, о справедливости,

которая должна быть обретаема в походе против неверных, они смущали души верующих, усиливали их недовольство. Много нового для себя узнал в эти дни и Дьердь Секей. Крестьяне приходили к нему с жалобами на феодалов, рассказывали, с какой жестокостью дворяне препятствуют их уходу к крестоносцам. На настроения Дьердя, несомненно, влияли окружавшие его священники, среди которых писатели XVI в. выделяют Леринца, ставшего одним из ближайших сподвижников Дожи. Рассказывая о бедах народа, он внушал Доже, что бог послал его для того, чтобы «отвратить от несчастного народа бедствия страшнее смерти» и наказать дворян за их подлость, чванство и жестокость.

В результате всего этого уже с самого начала мобилизация крестоносцев повлекла за собой осложнения. С одной стороны, ей всячески препятствовали дворяне, с другой — трудно было удержать собравшихся крестьян от враждебных действий против феодалов. 24 апреля Уласло II просит бана Далмации и Хорватии Петра Бериславича обуздать и отправить по назначению людей, устремившихся к южным границам, «которые взяли в обычный совершать нападения на дома и усадьбы дворян». Правда, пока они хотели только получить (за деньги) продовольствие. Однако в первой половине мая события начали принимать опасный оборот. Феодалы силой удерживали крестьян от участия в походе, бросая в тюрьмы их или семьи ушедших, разоряя хозяйство, сжигая дома. Отряды феодалов нападали на крестоносцев. Так, в местечке Надьтур дворяне разбили отряд крестоносцев и некоторых из них захватили в плен за то, что крестьяне якобы стали нападать на поместья. Крестьяне в свою очередь обвиняли дворян в том, что те «донимали» крестоносцев, смеяся над ними, нападая на них. 20 крестьян этого отряда были посажены на кол. Центральная власть меняла свое отношение к крестьянам-крестоносцам.

В эти дни подобные столкновения происходили повсюду, где собирались крестьянские отряды. Начались поджоги, грабежи поместий, убийства дворян. Жертвами крестьян становились и сборщики обычных платежей и королевских налогов. Такой поворот событий напугал правящую верхушку. Поэтому 15 мая Тамаш Бакоц обратился ко всему духовенству с требованием прекратить проповедь крестового похода и приостановить набор в крестоносное войско. Он прямо ссылаясь на то, что многие священники

и монахи извращают идею крестового похода и призывают простолудинов к войне против господ и сборщиков налогов. Однако распоряжение кардинала только накалило обстановку, и крестьяне продолжали — теперь тайком — убегать от своих хозяев в лагеря крестоносцев. Там их принимали и вопреки запрету благословляли священники, находившиеся в войске.

Несмотря на то, что уже в начале мобилизации имели место столкновения между крестьянами-крестоносцами и дворянами, движение приобретало антифеодальную направленность постепенно. Почти до конца мая оно сохраняло первоначальную цель — крестовый поход против турок. Крестоносцы вступали в столкновения с феодалами только тогда, когда те нападали. До двадцатых чисел мая случаи кровопролития были очень редкими.

Трудно сказать с определенностью, когда командующий главным отрядом Дьердь Дожа решил повернуть своих людей против феодалов. Антифеодальные настроения постепенно накапливались и в его войске. В середине мая пештский отряд выступил из лагеря. По приказу кардинала или вопреки ему? Этого мы не знаем. Во всяком случае, к 19 мая крестоносцы проследовали через Цеглед, Варкань, Тисаваршань. Источники не упоминают об инцидентах в этих пунктах. Дьердь склонял к участию их жителей в крестовом походе против турок. Народ охотно шел за ним.

Из Тисаваршани главный отряд отправился в Надьтур. Там произошел инцидент, упоминаемый многими писателями. Дожа убил сборщика налогов и присвоил его деньги — 800 марок. Может быть, Дожа поступил так лишь потому, что хотел компенсировать свои потери в Буде, при королевском дворе; некоторые авторы сообщают, что он так и не получил денежного вознаграждения, обещанного королем. А если оценить это происшествие в русле тех акций, которые уже совершались крестоносцами против сборщиков налогов? К тому же не следует упускать из виду, что этот случай произошел в Надьтуре, где по вине феодалов уже пролилась кровь крестоносцев.

От Надьтура Дьердь направил свое войско к Бекешу и Дьюле. У Бекеша его отряд пополнился людьми, которых привел с собой священник Леринц. Около Дьюлы к войску присоединился отряд под руководством школяра Иштвана Балого. В это время численность войска Дожи, очевидно, превышала 30 тыс. человек.

От Дьюлы крестоносцы резко свернули на юго-восток, к Чанаду, во владения чанадского епископа Миклоша Чаки, где находились войска «главного капитана Южной Венгрии» магната Иштвана Батори. Здесь произошло первое крупное столкновение между крестьянами и феодалами. Иштван Батори напал у местечка Апатфальва на авангард крестоносцев, возглавляемый Иштваном Балогом, и в жестоком сражении разбил его. Пока дворяне буйно праздновали победу в замке Надьлак, полагая, что разбили основные силы крестоносцев, Дожа неожиданно напал на замок, поджег и захватил его. Застигнутое врасплох дворянское войско было полностью разгромлено. Многие дворяне были убиты, многие попали в плен, среди них Миклош Чаки и крупный местный землевладелец Петер Равадзи. Иштвану Батори удалось спастись. Он бежал в Темешвар. Епископа крестоносцы публично судили и казнили, посадив на кол. Эта казнь была символична и справедлива с точки зрения крестьян. Он был жестоким господином, плохим пастырем. Сам папа высказывал недовольство его поведением. Люди епископа первые напали на крестоносцев. В толпе нашелся и свидетель преступлений Чаки: купец, жену которого он похитил и сделал своей наложницей. Все эти обвинения решили судьбу чанадского епископа. Вместе с ним был казнен Петер Равадзи, грабивший своих и чужих крестьян. Казнь Миклоша Чаки и других магнатов вызвала ужас у феодалов. О ней узнали за пределами Венгрии. Крестьян обвиняли в неслыханной жестокости. Однако они были не более жестоки, чем те, кто приказал посадить на кол надьтурских крестоносцев. Кроме того, следует отметить, что такой вид смертной казни тогда был обычным явлением.

События у Надьлака произошли около 26 мая. 24 мая король и кардинал издают приказ о прекращении крестового похода, роспуске войск крестоносцев и их возвращении домой. Неподчинившиеся приказу объявлялись врагами королевства. Против них надлежало применять вооруженную силу. Спустя 2—3 дня это распоряжение двора было получено Дьердем Дожей. Очевидно, перед ним в последний раз встал вопрос: какой путь избрать? Сложить оружие и заслужить милость и прощение двора? Или продолжить начатый крестовый поход, но повернуть оружие против внутреннего врага — не менее жестокого и опасного, чем турки, — против феодалов? Видимо, в это время Дьердь Дожа Секей окончательно избрал второй

путь, на который многочисленные крестьянские отряды и войско самого Дьердя уже стихийно выходили. События при Надьлаке означают начало Крестьянской войны. «Подобно тому, как взнузданный конь сбрасывает седока, так народ, ободренный своей многочисленностью и единством, обратил против своих господ оружие, которое поднял против турок», — писал современник.

Крестьянская война в Венгрии 1514 г. представляет собой выступление отдельных, не всегда связанных между собой отрядов, действовавших в разных районах страны. Однако не случайно Дьердь Дожа стал признанным вождем Крестьянской армии, ибо его отряд был самым крупным из всех. Он предпринял самый большой поход и покори́л самую большую и стратегически важную территорию. Доже подчинялись руководители многих отрядов, действовавших как в составе главного войска, так и отдельно от него. Он разрабатывал наиболее важные военные планы и руководил их осуществлением. Несомненно, он был одним из самых выдающихся идеологов Крестьянской войны. Хотя история сохранила единственный документ, подписанный Дожей, его выступления зажигали массы и обращали на путь борьбы за освобождение. И другие вожди воспринимали его призывы и идеи, что отразилось в документах Крестьянской войны. От планов и успехов Дожи во многом зависела судьба всего движения. Дожа собрал вокруг себя талантливых людей, которые стали его ближайшими сподвижниками не только в военных предприятиях, но и разделяли его идейные воззрения, и даже влияли на них. Это были младший брат Дожи Гергей, его секретарь священник Амбруш Туркеви (окончивший Краковский университет), священник Лёринц и другие. Вокруг последнего возникли легенды, как о вездесущем Лёринце, возглавлявшем самые крупные операции Крестьянской войны в разных концах страны. Очевидно, в один образ слились несколько священников с таким именем, участвовавших в восстании.

Господствующий класс не был готов к тому, чтобы дать отпор восставшим крестьянам. Несмотря на распоряжения и угрозы короля, дворяне медлили. Сначала они не сознавали опасности, позже боялись оставить без защиты свои поместья. Знать не могла поделить командные посты в войске и бездействовала. Трансильванский воевода Янош Запольи — единственный человек, который смог бы заставить дворян сражаться, а крестьян сложить оружие, —

находился со своим войском за пределами королевства. В отчаянии король был вынужден обратиться за помощью к иностранным государям. Но и там не спешили. Позже пришли лишь верные Уласло чехи (он был одновременно и чешским королем).

Тем временем крестоносцы под предводительством Дьердя Дожи продвигались по Альфельду. Как профессиональный воин Дожа понимал, что важнейшим условием успеха является обеспечение широкого тыла с опорными пунктами повсюду на его территории. Поэтому, очевидно, не случайно он выбрал направление движения через Альфельд — Великую венгерскую низменность, простиравшуюся с северо-востока на юг через всю страну — к Трансильвании. В этих областях с богатыми аграрными городами он рассчитывал на поддержку местного населения, на пополнение рядов восставших и на то, что не будет испытывать затруднений с продовольствием. Дьердь не ошибся. Многие альфельдские местечки без боя переходили на сторону крестоносцев, а их жители десятками уходили в его войско. В иных местах к нему присоединялись целые отряды. Почему Дожа направлялся к Трансильвании? Может быть, хотел поднять на борьбу своих земляков — секеев? Может быть, стремился к южным границам? А может быть, надеялся обеспечить в гористой Трансильвании большую безопасность своему войску?

Для осуществления своих планов Дожа разделил войско. Часть людей он послал вдоль реки Марош захватить крупный религиозный центр Арад. После нескольких дней осады Арад был взят. Сам Дожа, перейдя в это время Марош, захватил крепость Задорлак. Здесь оба отряда встретились. В первую неделю июня войско Дожи уже стояло под стенами крупнейшего населенного пункта долины Мароша — Липпы. Она сдалась крестоносцам без боя 7 июня. Дьердь послал отряд, чтобы захватить стратегически важную крепость Шойом, находившуюся напротив Липпы на другом берегу Мароша. 8 июня Шойом перешел в руки восставших. Здесь Дожа почему-то резко изменил направление, поспешив к крупному центру на реке Темеш — Темешвару. Он оказался там 13 июня. Очевидно, Темешвар занимал важное место в планах Дожи, потому что здесь он применил новую тактику. До сих пор он решительно продвигался вперед с основными силами, поручая взятие крепостей и местечек, встречавшихся на пути, оставленным для этого мелким отрядам, которые потом

догоняли главный. Осаждать Темешвар им было не под силу. Его Дожа решил осаждать сам, поскольку его взятие обеспечило бы крестоносцам овладение долиной Темеша. В Темешваре под защитой гарнизона укрывались темешские ишпан* и Иштван Батори. Во время осады Дьердь не бездействовал. Он посылал своих людей к южным границам комитата Темеш, чтобы взять под контроль всю его территорию. Были заняты местечки Чак и Чери.

В своих планах Дожа не ограничивался Альфельдом с долинами рек Кереш, Марош, Темеш. По всей вероятности, он понимал, что наибольшая опасность грозит ему из столицы, куда приводили свои отряды вассалы короля. Было необходимо связать феодалам руки там, чтобы свободно действовать здесь, на юге. В окрестностях Пешта Дожа оставил пятитысячное войско во главе с пештским горожанином Амбрушем Салереши. Отдельные отряды из пештского лагеря совершали вылазки в соседние комитаты, где ширилось крестьянское движение. Войско короля под предводительством коменданта Буды Яноша Борнемиссы двинулось против пештского лагеря, но, не решившись напасть на него, отступило. Однако Салереши, испугавшись поворота событий, пошел на соглашение с двором. К нему присоединилась часть восставших, другая же часть была рассеяна войском Яноша Борнемиссы. Это была одна из первых крупных побед феодалов.

В то же время большую угрозу продолжало представлять для столицы крестьянское движение в соседних с Будой комитатах Хевеш и Боршод. Воодушевленный первой удачей, Борнемисса повел своих людей против хевешских крестьян и около 10 июня разбил их в сражении при Дебре. В эти же дни дворянское ополчение Хевеша и Нограда одолело крестьян у местечка Пасто.

Сознавая значение этих районов для судьбы войны, Дожа послал назад к Пешту и на помощь хевешским крестьянам к Эгеру два отряда еще от Надьлака. Во главе одного из них он поставил своего младшего брата Гергея. На обратном пути восставшие занимали новые местечки и деревни, призывали население присоединиться к крестоносцам. Отряд Гергея в середине июня появился около Пешта, на Губачском поле. Своим появлением он вызвал панику в Будае, так как возникла угроза занятия города повстанцами. Однако на помощь столице поспешил вернув-

шийся из похода Янош Борнемисса. Губачское сражение крестьяне проиграли 21 июня. Гергей с остатками крестьянского войска сумел спастись. Неудачно сложилась и судьба отряда, посланного Дожей в Хевеш. Там существовало уже несколько дворянских лагерей. Им помогали бандерии эгерского епископа и феодалов других комитатов, а также горожане Кашиши (современный г. Кошице в ЧССР). Они нападали на крестоносцев и к концу июня полностью рассеяли их. Таким образом, движение крестьян в столичном и северных комитатах было подавлено.

Большую поддержку основному войску оказывали своими действиями самостоятельные крестьянские отряды разных областей, которые поддерживали связь с Дьердем Дожей. Так, южные комитаты Тольна, Бодрог, Бач и Серем (от Калочи до Нандорфхервара) контролировали три крестьянских отряда. Один из них под предводительством офицера южнославянского происхождения Радослава Нады, захватив вдоль Тисы местечки Заланкемен, Титель, Бече, присоединился к осаждавшему Темешвар Доже. Отряд Бенедэка Поганя осаждал крепость Бач, где укрывался могущественный магнат епископ Бача и Калочи Гергей Франкепан. Самыми крупными повстанческими силами располагал Антал Надь. Он провел своих людей от Калочи почти до Белграда, заняв к середине июня ряд городов. По пути его войско значительно выросло. В его рядах сражались 400 воинов-профессионалов с южных границ. В битве при Каманце этот отряд обратил в бегство выступивший против него знаменитый гарнизон Белграда, славный своими боевыми традициями и отважными воинами. Крестоносцы угрожали Белграду. Но Антал Надь неожиданно ушел на север, оставив у Белграда маленький отряд священника Борбаша. Возможно, вслед за Радославом Надем он спешил на помощь Доже. Однако уход крупных повстанческих сил развязал феодалам руки и позволил справиться с оставшимися отрядами. У деревни Держ был разбит двигавшийся из-под Бача на помощь священнику Борбашу отряд Бенедэка Поганя, в Сентлеринце — сам Борбаш. После этого белградцы, поддержанные бандериями магнатов, двинулись против Антала Нады. Здесь случилось то, чего больше всего опасался Дьердь Дожа. Разгромив крестьянское движение в северных районах страны, феодалы во главе с Борнемиссой выступили на юг. В середине июля войско Антала Нады также было разбито. В южных придунайских комитатах еще некоторое время

* Ишпан — магнат, поставленный королем Венгрии во главе крепости.

продолжали действовать мелкие разрозненные крестьянские отряды.

Серьезный очаг восстания существовал в комитате Бихар, где крупнейшим крестьянским отрядом руководил Лёринц. К середине июня под его контролем находилась большая часть комитатов: Бихар, Красная, Средний Сольнок. Как и везде, восставшие убивали наиболее ненавистных феодалов, сжигали их поместья, уничтожали грамоты. Однако Лёринц не допускал грабежей. Из Бихара основная часть его войска отправилась в Трансильванию, которую Лёринц также хотел поднять на борьбу с феодалами. Возможно, этот поход был частью общего плана Дожи и Лёринца, поддерживавших, как принято считать, друг с другом связь. Дожа осознавал опасность, которая грозила ему со стороны трансильванских феодалов (в первую очередь Яноша Запольяи), и был заинтересован в том, чтобы держать подальше от театра военных действий силы феодалов. Однако поход Лёринца в Трансильванию, несмотря на то, что восставшие встретили там сочувствие и поддержку части населения, окончился неудачей. В 20-х числах июля с остатками войска он вернулся в Бихар. Но к этому времени дворяне подавили крестьянское движение и здесь. В одном из сражений они разбили отряд Лёринца. Сам предводитель крестьян был выдан властям.

Таким образом, к середине июля почти все самые крупные очаги Крестьянской войны были подавлены. Правда, продолжали действовать мелкие отряды в разных областях страны. Например, волнения продолжались в восточных комитатах Земплен, Унг, Берег, Угоча, Сабольч, Сатмар и др. На стороне крестьян здесь выступило много мелких дворян. Однако в целом по стране движение шло на убыль.

Дьердь Дожа остался почти один. Осада Темешвара непредвиденно затянулась. К Темешвару двигалось многочисленное, хорошо организованное, обученное, вооруженное войско феодалов под предводительством опытного полководца Яноша Запольяи. Придя к Темешвару, воевода обратился к крестьянам с призывом разойтись по домам, обещая им прощение. Многие крестьяне, утомленные непривычной для них военной жизнью вдали от своих семей, хозяйства, отошли от Дожи. Между феодалами и повстанцами начался бой. Упомянувшийся уже Радослав Надь, пришедший к Дьердю на помощь из Бача, перешел на сторону Запольяи. В самом начале боя Дьердь убил изменника. Однако вскоре сам был тяжело ранен и попал в плен.

Крестьян охватила паника. Самые отчаянные вступили в бой с дворянами. Но силы были не равны. Лишь немногим удалось спастись и присоединиться к другим повстанческим отрядам. В злобе дворяне рубили и тех, кто просил пощады, не жалели женщин и детей, которых захватили вместе с добычей в лагере крестоносцев. Вместе с Дожей в плен попали его брат Гергей и некоторые его сподвижники.

Дворяне жестоко расправились с восставшими. Было казнено несколько тысяч активных участников движения. Учиненные пытки и казни превзошли все жестокости, в которых дворяне обвиняли крестьян. Самую страшную казнь победители придумали для Дьердя Дожи. Он был коронован пылающей жаром железной короной, был подвергнут пытке раскаленными щипцами. Помощников же Дьердя из числа гайдуков заставили зубами рвать и есть его тело. Крестьянский вождь, как подобает настоящему воину, вынес все мучения с беспримерным мужеством. Своим героическим поведением он показал друзьям и врагам, что может служить достойным примером доблести и бесстрашия не только в борьбе, но и в смерти.

Пламя Крестьянской войны не угасло с гибелью ее вождя. Сопротивление восставших продолжалось в разных частях страны до октября. Только после этого феодалы смогли собраться на Государственное собрание, чтобы договориться о наказании и дальнейшей судьбе провинившихся крестьян. Репрессивные законы, принятые на Государственном собрании, не могли ничего добавить к тому, что уже предпринимали против побежденных феодалы по всей стране. Напротив, они должны были сдерживать жажду мести дворян. На этом съезде в качестве наказания для преступных крестьян дворяне требовали навечно лишить крестьян какой-либо свободы и прикрепить к земле. Однако, несмотря на то, что такой декрет был принят, объективные условия для прикрепления венгерских крестьян к земле в начале XVI в. еще не созрели. Поэтому вскоре этот закон был отменен.

Борьба венгерских крестьян была обусловлена их положением. Феодалы требовали от крестьян выполнения тяжелых повинностей, увеличивали поборы, ограничивали хозяйственную свободу и самостоятельность крестьян, покушались на права и привилегии жителей аграрных городов, стремясь низвести их до уровня деревенского крестьянства и завладеть выгодами от их хозяйственной деятельности. Выросшее классовое самосознание крестьянства

уже не позволяло ему мириться с тем, что феодалы относятся к ним как к рабам, не считая за людей. Этим определялась цель борьбы: освободиться от угнетения и добиться свободы от рабства. Это обусловило и характер идеологии восставших: антифеодальный, антицерковный.

Современники приписывали крестьянам стремление уничтожить всех дворян. Это — точка зрения враждебного лагеря. Точнее отношение к дворянству выразил сам Дьердь Дожа в цегледской прокламации: «Вы должны сплотиться для того, чтобы это святое войско и благословенное собрание [кестоносцев — *Т. Г.*] смогли принудить, обуздать и сломить силу и мощь этих неверных, проклятых дворян». Дожа призывает к обузданию дворянства, а не поголовному уничтожению. Практические действия крестьян подтверждают эту мысль вождя: для них характерна трезвая целенаправленность, а не бессмысленная жестокость. Так, восставшие поджигали усадьбы лишь тех феодалов, которые были известны особо жестоким отношением к своим крестьянам. В таких случаях, если находили, убивали и самих господ. Так же поступали и с теми дворянами, которые в своих усадьбах оказывали сопротивление восставшим. Обычно же, приближаясь к какому-нибудь поместью, крестьяне посылали туда гонцов с требованием сдаться и присоединиться к кестоносцам, оказав им сильную помощь оружием, продовольствием или личным участием. Тех дворян, которые соглашались на такие условия, восставшие не убивали, а их усадьбы обходили. Нужно сказать, что многие дворяне присоединялись к восставшим: одни, питая ненависть к магнатам, другие, боясь расправы.

В захваченных же имениях, монастырях, как мы видели, крестьяне в первую очередь искали архивы и уничтожали дворянские и церковные грамоты, свидетельствующие о зависимости крестьян и фиксирующие их повинности. В таких пожарах погибло много владельческих грамот дворян. После войны их пришлось восстанавливать. Поскольку феодальная эксплуатация проявлялась в системе повинностей и налогов, то восставшие призывали отказаться платить налоги государству, вносить повинности феодалам. Отражая интересы крестьян, занятых реализацией сельскохозяйственной продукции, руководитель одного из отрядов Томаш Кечкеш в своей прокламации объявлял об отмене пошлин на сельскохозяйственные продукты. Свой гнев крестьяне обрушивали на исполнителей воли господ — сборщиков налогов и податей. Руководители пов-

станцев призывали убивать их, называя это богоугодным делом. Крестьяне требовали установления «справедливой цены» на сельскохозяйственные продукты, запрещали отбирать их бесплатно или покупать за бесценок. Сами восставшие старались соблюдать это правило. Очевидец событий писал, что эти люди не грабят бедных, а покупают продукты по «справедливой цене».

Таким образом, в первую очередь крестьяне стремились избавиться от феодальной эксплуатации: повинностей, налогов, пошлин. Что касается дворянства, то его физическое уничтожение не было целью восставших. Они хотели сломить политическую, военную и хозяйственную мощь класса феодалов, лишить его привилегированного положения в обществе. В этом восставшие видели путь к достижению свободы, за которую боролись, ее обязательное условие. Доже приписывают слова о том, что нельзя дожидаться свободы, сидя сложа руки. Свобода связывалась в представлении крестьян в первую очередь со всеобщим равенством. Обосновывая мысль о необходимости уничтожения рабства и установления равенства между сословиями, идеологи Крестьянской войны ссылались на священное писание, в котором говорится об изначальном равенстве всех людей. Такая интерпретация священного писания характерна для средневековых крестьянско-плебейских ересей. Ее элементы присутствовали и в идеологии Крестьянской войны в Венгрии, в формировании которой деятельное участие приняли представители низшего духовенства из тех францисканцев-обсервантов, которые по своим воззрениям были близки к левым францисканцам. Прообраз общества равноправных граждан руководители и идеологи восстания (Дожа, священники Лёринц и Мартон) находили в современной им жизни, по-видимому в секейской общине, не утратившей еще остатков былых свобод и равноправия членов. В этом обществе, где нет угнетателей-феодалов, все подчиняется только королю. Дожа (а вслед за ним и другие вожди движения) называл себя «подданным только венгерского короля, а не господ». Он отказался подчиниться приказу короля, но продолжал верить ему. «Меньше всего они неистовствовали против короля», — пишет императорский посол. Типичная для средневековья вера в «доброту короля» проявилась и в этом восстании.

Наряду со светскими феодалами крестьяне преследовали и церковных. Идеологи восстания шли дальше: они

выдвигали требование переустройства церкви. Они выступали против того, что прелаты имеют высшую власть в Королевском совете, предлагали разрушить существующую церковную организацию: вместо 14 епископств поставить во главе венгерской церкви одного епископа, который будет заниматься церковными делами. Церковное же имущество предполагалось разделить между отличившимися в войне крестоносцами. На идеологию Крестьянской войны повлияли также табориты, ересь которых была весьма широко распространена в Венгрии. Современники сообщали, что табориты призывали венгров отложиться от панского престола, не платить десятину церкви.

Восставшие были уверены в справедливости своей борьбы. Даже после объявления приказа о роспуске войск они продолжали считать свои действия против «неверных» дворян святым крестовым походом, себя — «благословенным народом крестоносцев», а власть над ними Дьердя Дожи — полученной от бога. Участие в их войске, материальная помощь ему, равно как и репрессии против тех, кто мешает походу, а также против ненавистных прелатов и магнатов, сборщиков налогов и пошлин они признавали богоугодным делом, которое должно быть вознаграждено высшей духовной наградой — отпущением грехов и дарованием вечного спасения.

Таким образом, Крестьянская война создала оригинальную идеологию, которая вместе с требованиями восставших объективно выражала стремление крестьянства к свободному развитию хозяйств, основанных на товарной экономике, перед которыми феодалы не будут ставить преград в виде обычных платежей, податей, таможенных пошлин. Такое свободное развитие могло обеспечить общество без угнетателей, в котором равноправные сословия одинаково подчинены лишь королю. Церковь в этом обществе лишена богатств, светской власти, подчинена королю; уничтожена церковная иерархия. Такая идеология могла возникнуть только при высокоразвитом классовом самосознании крестьянства. В свою очередь, само восстание способствовало его дальнейшему развитию.

Крестьянская война дала крестьянам возможность почувствовать свою силу, когда они объединены. Это почувствовали и феодалы. Господствующий класс Венгрии и соседних стран был чрезвычайно напуган. И не случайно Крестьянские волнения перекинулись на германские зем-

ли. Боязнь восстания была так велика, что император отказался от военных действий против Венецианской республики, он опасался за свои тылы.

Крестьянская война в Венгрии выдвинула выдающихся вождей и идеологов, первое место среди которых по праву принадлежит Дьердю Доже. Этот человек, пренебрегая личной выгодой, поднялся над интересами своего сословия, понял нужды и беды венгерского крестьянства и возглавил его героическую борьбу против угнетателей. «Я хотел обновить мир» — так (если верить современнику) объяснил Дожа свои поступки победителям. Может быть, он и не говорил этих слов. Но его подвиг — их лучшее подтверждение.

„ВСЯ ВЛАСТЬ ДОЛЖНА БЫТЬ ОТДАНА ПРОСТОМУ НАРОДУ”

ти слова, написанные крупнейшим деятелем и идеологом Великой Крестьянской войны 1524—1525 гг. в Германии Томасом Мюнцером в письме к жителям Эрфурта от 13 мая 1525 г., могут служить эпиграфом ко всей его короткой, но яркой жизни. Характеризуя события Крестьянской войны, Ф. Энгельс писал: «Немецкий народ также имеет свою революционную традицию. Было время, когда Германия выдвигала личности, которые можно поставить рядом с лучшими революционными деятелями других стран, когда немецкий народ проявлял такую выдержку и развивал такую энергию, которые у централизованной нации привели бы к самым блестящим результатам, когда у немецких крестьян и плебеев зарождались идеи и планы, которые достаточно часто приводят в содрогание и ужас их потомков»¹. Среди этих личностей прежде всего выделяется Томас Мюнцер.

Кто же был этот человек, имя которого окрыляло надеждой сердца бедняков и вселяло страх в князей и феодалов, вызывало бешеную ненависть у Мартина Лютера, главы Реформации, всколыхнувшего сначала всю Германию, а затем ставшего «рупором княжеской политики»?

БАРАБАНЩИК, ФЛЕЙТИСТ И ЗНАМЕНОСЕЦ ВРЕМЕН КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ В ГЕРМАНИИ. Гравюра Ганса Бегамы (1543 г.)

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 7. С. 345.

Но прежде чем рассказывать о жизни Томаса Мюнцера, представим себе, в каких исторических условиях он жил. Германия конца XV — начала XVI в. была одной из крупнейших стран Европы, в ней проживало около 15 миллионов человек. Уже в XV в. в Германии появились первые признаки раннего капитализма, которые особенно стали заметны в начале XVI в. Купцы-предприниматели подчиняли себе разрозненных ремесленников в текстильной промышленности и металлообработке. Но наиболее ярко раннекапиталистические тенденции проявились в горнодобывающей промышленности. Сельское хозяйство страны также испытало на себе влияние нарождающегося капитализма. Для текстильной промышленности во все большем количестве требовалось сырье — шерсть, лен и конопля. Как пытались решить эту проблему феодалы? Они стали расширять свои хозяйства за счет сокращения крестьянских наделов и захвата общинных угодий. Овцеводство и разведение технических культур нуждались в увеличении числа рабочих рук. И тут феодалы поступали элементарно просто. Они начали массами закрепощать крестьян и увеличивать барщину. *Воистину парадоксальное явление!* Ранний капитализм способствовал в Германии усилению крепостничества, буржуазные отношения в деревне стали причиной феодальной реакции. Для немецких крестьян наступили тяжелые времена. К тому же католическая церковь по-прежнему взимала десятину с зерна, огородных культур и скота, да еще и вымогала у крестьян деньги с помощью продажи индульгенций.

Для крестьянства важным было либо ликвидация феодализма, либо значительное ослабление феодальной эксплуатации. Ведь феодалы не просто захватывали общинные земли, они закрепощали крестьян, которые ранее были лично свободными и находились только в поземельной зависимости. Вводились новые и увеличивались старые феодальные поборы, что было чрезвычайно тяжело для всех слоев крестьянства, не исключая и зажиточных крестьян, которые, имея возможности развивать свое хозяйство по капиталистическому пути, встречали препятствие в виде феодальной эксплуатации, ведь феодальная реакция означала еще и ликвидацию остатков старинных прав и вольностей немецкого крестьянства. Значение и роль крестьянской общины резко сокращались.

Развитие капитализма в городе также приводило к противоречивым явлениям. Ранее господствовавшие ремес-

ленные цехи приходили в упадок, но тем не менее по-прежнему ограничивали рост производства и производительности труда.

В политическом отношении Германия была раздробленной страной. Формально она подчинялась власти императоров Священной Римской империи, в то время избравшихся из рода австрийских князей Габсбургов, Германия по существу была совокупностью многочисленных феодальных владений, как светских, так и духовных, и вольных императорских городов. Вследствие этого общенациональный рынок в Германии не возник, существовали многочисленные таможенные перегородки внутри страны, и все это сдерживало рост капитализма. Императорская власть непрерывно теряла свою силу. Ее слабость достигла своего апогея при Фридрихе III Габсбурге во второй половине XV в. В свою очередь, в полном соответствии с ослаблением императорской власти возрастало могущество немецких князей, не желавших существования в Германии сильной центральной власти. Рейхстаги, эти органы сословного представительства, в которых решающую роль играли курфюрсты (князья-выборщики, избиравшие императора), были по существу беспомощны решить важнейшие вопросы германской жизни. Особое недовольство всего населения Германии вызывала политика папского Рима, выкачивавшего из Германии огромные богатства. Все эти явления способствовали тому, что Германия стала родиной первой буржуазной революции «в религиозном облачении так называемой Реформации» (Ф. Энгельс).

Начало Реформации было положено знаменитым выступлением Мартина Лютера против индульгенций. На первом этапе раннебуржуазной революции требования создать национальную церковь и ликвидировать привилегии папской курии объединили часть князей, рыцарство, бюргерство и крестьянство и стали «выражением общих устремлений» (Ф. Энгельс), но затем произошло неизбежное размежевание социальных сил. В ходе Реформации достаточно четко выделился крестьянско-плебейский лагерь, в котором было выдвинуто несколько программ, содержавших жалобы и требования крестьян.

На что же жаловались немецкие крестьяне в начале XVI в.? А жалоб было много: на тяготы, связанные с личной зависимостью; на посмертный побор с наследства в виде лучшей головы скота и т. д.; на нефиксированные барщинные повинности, личный оброк, который символи-

зировал личную зависимость; большую и малую десятины, которые составляли во многих местах более одной десятой части всех видов урожая, оброк, взимаемый независимо от урожая и доходивший до 30—40 % всего урожая; барщину, длившуюся от двух до семидесяти дней в году; многочисленные штрафы; захват феодалами общинных угодий и требования со стороны феодалов платить за пользование ими; ограничение торгово-ремесленной деятельности крестьян со стороны городов; участие в войнах феодалов; княжеские налоги, отнимавшие до 10 % доходов с крестьянских хозяйств, и многое другое. Крестьянам оставалось в личное пользование менее 10 % их доходов. А если к этому добавить обилие господ, ибо кроме помещика-феодала существовал еще судебный господин, а в отношении лично зависимых крестьян — личный господин, затем были князья и церкви, то легко понять, что положение немецких крестьян становилось невыносимым и могло толкнуть их на отчаянные поступки.

Несладко жилось и нижнему слою городского населения — плебсу, в который входили подмастерья, поденщики, разорившиеся бюргеры и люмпен-пролетарии. Но у плебса по существу не было никакой организации. Городскую плебейскую оппозицию превратить в партию могли лишь крестьянские восстания. Основная же масса бюргерства так или иначе оставалась на позициях средневекового сословия, требовавшего проведения антицерковных мероприятий и ослабления власти патрициата в городском самоуправлении.

Всполохи грядущей крестьянской войны начали появляться в Германии уже в конце XV — начале XVI в. Сначала произошло восстание Ганса Бегайма в Южной Германии. Участники его требовали ликвидировать прежде всего феодальную зависимость. Движение было подавлено. Затем началась целая серия восстаний под знаменем «Башмака», ставшего символом крестьянской независимости. Тысячи повстанцев в 1502 г. встали под знамя «Башмака». Они требовали ликвидации феодальных повинностей и возвращения общинных угодий. Кроме того, они выдвинули требование захвата имущества церквей и монастырей и раздела их между собой. В 1513 г. в Брейсгау был составлен заговор под руководством Иосса Фрица, также под знаменем «Башмака». В 1514 г. в герцогстве Вюртемберг произошло мощное восстание, возглавленное тайным союзом «Бедный Конрад», причем кре-

стьяне выступили вместе с плебсом. В 1517 г. был раскрыт заговор крестьян в Нижнем Эльзасе. Но затем крестьянские движения пошли на спад. Все ожидали проведения реформ «сверху», но напрасно, и тогда со второй половины 1521 г. классовая борьба обострилась. В стране возникла революционная ситуация. Народ готов был бороться против Рима, стремясь прежде всего к отмене феодального гнета.

Эти настроения народных масс наиболее ярко выразил замечательный сын немецкого народа Томас Мюнцер.

Томас Мюнцер родился между 1485 и 1490 годами в городке Штольберг в Гарце в семье среднего ремесленника. Его отец отличался довольно радикальными взглядами, вообще свойственными горнорабочим Гарца. Впечатления детства и общения с отцом, очевидно, формировали взгляды Томаса Мюнцера. Но это, по сути дела, все, что мы знаем о его детских и юношеских годах. Известно, что в 1506 г. он был студентом Лейпцигского университета, а в 1512 г. учился в университете Франкфурта-на-Одере, где получил хорошую подготовку по классической филологии и теологии, что сделало его одним из образованнейших теологов Германии начала XVI в. Известно, что он имел степень магистра искусств и бакалавра теологии.

Прекрасное образование и красноречие, проповеди на злобу дня снижали большую популярность молодому проповеднику. Внешне некрасивый Мюнцер преобладал, когда начинал говорить. Он читал проповеди с большим воодушевлением, находя такие слова, которые доходили до ума и сердца слушателей. Находясь в Галле, Мюнцер стал одним из организаторов тайного общества ремесленников, ставившего своей целью свержение власти богатого патрициата и освобождение города из-под власти архиепископа Майнцского (Галле и округа были его владениями). Деятельность общества была раскрыта, и Мюнцеру пришлось покинуть Галле. С 1516 по 1518 год Мюнцер был старшим пастором в монастыре Фрозе близ Ашерслебена. В 1517 г. он сблизился со сторонником Мартина Лютера Францем Гюнтером из Ютерборга. Мюнцер поддержал Гюнтера в его борьбе против ютерборгских монахов-францисканцев. Это обеспечило Мюнцеру известность как стороннику Мартина Лютера. В 1519 г. произошла первая встреча Лютера и Мюнцера — во время знаменитого диспута Лютера с Иоганном фон Экком в Лейпциге. Правда, нет точных сведений, при каких обстоятельствах они встретились и о чем говорили.

Затем Мюнцер становится исповедником в монастыре Бейдиц близ Вейсенфельса. Годы пребывания здесь были наполнены чтением новейшей теологической литературы, научными занятиями, наблюдениями за действительностью.

Полный прогрессивных идей и жизненных впечатлений, Мюнцер с рекомендациями Лютера прибыл в богатый саксонский город Цвиккау, где он должен был временно заменить умеренного сторонника Лютера Иоанна Сильвия Эграна. Но первая же проповедь, прочитанная Мюнцером 17 мая 1520 г. в церкви св. Марии, насторожила патрициат и богатых бюргеров Цвиккау, прихожан этой церкви. Высказывания Мюнцера явно отличались от учения Лютера. За короткий период Мюнцер из сторонника Лютера превратился в его врага, и это в то время, когда вся Германия восторженно внимала Лютеру. В это же время Мюнцер сблизился с действовавшей в Цвиккау сектой анабаптистов*. Руководил сектой суконщик Николас Шторх, человек решительный и горячий. Сближение Мюнцера и Шторха было замечено бюргерской верхушкой Цвиккау, добившейся досрочного возвращения Эграна. Теперь Мюнцер стал проповедовать в церкви св. Екатерины, где собирався народ победнее, которому его идеи приходились по душе. Общение с народом помогло молодому проповеднику развивать свое учение. Он все больше и больше расходился с Лютером. Местные богачи и Эгран старались всячески очернить Мюнцера. 16 апреля 1521 г. он был вынужден покинуть Цвиккау, так как городской совет обвинил его в причастности к происшедшим тогда волнениям среди ткачей города. Мюнцер в поисках истины решил отправиться на родину Яна Гуса, в Чехию. В Праге он трижды выступал между 1 и 25 ноября 1521 г. с проповедями, получившими название «Пражского воззвания». Мюнцер объявил себя сторонником учения Яна Гуса. «Я хочу огласить вместе с великим поборником Христа Иоганном Гусом своды храма новым гимном. Долго голодали и жаждали люди святой справедливости, и сбылось пророчество Иеремии: «Дети просили хлеба, и никто не дал им его». Но возрадуйтесь... всходы ваших пашней побелели и готовы к жатве... Небо наняло меня в поденщики по грошу в день, и я точу мой серп, чтобы жать колосья. Голос мой возвестит высшую

* Анабаптисты — т е перекрещенцы, требовавшие крещения христиан в зрелом возрасте

АННАБЕРГСКИЙ АЛТАРЬ. XV в.

истину, уста мои проклянут безбожников; я пришел в ваши благословенные пределы, о любезные чешские братья, чтобы отличить и истребить этих безбожников. Не мешайте, но помогите мне. Я обещаю вам великую славу и честь; здесь начнется новая апостольская церковь и изыдет отсюда во все страны мира». Но эти выступления привели Мюнцера к столкновению с местными уtrakвистами*, и он вынужден был бежать.

В выступлениях Мюнцера в Цвиккау и в «Пражском воззвании» ясно обнаруживается влияние идей таборитов об имущественном равенстве. Но есть уже и собственные идеи Мюнцера, отличающиеся от лютеровского учения. Мюнцеровский принцип духа означал отказ от богословской традиции и разрыв с духовными и светскими уста-

* Уtrakвисты — чашники — представители умеренного крыла в гуситском движении.

новлениями. Так, уже в 1521 г. были сформулированы основные принципы учения Мюнцера. В письме к Филиппу Меланхтону, стороннику Лютера, от 27 марта 1522 г. он, по сути дела, огрекался от идей Лютера. Мюнцер утверждал: «Если единомышленники Лютера не хотят идти дальше нападков на попов, то им и не следовало браться за дело...

Бороться против власти папы, не признавать отпущения грехов, чистилища, панихид значит проводить реформу только наполовину.

Лютер — плохой реформатор, он подкладывает подушки нежному телу, слишком превозносит веру и мало значения придает делам».

Прожив некоторое время в тюрингском городе Нордхаузене, Мюнцер становится капелланом в женском цистерцианском монастыре Глауха в окрестностях Галле, затем переселяется в городок Альтштедт, где проповедует в церкви св. Иоанна.

Принадлежавший курфюрстам Саксонским тюрингский городок Альтштедт находился вблизи Мансфельдских рудников, где работало множество горнорабочих. Мюнцер намеревался вступить с ними в контакт. Он хорошо знал быт и нравы горнорабочих еще с детства и видел в них силу в борьбе за счастье народа. Изменение политического положения в Германии в 1523 и 1524 гг. и назревание Крестьянской войны ускорили формирование учения Мюнцера и ориентацию его идей на животрепещущие проблемы дня.

Во время альтштедтского пребывания были окончательно сформулированы основные принципы в учении Мюнцера, в сочинении «О вымышленной вере» было развито собственное понимание истории. Устранение царящего на земле порядка неизбежно, утверждал Мюнцер, оно угодно богу и скоро произойдет. «Да, множеству людей это кажется лишь величайшей и несбыточной грезой, они не могут себе представить, как начнется и как завершится такое дело, в результате которого безбожники будут свергнуты с престолов, а униженные возвышены». Силой, которая произведет этот переворот, будет простой народ, который из пассивного объекта превратится в движущую силу исторического развития. Мюнцер верил, что народ способен сам изменить свою судьбу, в то время как Лютер, основываясь на представлении о греховности человеческой природы, отказывал человеку в способности развивать общест-

во. Мюнцер утверждал прежде всего нравственное перевоспитание человека. Он полагался сначала на мирный путь борьбы против безбожных тиранов, лишь в случае сопротивления князей и феодалов распространению Евангелия — неизбежно восстание. Мюнцер пытался склонить князей к соглашению с ним, но не потому, что хотел опереться на них, а потому, что считал народ еще недостаточно готовым к борьбе. Все же Мюнцер переоценивал возможность соглашения с князьями. Летом 1524 г. ему стало ясно, что надеяться на князей бессмысленно. 13 июля Мюнцер произнес перед герцогом Иоганном Саксонским яркую проповедь, в которой подверг критике священников и светских господ, и, ссылаясь на книгу Даниила в Библии, сказал, что «Предсказание Даниила остается в силе. Текст Даниила — ясный, как яркое солнце, и (предсказанный им) конец пятого царства на земле (уже) начался и идет полным ходом... А пятое царство — это то, что перед нами. Оно тоже создано из железа и стремится принуждать. Но оно запачкано грязью... наполнено ложью и лицемерием, которое распространилось по всей земле... Ясно видно, как угри и змеи развратничают, сидя в одной куче, попы и все злые священнослужители — это змеи... а светские господа и правители — это угри. Вот и замасло себя царство дьявола грязью. Ах, дорогие господа, как славно пройдет господь по старому горшку железной палкой (и разобьет его)...)» Молча выслушал Иоганн Саксонский проповедь Мюнцера и уехал. Мюнцер понял, что светская власть находится в руках неправедных и ее нужно передать в руки народа. Первым шагом для Мюнцера была подготовка народного восстания. Созданный им ранее союз из числа наиболее близких сторонников начал расширяться.

Мартин Лютер сразу увидел, какая опасность может возникнуть из распространения работ Мюнцера, и мешал их печатанию в Виттенберге, резиденции курфюрстов Саксонских. Но Мюнцер сумел опубликовать их в Альтштедте. Реакция властей была незамедлительной. По приказу курфюрста Фридриха Мудрого типография в Альтштедте была закрыта. Но Мюнцер был неутомим. В 1524 г. появляется его новое сочинение, направленное против Лютера, «Разоблачение ложной веры». В этом памфлете социальные мотивы выступали на передний план. Мюнцер видел в крестьянах не просто угнетенных, но представителей социального слоя, который должен выступить в союзе с оппозиционным бюргерством и городским плебсом.

Так начало формироваться в Мюльхаузене, куда он был вынужден бежать из Альтштедта, и в период его странствий по Юго-Западной Германии учение Мюнцера о необходимости революционного переворота. Для достижения совершенного общественного устройства, учил Мюнцер, необходимо устранить господство князей. Учение Мюнцера было предвосхищением будущей истории, «выражением стремлений реальной общественной группы, только у него впервые они формулируются с известной определенностью, и, начиная с него, мы встречаем их снова в каждом великом народном потрясении, пока они постепенно не сливаются с современным пролетарским движением»².

Обстановка в Германии накалялась. Приближалось время решительного выступления. Во многих высказываниях Мюнцера этого времени проскальзывала идея о «Времени перемен». Начиная с конца лета 1524 г. Мюнцер деятельно готовился к восстанию, убеждал в его неизбежности. Он был единственным реформатором, вышедшим за узкие рамки теологии и связавшим ее с необходимостью революционных действий. Мюнцер пошел значительно дальше, чем Андреас Карлштадт, Эколампадий и другие богословы-реформаторы, испугавшиеся революционного взрыва.

Мюнцер, ввиду грозившей ему опасности ареста за революционные проповеди, в ночь с 7 на 8 августа бежал из Альтштедта в Мюльхаузен, центр социальных волнений в Тюрингии. В этом городе Мюнцер сблизился с Генрихом Пфейфером, сыном мюльхаузенского бюргера, монахом-расстригой, и основал вместе с ним плебейскую партию под названием «Вечный союз», выработавшую самостоятельную программу — «Одиннадцать мюльхаузенских статей». Ожидаемая победа в борьбе против патрициата все же не была достигнута. Крестьяне близлежащих деревень оказались на стороне городских властей. Мюнцер понял, что необходимо привлечь крестьян на свою сторону.

Мюнцер и Пфейфер, изгнанные из Мюльхаузена, направились в Южную Германию, прежде всего в Нюрнберг, для того, чтобы опубликовать там свои сочинения. Однако ситуация в Нюрнберге была иная, чем в Мюльхаузене. Нюрнбергский патрициат прочно держал бразды правления в своих руках. Пфейфер вскоре был вынужден покинуть город. Мюнцер поначалу был счастливее, ему кое-что

удалось опубликовать. Этот успех, однако, был кратковременным: Нюрнбергский совет резко ополчился против радикальных реформаторов. Пришлось и Мюнцеру бежать из Нюрнберга, на сей раз уже в Базель, где он был хорошо принят Эколампадием. Самым важным для Мюнцера была здесь не встреча с близким к родоначальнику Реформации в Швейцарии Ульриху Цвингли базельским реформатором, а связи с восставшими крестьянами на юге Германии, где произошли первые выступления крестьян в 1524 г.

В том году в природе все смешалось. В феврале зацвели вишни, а на пасху выпал снег. Холода держались долго, и посевы погибли. Осенью начался голод. Ходившие по городам и деревням анабаптистские проповедники уверяли, что близится страшный суд, после которого должно наступить тысячелетнее царство справедливости.

Великая крестьянская война в Германии началась в июне 1524 г. восстанием в графстве Штюттинген. За несколько месяцев крестьянскими восстаниями были охвачены обширные территории на Юге и Юго-Западе Германии. Затем крестьянская война перебросилась в Швабию, Франконии и Тюрингию. Крестьянская война 1524—1525 гг. превосходила все предыдущие крестьянские движения в Европе как по размаху, так и по степени политической активности и сознательности ее участников. Было выдвинуто несколько программ, в которых отразились экономические, социальные и политические требования крестьян. В районах крестьянских восстаний действовали крупные отряды, насчитывавшие порой до нескольких тысяч человек. Многие деревни и целые районы отказывались от несения феодальных повинностей и требовали от феодалов их уничтожения. Осенью 1524 г. крестьянские военные отряды были уже значительной силой. Они одержали ряд побед. Феодалы спасались бегством или сдавались в плен. Крестьяне брали один замок за другим. Дворяне воспринимали крестьянские восстания как «божью кару». Но они пытались сбить пламя крестьянских выступлений лицемерными обещаниями выполнить все требования крестьян, а тем временем собирали силы для решающего удара. Беда крестьян состояла в том, что они верили этим обещаниям, утрачивали инициативу, а затем их разрозненные отряды терпели поражения.

Томас Мюнцер был свидетелем этих событий на Юге Германии. Он был убежден, что феодалы и князья — глав-

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 7. С. 364.

ная причина бед, постигших Германию, и сложившееся положение не может быть изменено без решительных социальных и политических перемен. Сторонники Мюнцера составили «Статейное письмо», в котором феодально-княжеская власть ставилась вне закона, выдвигалось требование конфискации помещичьего имущества и подчеркивалось, что любые переговоры с феодалами должны сопровождаться угрозой насилия со стороны крестьян.

Это был уже продуманный план антифеодальной революции под руководством крестьянства. «Статейное письмо» повлияло на действия наиболее революционных отрядов крестьян в Южной Германии, но в целом широкого распространения в крестьянской среде не получило. Это очень огорчало Мюнцера, сожалевшего, что крестьяне не могут понять собственных интересов. Мюнцеровская программа все же была политической утопией, хотя и воспринималась наиболее радикально настроенными элементами крестьянства и плебейства. Видя, что его программа не слишком горячо принята крестьянами на Юге Германии, он надеялся на ее успех в родной Тюрингии. Как бы то ни было, но в начавшемся крестьянском движении он увидел осуществление своих идей. Его звали к себе Тюрингия. Там необходимо было готовить новый акт выступления. По возвращении его в Мюльхаузен в феврале 1526 г. начинается последняя глава жизни Томаса Мюнцера.

В Мюльхаузене он понял, что его друзья не сидели сложа руки. Они были готовы к борьбе и ждали сигнала, чтобы поднять знамя «Вечного союза» с начертанной на этом знамени радугой. Мюнцер сразу же начал проповедовать в самой большой церкви Мюльхаузена — церкви св. Марии. Он утверждал, что вскоре должны произойти большие изменения. В марте в церкви св. Марии после ожесточенных споров был провозглашен «Вечный совет» Мюльхаузена, члены которого не должны были ежегодно меняться, как прежде, а становились пожизненными членами городского совета. «Вечный совет» не был еще орудием народной Реформации, но представлял из себя компромисс между различными группами бюргерской оппозиции. Главной функцией «Вечного совета» было регулирование повседневной жизни горожан и главной целью являлось установление политического равенства.

Вслед за Мюльхаузеном восстание быстро распространилось по всему Саксонско-Тюрингскому району. Уже после поражения восстания ландграф Филипп Гессенский

писал руководителям Швабского союза, что если бы восстание в Тюрингии не было подавлено, тогда другие земли Германии были бы потеряны для князей. В Тюрингском восстании князья увидели величайшую опасность для своего господства. Беспокойство князей имело под собой основания, ибо в Тюрингии действия восставших, благодаря усилиям Мюнцера и его сторонников, сочетались с последовательными революционными идеями и целями.

Отношение Лютера к начавшимся крестьянским восстаниям не было столь простым, как это поначалу может показаться. Конечно, он отнюдь не принял крестьянского движения, но преследовать крестьян обычными полицейскими мерами он также не собирался. Он надеялся, что и крестьяне, и их угнетатели вскоре образумятся. Лютер подробно ознакомился с программой «Двенадцать статей», выдвинутой в марте 1525 г. руководителями крестьянских отрядов в Швабии. Вскоре же он написал «Призыв к миру по поводу „Двенадцати статей“». Сначала Лютер обвинил господ в алчности, насилиях и произволе. Он писал, что помещики сами виноваты в крестьянском восстании. «Вы правите так жестоко и тиранически, что Вам не останется утешения и надежды, когда Вы погибнете». Но в этом же своем сочинении реформатор стал сурово укорять крестьян. Он говорил, что Евангелие учит христиан терпению и надежде на бога, поэтому надо ли крестьянам добиваться бранных земных благ? По сути дела Лютер хотел бы высидеть над враждующими сторонами и примирить их. Но обращение Лютера не возымело никакого действия, ибо было противоречивым. С одной стороны, он утверждал, что феодалы заслужили мятеж, а с другой стороны, уговаривал крестьян примириться с властью феодалов.

Затем Лютер отправился в Тюрингию. Он надеялся своим обращением к горожанам и крестьянам успокоить их. Однако его страстные проповеди оказались бесполезными. Слушали его плохо, проповеди прерывались насмешками, а в Штольберге ему крикнули, что он — княжеский угодник. Над умами простых людей в Тюрингии властвовал теперь Мюнцер. Они верили ему, а не Лютеру.

Да и как было не верить Мюнцеру, если его слова отвечали самым сокровенным думам и чаяниям бедняков! «Когда, какую заповедь бог дал князьям такую власть, что мы, бедняки, должны проводить на барщине все хорошие дни и можем работать у себя на поле только в дождь, обливаясь кровавым потом? В своей справедливости бог

не потерпит, чтобы нас заставляли косить их луга, возделывать пашни, сеять, выдергивать, чистить, мять, мыть, трепать, чесать и пряхать лен, лущить горох, собирать морковь и спаржу... Проклятие их позорной власти и разбойничьим правам! Что сказать о тех тиранах и злодеях, которые присваивают себе все налоги, пошлины и сборы и бесстыдно проматывают их, тогда как они должны идти в общую казну и идти на пользу всей стране? Если кто-нибудь вздумает поморщиться по поводу этого, с ним тотчас же поступают как с изменником: ведут на пытку, отрубая голову, четвертуют. Его жалеют меньше, чем бешеную собаку... Да, их власть не от бога, они сподвижники дьявола, их повелитель — сатана. Свергнуть этого Моаба и Бегемота — истинно богоугодное дело; писание называет их не слугами божьими, но змеями и волками...»

Восстание в Тюрингии началось 18—19 апреля в районах Верхней Верры близ Эйзенаха. Фактически одновременно произошли выступления в Фульде и Герсфельде. В Верре сформировался мощный отряд крестьян под руководством Ганса Зиппеля, сторонника Мюнцера. Этот отряд двинулся из Зальдунгена через Шмалькальден на Мейнинген, где был принужден к вступлению в союз граф Вильгельм фон Хеннеберг.

По плану Мюнцера часть отряда Зиппеля должна была занять города южной Тюрингии и объединиться с повстанцами Фульды и Герсфельда. Далее Мюнцер намеревался, объединив эти отряды с отрядом Мюльхаузена, двинуться на Франкенхаузен, подчинить мансфельдских графов, соединиться с горнорабочими Гарца и, по существу, координировать действия восставших во всем районе.

Этот план, однако, встретился со множеством препятствий. Среди восставших не было единства целей и действий. Крестьяне намеревались громить монастыри и поместья феодалов. 7 мая отряд Верры достиг Эйзенаха, но не торопился вступить в город. Руководители отряда опасались вторжения войск Филиппа Гессенского с запада, хотя в Эйзенахе были благоприятные условия для победы революционного движения. Пока шли переговоры и совещания, войска Филиппа Гессенского приблизились к Эйзенаху и отряд Верры был разогнан.

Между тем восстание разгоралось. Узнав о просьбе горожан Нордхаузена и Франкенхаузена о помощи, Мюнцер обещал поддержку. 1 мая повстанцы двинулись в направле-

нии Франкенхаузена. Но как только они достигли Шернберга, появились посланцы из Эйхсфельда с просьбой о помощи. Большинство участников похода решило помочь эйхсфельдцам, для чего пришлось изменить маршрут движения. После этого отряд повернул снова на Мюльхаузен. Время было потеряно, и план Мюнцера оказался под угрозой срыва. Мюнцер указал в этой ситуации на опасность, угрожавшую революционному движению. Он в эти дни стремился распространить движение на всю Германию, объединить действия крестьян, горнорабочих, плебеев и бюргеров. Успех дела должен был решить отряд, направленный на Франкенхаузен, но его выступление задерживалось.

Положение было критическое, князья готовились подавить восстание в Тюрингии. Филипп Гессенский и герцог Брауншвейгский привели свои войска в движение, герцог Георг Саксонский нанял солдат в Лейпциге, архиепископ Альбрехт Бранденбургский спешно готовил военный отряд.

10 мая Томас Мюнцер со своими сторонниками двинулся из Мюльхаузена во Франкенхаузен. Другая часть городского ополчения под командой Пфейфера осталась в Мюльхаузене. Придя во Франкенхаузен, Мюнцер немедленно прекратил переговоры между настроенными на компромисс руководителями Франкенхаузенского отряда и графами Мансфельдскими. Мюнцер снова и снова проповедовал. Он призывал к уничтожению власти феодалов. Он писал мансфельдским рудокопам: «Дорогие братья, как долго вы спите! Вы забыли волю божью, говоря, что бог забыл вас. Но разве я не учил вас много раз, что так и должно быть. Бог не может более открываться людям. Вы сами должны быть стойки, в противном случае напрасны все ваши раздирающие сердце жертвы... Беритесь за дело божие и выходите на борьбу. Время настало! Убеждайте ваших братьев не презирать слова божия, иначе им грозит гибель. Вся Германия, Франция и Италия уже поднялись. Господь хочет приняться за дело: злодеи должны погибнуть... Итак, за дело! Пора, злодеи трусили, как псы. Возбуждайте ваших братьев к согласию и уговаривайте их снаряжаться. Давно, слишком давно пора, скорей же, скорей, за дело, за дело! Не поддавайтесь, если даже враги будут обращаться к вам с добрым словом... Крумпф, Фельтен и Бишоф, беритесь каждый за свою работу. Передавайте это письмо вашим товарищам горнорабочим. Хотел бы

так наставить всех братьев, чтобы их мужество было тверже всех замков безбожных злодеев во всей стране! За дело, за дело! Железо горячо, куйте его!

Пусть ваши мечи не остывают от теплой крови! Пока злодеи живы, вы не освободитесь от человеческого страха. Вам нельзя говорить о боге, покуда вами управляют. Итак, за дело, пока время еще не ушло. Вами предводительствует бог, следуйте же за ним». Но подкрепление, ожидавшееся из Нордхаузена и Эрфурта, не появилось. Мансфельдские горнорабочие, собравшиеся в конце апреля в Эйслебене и намеревавшиеся идти на Франкенхаузен, были разбиты графом Альбрехтом Мансфельдским близ Остерхаузена.

Гессенские войска уже захватили пространство между Эйзенахом и Лангензальцей. 13 мая к ним присоединились солдаты из Брауншвейга и теперь их стало 4 000 пеших и 1 700 конных. Филипп Гессенский готовился к маршу на Франкенхаузен, но у него не было пушек, и потому он медлил. Между тем в лагере у Франкенхаузена собралось около 6 000 повстанцев. 15 мая войска Филиппа Гессенского окружили Франкенхаузен и объединились с войсками Георга Саксонского. Им удалось развернуть свои орудия так, чтобы обстреливать созданный крестьянами вагенбург (лагерь, окруженный повозками) с любых позиций и в то же время отрезать восставшим путь назад.

Повстанцы заняли не слишком удобную позицию. Устроенный ими вагенбург был уязвим — с тыла у них находился город. Княжеские войска располагались на хороших позициях на вершине горы и могли легко обстреливать позиции повстанцев. Мюнцер не имел совершенно военного опыта, он был вождь, оратор, но не воин. К тому же в его ближайшем окружении не хватало людей, имевших военный опыт.

Филипп Гессенский и другие князья потребовали капитуляции восставших и выдачи Мюнцера. Часть повстанцев готова была подчиниться требованию князей. Но Мюнцер знал, что с помощью подобной тактики феодалы нередко побеждали крестьян в начале Крестьянской войны в Южной Германии, а после капитуляции начались резня и избиение безоружных крестьян. Мюнцер обратился к крестьянам: «...не поддавайтесь наущениям плоти, но нападайте мужественно на врага. Не бойтесь их орудий: скоро вы сами увидите, что вражеские пули не могут причинить вам вреда». И в этот момент в небе засияла

радуга. Она была воспринята как знак того, что борьба крестьян справедлива. Они увидели в этом перст божий. Мюнцер снова обратился с проповедью. Повстанцы с заманием сердца слушали его, затем покинули вагенбург. Увидев, что повстанцы ушли со своих боевых мест и сгруппировались в центре лагеря, Филипп Гессенский дал приказ стрелять из пушек по лагерю. Моментально началась паника. Отряды кавалерии бросились в образовавшиеся в вагенбурге бреши. Повстанцы бросали оружие и искали спасения в бегстве. За ними гнались ландскнехты и убивали. Было убито около 6 000 человек, а 600 попали в плен. Лишь немногим удалось спастись. На чердаке одного из домов Франкенхаузена был обнаружен раненый Мюнцер. Граф Эрнст Мансфельдский громкогласно заявил, что он добьется отречения Мюнцера от своего учения. Мюнцера допрашивали, пытали, но заставить его отречься не удалось. Наспех составленное прислужниками Эрнста Мансфельдского отречение Мюнцера было фальшивкой и никого убедить не могло. 25 мая пал Мюльхаузен. Его сдали бюргеры на унижительных для города условиях. Вскоре был пойман Пфейфер. 27 мая за воротами Мюльхаузена Мюнцер и Пфейфер были обезглавлены на эшафоте, построенном среди бивака княжеских войск. Но казни руководителей восстания феодалам показалось слишком мало. Их насилья и зверства намного превышали то, что было приписано обывательскими слухами и сплетнями крестьянам. Эшафот в Мюльхаузене не просыхал от крови. К нему волкли людей по малейшему подозрению. Во время военных действий и кровавых расправ в Германии было убито более ста тысяч крестьян. Это на 15 миллионов человек населения! Если участников движения «Башмака» уродовали, им отсекали пальцы правой руки, которую они поднимали вверх, когда давали присягу, то в 1525—1526 гг. — выкалывали глаза! Во время резни под Цаберном в Эльзасе погибло около 18 тысяч крестьян. Каратели, как правило, не брали пленных. Сражения превращались в бойню; вооруженные всадники убивали почти безоружных крестьян. У крестьян не было конницы, чтобы противостоять всадникам из княжеских войск. От тяжелых пушек не спасали вагенбурги.

Позже, чем в других германских землях, было подавлено восстание в Тироле. Его руководитель Михаэль Гайсмайер ушел с частью своих войск и вступил в переговоры со швейцарцами и венецианцами о совместной борьбе про-

тив Габсбургов. Но во время этих переговоров он был убит подосланным Габсбургским агентом.

Феодалы жестоко мстили крестьянам. На рыночных площадях торчали на шестах отрубленные головы. Без устали работали секиры палачей. Оставшихся в живых облагали штрафами. Феодалы под предлогом возмещения нанесенного ущерба грабили крестьян. Многие лютеранские богословы, в том числе и сам Лютер, в своих проповедях и памфлетах старались оправдать преследования и избиения крестьян, хотя, может, и не всегда до конца искренне. Но как бы они ни изощрялись, память о Мюнцере и его соратниках осталась неистребимой.

После поражения крестьян под Франкенхаузенем высшая точка Крестьянской войны в Германии была пройдена. Князья могли торжествовать победу. Учение Мюнцера не охватило всех восставших, оно явно опережало свое время, но призыв Мюнцера изменить мир не остался без отклика. За Мюнцером пошли наиболее передовые слои крестьян, горнорабочих, плебеев и мелкого бюргерства. Его завещание содержало в себе призыв: «Вся власть должна быть отдана простому народу».

Ф. Энгельс писал спустя более чем три столетия: «Мюнцер сам, по-видимому, чувствовал глубокую пропасть, отделявшую его теории от непосредственно окружающей его действительности, пропасть, которая тем меньше могла остаться им незамеченной, чем больше искажались его гениальные воззрения в неразвитых головах массы его приверженцев»³. Мюнцер погиб за правое дело. В имени его и делах черпаю свои традиции немецкое революционное движение. Памятником Мюнцеру и участникам Крестьянской войны является сооружаемая на месте исторического сражения под Франкенхаузенем диорама. Эта диорама служит ярким подтверждением того, что память о народных героях, память о народных вождях не умирает.

Традиции Крестьянской войны и народной Реформации Томаса Мюнцера не угасли. Ими вдохновлялось демократическое и рабочее движение в Германии XIX—XX вв. Участники Ноябрьской революции 1918 г. в Германии, группа «Спартак» во главе с пламенными революционерами Карлом Либкнехтом, Розой Люксембург и Францем Мерингом, борцы на баррикадах Гамбурга в 1923 г.,

коммунисты поколения Эрнста Тельмана, испытывшие ужас нацистской диктатуры, массовых расправ и концлагерей, строители социализма в ГДР — все они наследники Томаса Мюнцера. Поэтому имя его и дела остались в памяти многих поколений. Сейчас в ГДР идет подготовка к 500-летию юбилею со дня рождения Томаса Мюнцера. Воздадим же и мы дань уважения этому великому революционеру и борцу за равенство и справедливость!

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 7. С. 424.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 7.
Гутнова Е. В. Классовая борьба и общественное сознание крестьянства в средневековой Западной Европе. М., 1984.
Сказкин С. Д. Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века. М., 1968.
Чистозвонов А. Н. Европейский крестьянин в борьбе за землю и волю (XIV—XV вв.) // Средние века. М., 1975. Вып. 39.

История Византии. М., 1967. Т. 2. С. 65—79.
Курбатов Г. Л. История Византии (от античности к феодализму). М., 1984.
Липшиц Е. Э. Очерки истории византийского общества и культуры. М., 1961.
Удальцова З. В. Восстание Фомы Славянина // Книга для чтения по истории средних веков. М., 1951. Т. 1. С. 187—193.

Бортник Н. А. Арнольд Брешианский — борец против католической церкви. М., 1956.
Гаусрат А. Средневековые реформаторы. Спб, 1900. Т. 1.
Данэм Б. Герои и еретики. М., 1967.
Лозинский С. Г. История папства. М., 1986.

История Италии. М., 1970. Т. 1.
Сказкин С. Д. Первое послание Дольчино // Сказкин С. Д. Избранные труды по истории. М., 1973.
Сказкин С. Д. Восстание Дольчино // Сказкин С. Д. Из истории социально-политической и духовной жизни Западной Европы в средние века. М., 1981.
Самаркин В. В. Восстание Дольчино: Учеб.-метод. пособие. М., 1971.

Басовская Н. И. Столетняя война, 1347—1453. М., 1985.

История Франции. М., 1972. Т. 1.
Конокотин А. В. Жакерия 1358 г. во Франции // Учен. зап. Ивановского гос. пед. ин-та. Иваново, 1964.35.

Лавандовский А. П. Жанна д'Арк. М., 1962.
Райцес В. И. Процесс Жанны д'Арк. Л., 1964.
Райцес В. И. Жанна д'Арк: Факты, легенды, гипотезы. Л., 1982.

Петрушевский Д. М. Восстание Уота Тайлера. М., 1914.
Сапрыкин Ю. М. Социально-политические взгляды английского крестьянства в XIV—XVII вв. М., 1972.
Хилтон Р., Фаган Г. Восстание английского народа в 1381 г. М., 1952.

Крацохвил М. Магистр Ян. Прага, 1966.
Рубцов Б. Г. Ян Гус. М., 1958.
Рубцов Б. Г. Гуситские войны. М., 1955.

Гусакова Н. А. Борьба плебейской оппозиции против феодально-католической реакции в первый период гуситского движения. Минск, 1963.

История Венгрии. М., 1970. Т. 1.

Смирин М. М. Народная Реформация Томаса Мюнцера и Великая Крестьянская война в Германии. М., 1955.
Соловьев Э. Ю. Непобежденный еретик: Мартин Лютер и его время. М., 1984.
Штекли А. Э. Томас Мюнцер. М., 1961.